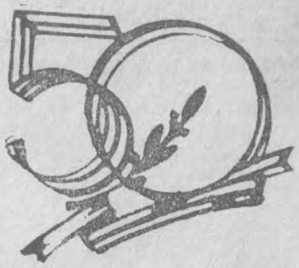
Т-51



Тернистый путь к Победе

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, работников тыла Северо-Казахстанской области. Статьи, очерки.

Республика Казахстан
Петропавловск, 1995 год

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Издание Северо-Казахстанской областной администрации и областного совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил.

Главный редактор **К. М. Магазов.**

Ответственный редактор за выпуск **В. П. Глазков.**

Редакционная коллегия: **С. А. Абдулов, А. Ф. Апретов, Т. А. Колесникова, В. В. Самойленко, Ж. К. Сулейменов, М. Т. Туралин, Г. М. Халетова, В. С. Хмара, П. В. Хорольский.**

Рецензент: областной военный комиссар полковник **Н. И. Долженко.**

Читальный зал

«Я призвал бы нашу молодежь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно.

Я много раз видел, как солдаты подымались в атаку. Это нелегко: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. Но они подымались! А ведь многие из них едва узнали вкус жизни: 19—20 лет—лучший возраст для человека—все впереди! А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь.

Конечно, они знали и радость победы в бою, боевую дружбу, взаимную выручку на поле боя, чувство удовлетворения от сознания, что выполняют священную миссию защиты Отечества».

Г. К. Жуков, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза. «Воспоминания и размышления», издание второе, Москва, 1975 г., том 2., стр. 446.

Читальный зал

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Слова В. Харитонова Музыка Д. Тухманова

День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем, таял уголек.
Были версты, обгорелые, в пыли, —
Этот день мы приближали как могли.

ПРИПЕВ: Этот день Победы
Порохом пропах,
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.
День Победы!
День Победы!
День Победы!

Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша Родина очей.
Дни и ночи битву трудную вели —
Этот день мы приближали как могли.

ПРИПЕВ.

Здравствуй, мама, возвратились мы не все...
Босиком бы пробежаться по росе!
Пол-Европы прошагали, ползем ли, —
Этот день мы приближали как могли.

ПРИПЕВ: Этот день Победы
Порохом пропах,
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.
День Победы!
День Победы!
День Победы!

Огромен вклад в Победу Казахстана. Его сыновья и дочери геройски сражались под Брестом, защищали Москву, изгоняли врага с оккупированных территорий, водружали знамя над рейхстагом. В те годы вся республика превратилась в один из важных арсеналов страны, по-матерински приняла более миллиона человек, эвакуированных из пылающих регионов.

Н. НАЗАРБАЕВ.

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемая вниманию читателя книга составлена в основном из воспоминаний непосредственных участников Великой Отечественной войны — североказахстанцев, работников тыла, тех, кто в годы суровых испытаний сделал все возможное, а порой невозможное для Победы. В коротких рассказах бывалых фронтовиков прослеживаются будни войны и труда с рассвета 22 июня 1941 года до победного дня сорок пятого. Между этими двумя историческими вехами войны происходила грандиозная битва, длившаяся 1418 дней и ночей.

С приграничных боев начался боевой путь к Победе многих наших земляков. Они испытали горечь отступлений и радость побед, сражались в окопах Сталинграда, участвовали в невиданных по масштабам танковых сражениях на Курской дуге, штурме Берлина, шли в рядах победителей на Параде Победы на Красной площади.

Воспоминания ветеранов — своего рода исповедь поколения, принявшего на свои плечи всю неимоверную тяжесть войны и свято помнящего о цене, заплаченной за победу.

Отдельным разделом в книге представлены статьи, очерки о североказахстанцах — Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы. Это первая подобная публикация.

В книгу вошли воспоминания тружеников тыла, статьи о героическом труде северян, которые внесли немалый вклад в обеспечение фронта всем необходимым.

Авторы воспоминаний не претендуют на полноту освещения событий военных лет. Но описываемые ими сцены и эпизоды военных действий дают представление о грандиозной битве с сильным, опытным и жестоким врагом.

Перелистывая страницы книги, ты, читатель, увидишь образы солдат Великой Отечественной, их стойкость и мужество, верность воинскому долгу и преданность Родине, цену солдатской дружбы и силу единства народов бывшего Союза. Молодежь узнает из первых уст о подвиге отцов и дедов, стоявших насмерть и отстоявших свободу и независимость Родины ценой огромных жертв и страданий.

Седым ветеранам войны короткие рассказы боевых соратников напомнят о былых сражениях, участниками которых они были, о друзьях-товарищах, с которыми шли по дорогам войны, напомнят об опаленной войной юности.

В книгу не вошли все воспоминания, присланные ветеранами, за что редколлегия приносит свои извинения. Причины понятные, объяснимые. Чтобы в одну книгу вместить все воспоминания, надо ее объем увеличить в несколько раз, что просто невозможно.

В книге использованы материалы из архива Министерства обороны СССР и областного Государственного архива.

Редколлегия благодарна областному Государственному архиву, областному военному комиссариату за помощь в подготовке и издании книги.

Областной совет ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, редколлегия выражают благодарность городской администрации, Петропавловскому отделению Южно-Уральской железной дороги и Северо-Казахстанскому акционерному обществу газового хозяйства «Алаугаз» за материальную поддержку в издании книги.

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

Все дальше уходят в глубь истории огненные годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Давно засыпаны окопы, блиндажи, воронки от снарядов и бомб. В местах жестоких боев растут деревья, цветы, травы. Восстановлены и стали более красивыми, благоустроенными разрушенные города, села. Следы войны не остались на земле, но следы войны сохранились в сердцах, памяти седовласых ветеранов. Не забыть, не заровнять, не изгладить людское горе, передаваемое из поколения в поколение. Не забыть о миллионах погибших, искалеченных судьбах. Сколько вдов, сирот оставила война! Сколько пролито слез матерями!

Народная память хранит все! Помним, как вооруженные до зубов, механизированные войска противника, несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, продвигались в глубь страны, разрушая города и села, заводы и фабрики, убивая мирных жителей. Как всем нам было тяжко, затаив дыхание, слушать сообщения Совинформбюро, когда враг стоял у ворот Москвы, блокировал Ленинград, когда от людской крови багровела вода великой русской реки—Волги-матушки. Над страной нависла смертельная опасность.

В те первые трагические дни как набат, как призыв прозвучала песня «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!..». Слова этой бессмертной песни выражали дух народа, величайший патриотизм и готовность людей подняться на священную войну и отстоять свободу и независимость своей Родины.

Советский народ, его Красная Армия не дрогнули перед натиском фашистских полчищ. Страна превратилась в единый военный лагерь. Даже в трагические дни грозного лета сорок первого он был уверен, что враг будет разбит, победа будет за нами. Эта уверенность подкреплялась героизмом воинов на фронте, самоотверженным трудом в тылу.

Среди тех, кто на рассвете 22 июня 1941 года принял первые мощные удары противника, было немало наших земляков. В районе Бреста в составе 17-го пограничного отряда сражались сержант Б. И. Бабин из Петропавловска, пулеметчики В. К. Янков, В. Д. Мишин, наводчик 45-миллиметровой противотанковой пушки В. К. Шибанов из Сергеевского

района и другие. В течение 17 дней бились они в Брестской крепости, отражая множество атак противника. На их счету сотни убитых вражеских солдат.

В кровопролитных боях за Москву отличилась 36 отдельная стрелковая бригада, укомплектованная в основном из призывного возраста населения нашей области. В жестоких боях за железнодорожную станцию Крюково и на Волоколамском направлении приняли участие Е. В. Фейге, С. Т. Юдин, Е. Д. Хрущев, Г. А. Кабардин, М. М. Жарков, М. Ф. Донченко.

29 стрелковая (72 гвардейская) дивизия, сформированная в Акмоле, стояла насмерть в героической обороне Сталинграда и проявила себя в разгроме вражеских войск на Волге. В ее рядах воевали А. С. Раздорский из села Красная Горка Приишимского района, Вдовин Г. С. из села Архангелка Пресновского района, М. Габбасов из аула Женекуль Приишимского (ныне Ленинского) района. А. С. Раздорский проявил мужество и стойкость в отражении 12 атак противника. Артиллерист Вдовин, несмотря на ранение в голову, не покинул орудие, открыл ураганный огонь и обратил в бегство противника.

Жителям нашей области известны подвиги 314 стрелковой дивизии, сформированной в Петропавловске. В сентябре 1941 года дивизия вступила в первый бой под Ленинградом и закончила войну в Праге. В боевых действиях дивизии особо отличились северяне: сапер, Герой Советского Союза П. И. Гончар, кавалер ордена Славы 3-х степеней, пулеметчик А. А. Пуненко, старшина Г. И. Мустаканов, наводчик 120-миллиметрового миномета К. М. Шматков, удостоенные высоких наград Родины.

В памяти ветеранов войны сохранились образы командиров — умелых и бесстрашных организаторов боевых действий. Среди них — командир 17-го гвардейского танкового полка, Герой Советского Союза подполковник Тимофей Сергеевич Позолотин, уроженец Ленинского района. В декабре 1942 года руководимый им полк незаметно вышел наперерез отходящим частям 11 румынской пехотной и 62-ой немецкой пехотной дивизий. Стремительным ударом нанес поражение и уничтожил до 10 тысяч солдат и офицеров, забрал склады артиллерии. После такого поражения перестали существовать обе вражеские дивизии.

Командир роты 8-ой стрелковой дивизии старший лейтенант Абу Дусухаметов, уроженец аула Ушкуль Андреевского совхоза Бишкульского района, прошел боевой путь от Курской дуги до Днепра. За мужество, личную храбрость и умелое руководство при форсировании Днепра, его притоков Десны, Припяти А. Дусухаметову присвоено звание Героя Советского Союза. За форсирование реки Днепр удостоен звания Героя Советского Союза и командир взвода Жалел Кизатович Кизатов, выходец из простой крестьянской семьи Булакского совхоза Московского района.

Более 74 тысяч воинов-североказахстанцев прошли дорогами войны от Москвы, Ленинграда и Сталинграда до Берлина. 32 тысячи из них награждены орденами и медалями Советского Союза. Если о каждом из них написать по одной строке, получилось бы 74 тысячи строк. И все равно их будет недостаточно, чтобы раскрыть героизм и мужество наших земляков — солдат Великой Отечественной.

Великая Отечественная война не знает аналогов в истории войн. Фронт и тыл огромной многонациональной страны были слиты воедино и действовали как хорошо отлаженный механизм. Горячая любовь к Родине, ненависть к иноземным захватчикам, справедливый и освободительный характер войны явились движущей силой всенародного подвига во имя Победы. Все ресурсы, все возможности страны, каждого ее региона были полностью мобилизованы на отпор противника. Велик был трудовой порыв народных масс.

В предельно короткие сроки народное хозяйство области было перестроено на нужды фронта. «В труде, как в бою!» — под этим лозунгом трудились работники промышленных предприятий, колхозов и совхозов. На них работали женщины, подростки, старики, заменившие ушедших на войну мужчин. Все, кто мог работать, встали на трудовую вахту, не уходили, пока не будут выполнены задания. Коллективы ряда предприятий были отмечены Красными знаменами, наградами. В 1943 году коллектив мясокомбината завоевал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР, а в 1944 году группа рабочих и служащих награждена орденами и медалями. Невероятно трудную задачу решили горожане в связи с эвакуацией заводов, фабрик и людей из западных районов страны. 14 августа 1941 года прибыли первые эшелоны из-под Москвы с оборудованием и людьми

оборонного завода № 239. На окраине города в нескольких складских помещениях-времянках разместился завод, который теперь называется заводом имени Куйбышева.

Всего за первый год войны город принял и ввел в действие 20 заводов и фабрик, выпускающих продукцию для фронта. На них изготавливались мины, торпеды, корпуса зажигательных бомб, снаряды для различных артиллерийских систем, делали механическую обработку реактивных снарядов для знаменитых «катюш», малолитражные двигатели, электроизоляционные материалы, радиоприборы и средства связи.

Ветеран завода № 641 (ныне завод имени Кирова) В. Маликов вспоминает: «Работали по 12—15 часов и считали это нормой. Никто не жаловался на трудности и усталость. Знали, что на фронте нашим бойцам еще труднее. Все понимали, что это есть наш вклад в победу над врагом».

На фабриках города шили обмундирование, делали саперные лопаты, солдатские котелки. Петропавловск практически стал одним из арсеналов, снабжающих армию различными видами боеприпасов и снаряжения.

С ростом заводов и фабрик городу не хватало электроэнергии. Встала нелегкая задача — строительство ТЭЦ. В сооружении этого сложного объекта приняли участие почти все предприятия города, и 15 июля 1942 года ТЭЦ-1 дала первый ток. В этом большая заслуга начальника стройуправления Н. О. Иванова и первого ее директора Х. И. Булатова. Коллектив строителей и монтажников был удостоен памятного Красного знамени Государственного Комитета Обороны СССР.

Неоценим вклад в победу петропавловских железнодорожников. Наш город, расположенный на железнодорожной магистрали, связывающей восток с западом страны, сыграл исключительно большую роль в снабжении фронта всем необходимым. Станция Петропавловск денно и нощно принимала и отправляла на фронт эшелон за эшелоном с вооружением, продуктами питания, войсками. Среди машинистов паровозов развернулось движение скоростников-тяжеловесов.

Коллектив узла помимо своей основной работы построил и отправил войскам бронепоезд и поезд-баню.

Война предъявила жесткие требования сельскому хозяйству. В осиротевших без мужчин селах и аулах вся тяжесть

нелегкого хлеборобского труда выпала на долю женщин, стариков и подростков. Главной рабочей силой стала женщина. Она пахала, сеяла, убирала хлеб, выращивала животных, работала дома, воспитывала детей.

По инициативе первой женской тракторной бригады, руководимой В. Бондаревой, в колхозах, МТС и совхозах возникли десятки женских бригад. Их девиз: «Каждый пуд хлеба — удар по врагу!». В 1942 году в области они засеяли на 67 тысяч гектаров больше, чем в 1941 году.

Известный советский поэт Михаил Исаковский метко выразил образ женщины военных лет:

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым,
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В этих четырех строках стихотворения сказано все. Низкий поклон тебе, женщина-кормилица страны военных лет. Сама недосыпала, недоедала — все отдавала фронту.

Существенной помощью фронту, проявлением горячего патриотизма явилось движение за создание фонда обороны. Председатели колхоза «Жаналык» Ленинского района Т. Темирбаев, колхоза «Баян» Пресновского района Умутбаев, семья Тепляковых из колхоза имени Вильямса Мамлютского района внесли в фонд обороны свои личные сбережения, соответственно 130, 60 и 100 тысяч рублей.

Всего за два года войны трудящиеся области внесли в фонд обороны 29 миллионов 574 тысячи рублей. Кроме этого в 1941—1942 годах было пошито и отправлено трудящимися области 121770 теплых вещей — валенок, ватных телогреек, брюк, шапок-ушанок, теплого белья и т. д.

Наш рассказ будет неполным, если не скажем хотя бы несколько теплых слов о военврачах, медсестрах, санитарках, которые лечили, ухаживали, спасли жизнь раненых солдат и офицеров. В городе, на базе первой городской больницы, в Доме пионеров и зданиях школ разместились три эвакогоспиталя № 2446, № 3595 и № 3813, в которых лечились одновременно свыше 2000 раненых.

—С первым санитарным поездом,—вспоминает военврач, наша землячка Г. А. Старовойтова, — привезли 800 раненых. Пять дней мы не выходили из госпиталя, обрабатывали раненых, которые поступили в тяжелом состоянии. Тяжело было видеть страдания наших солдат и офицеров.

Фронтовики знают, насколько тяжелым был труд медиков военных лет. Они с благодарностью отзываются о них и поныне.

Великая Отечественная война отличалась от всех других войн тем, что она втянула в свою орбиту все народы огромной страны, где бы они не жили. Не было ни одной семьи, которой не коснулась война, и, пожалуй, не было ни одного человека, который не вносил свою ленту в победу. То, что сказано в этой статье, — лишь малая частица того вклада, который внесли солдаты-североказахстанцы, труженики тыла в нашу общую победу.

Прошло полвека с того исторического дня — 9 мая 1945 года, когда столица нашей Родины — Москва возвестила многострадальному советскому народу и всему миру о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии и о нашей Великой Победе. «С праздником Великой Победы, дорогие соотечественники!»—вдохновенно поздравляла Москва. «С Праздником Победы!» — поздравляли друг друга солдат и генерал, стар и млад. Народному ликованию не было предела. Было торжественно, радостно. Были слезы радости и слезы матерей и вдов о не вернувшихся с войны сыновьях и мужьях. Так было во всех уголках великой страны. Так было в Петропавловске, во всех селах и аулах.

Тернист и труден был путь к победе. Бессмертен подвиг советских солдат. В их рядах шли солдаты из Северного Казахстана. Более 30 тысяч наших земляков не вернулись с полей сражений. В городах, селах и аулах области установлены обелиски, на которых высечены имена погибших земляков. Не пройди мимо, юный друг! Поклонись! Они погибли за Родину, за твое будущее. Все мы обязаны перед их светлой памятью.

Пройдут века, в жизнь вступят новые и новые поколения. Они не раз будут возвращаться к огненным годам Великой Отечественной войны и восхищаться подвигами своих предков. Видный русский писатель и публицист Леонид Леонов писал: «Да и отдаленные правнуки наши, отойдя на века, еще не увидят нас в полный исполинский рост. Слава наша будет жить, пока живет человеческое слово. И если всю историю земли написать на одной странице —и там будут помянуты наши великие дела. Потому что мы защитили не только наши жизни и достояние, но и само звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм».

Килаж МАГАЗОВ.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Слова В. Лебедева-Кумача Музыка А. Александрова.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война.

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы,
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Припев.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Припев.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Припев.

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Припев.

Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!

Припев.

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев.

ГЛАВА I

Воспоминания и статьи

И. МАТЮШКО,
бывший пограничник 88 погранотряда

НА ГРАНИЦЕ, 22 ИЮНЯ

В тот субботний вечер 21 июня 1941 года в клубе было особенно людно. Кружок художественной самодеятельности первой комендатуры 88-го пограничного отряда, где я проходил кадровую службу, ставил пьесу «Под дикой яблоней». Судя по тому, как дружно аплодировали зрители, постановка пришлась по душе. После спектакля мы торопливо снимали грим, переодевались. Все спешили на танцы. Но в этот вечер нам потанцевать так и не пришлось. В клуб вбежал помощник дежурного по комендатуре. По цепочке четко пронеслось: «Пограничники, в ружье!» Этому никто особого значения не придал, так как такая команда на границе слышалась довольно часто. Кто мог знать, что с этой, такой привычной для пограничников команды мы начнем отсчет одной из самых суровых и жестоких войн.

Началась война.

В четыре часа утра раздался первый артиллерийский выстрел со стороны границы. Снаряд угодил прямо в помещение заставы. К счастью, там уже никого не было. Весь личный состав во главе с его начальником капитаном Соловьевым на линии границы отбивал яростные атаки во много раз превосходящих сил фашистов. Второй снаряд разрушил конюшню. Фашисты были уверены в том, что горстка советских пограничников не устоит. За первые три часа обороны подступы к линии границы были усеяны трупами фашистов. Одного немца взяли в плен. Он неплохо говорил по-русски, просил пощады и уговаривал нас отойти, так как им, мол, был дан приказ советских пограничников в плен не брать.

В эти первые часы смертельной схватки трудно было выделить кого-то одного, но особый пример бесстрашия и находчивости показал заместитель начальника штаба комендатуры младший лейтенант Повзун Николай Федорович, прибывший на заставу для инспектирования физической и огневой подготовки. Повзун один из автомата ППД уничтожил свыше взвода солдат противника. К 10 часам утра из личного состава заставы в живых не осталось и половины.

Начальнику заставы капитану Соловьеву доложили, что в его квартире немцы. Взяв с собой двух человек, он отправился на выручку семьи. Вскоре мы услышали автоматную очередь, взрывы гранат. А еще минут через десять приполз один из пограничников, уходивший вместе с капитаном. Он рассказал, что капитан, услышав крик жены, не выдержал и с пистолетом в одной руке, с гранатой в другой вбежал в дом, но оттуда он не вышел.

На помощь капитану была направлена группа пограничников, в том числе и я. В доме была полная тишина. Вдруг из ближнего сарая донесся стон. Там обнаружили мать жены начальника заставы.

Под прикрытием автоматного огня мы вбежали в дом. И здесь, впервые в жизни, увидели страшную картину. Наш капитан лежал у порога весь окровавленный и изрешеченный пулями. У окна на полу его жена. Под кроваткой расстрелянная четырехлетняя дочь, а в другой комнате увидели годовалого малыша. Он тоже был убит. Рядом с капитаном лежали два мертвых фашиста.

Мы поклялись отомстить за это злодеяние фашистам. По пути к линии границы, где продолжалась перестрелка пограничников с фашистами, нас догнал кавалерист тылового отделения комендатуры. Он передал приказ: отходить в направлении Белостока. Из личного состава к этому времени в живых осталось 9 человек, десятый — кавалерист.

Командование группой взял на себя младший лейтенант Повзун. При отходе, когда мы поравнялись с нашей баней и прачечной, фашисты с чердака и окон открыли по нам огонь из автоматов. Медицинский фельдшер Буга упал замертво. Остальные залегли и открыли ответный огонь. Младший лейтенант Повзун проявил себя и здесь. Под прикрытием нашего огня он подполз к окнам и метнул в них одну за другой две гранаты. Все стихло. Но дальше идти открыто мы уже не могли. Нам предстояло пройти ржаное поле, а там — лес. Выйти же к лесу удалось только троим: младшему лейтенанту Повзуну, заместителю политрука Чарикову и мне. Шел третий час дня — первого дня войны. К его исходу мы потеряли нашего третьего товарища — зам. политрука Чарикова. Он был сражен осколком вражеской бомбы.

Тяжело ранили и младшего лейтенанта Повзуна. Потом, на следующий день, его удалось эвакуировать в санчасть. После излечения Повзун с группой пограничников был направлен в тыл противника для организации диверсий и партизанского движения. И там он проявил себя, был награжден орденом Красного Знамени.

В одной из операций в 1942 году он снова был ранен и на сей раз смертельно. Во всяком случае, мы так полагали.

Прошли годы. И вот в мае 1984 года в белорусском городе Гродно, куда я был приглашен на встречу пограничников, принявших бой на государственной границе, произошла радостная встреча: Николай Федорович Повзун, уже не младший лейтенант, а убеленный сединами полковник в отставке, попал в крепкие объятия своих фронтовых друзей из 88-го погранотряда.

А. ЕСЕНБАЕВ,
старший лейтенант запаса, бывший командир минометной батареи 965 стр. полка 274 стрелковой дивизии

ПЕРВЫЙ, САМЫЙ ТРУДНЫЙ БОЙ

Начало войны застало меня в Новочеркасском военном училище. Фронт с каждым днем приближался. Германские механизированные войска проникли в глубь страны. С боями отступали части Красной Армии. Мы, курсанты, понимали, что в такой тяжелой обстановке нас могут в любой день отправить на фронт. Этого дня ждали.

В тот день мы, минометчики, занимались за городом на учебном поле огневой подготовкой. Недалеко от нас занимались кавалеристы. Училище наше готовило командиров артиллеристов и кавалеристов. Примерно в полдень объявили боевую тревогу. Это было в первых числах августа 1941 года. Прямо с учебного поля 20 минометчиков с двумя 82-миллиметровыми минометами на двух повозках и около 100 кавалеристов на конях двинулись на запад. Нам ничего не сказали, куда едем. Но понимали, что держим путь на фронт. На второй день пути догнала автомашина, нам всем вручили винтовки с патронами и сухой паек. На четвертые сутки остановились на отдых в одной деревне, накормили лошадей, сами поели. Мы уже были недалеко от фронтовой полосы. В полночь объявили тревогу. Мы вышли за деревню, слышались стрельба, грохот танков. Рассыпались по сторонам кавалеристы, став в боевой порядок. Мы установили минометы в боевое положение и открыли огонь по противнику. Силы были неравными. На нас шли танки противника, раздавливая все на пути своими гусеницами, беспрерывно строча пулеметами. Не стало видно кавалеристов, то там, то здесь бежали лошади. Уцелевшие беспорядочно отступали назад.

Поймал я коня, сел на него, помчался туда, куда шли другие. В деревне, где мы остановились на отдых, вражеский самолет на бреющем полете обстреливал дома, жители бежали в разные стороны. Миновав деревню, я поехал дальше. В следующей деревне не было гитлеровцев. Здесь встретил старшину и двух своих курсантов, было много незнакомых военных и гражданских. Среди нас оказался полковник, он собрал всех, разбил на группы, назначил старших, и мы пошли навстречу противнику. Миновав одну деревню, мы заметили вражеских мотоциклистов, скавших прямо на нас, мы рассыпались и залегли, чтобы мотоциклисты подъехали поближе. Прицельным огнем уничтожили несколько мотоциклистов, остальные повернули назад. У убитых солдат забрали автоматы.

Так я получил первое боевое крещение в дни грозного лета сорок первого, в районе украинского города Макеевка Донецкой области. Для меня это был первый, самый трудный бой на всем протяжении войны.

Из 20 курсантов вернулись в училище трое. В марте 1942 года, по краткосрочной программе окончив училище, получив звание лейтенанта артиллерии, был направлен в 965 стрелковый полк 274 стрелковой дивизии и назначен вначале командиром огневого взвода, вскоре командиром 120-миллиметровой минометной батареи. На длинном боевом пути родной дивизии принял участие в освобождении городов и сел России, Украины, Белоруссии, Польши, в форсировании рек Вислы, Одера и закончил войну в Берлине. На этом пути повидал, пережил вместе со своими боевыми друзьями и горечь отступлений, радость выигранного боя, видел гибель товарищей, среди которых было много моих сверстников, 20—22-летних парней. Жизнь солдата в бою всегда висела на волоске. Он постоянно находился между жизнью и смертью.

Из боевых солдатских будней на войне мне особо запомнились бои на реке Висле. Висла — глубокая, широкая, полноводная река. Здесь разгорались кровопролитные бои. В июле 1944 года батальону нашего полка и нашей батарее было приказано форсировать реку и занять плацдарм, держать его до прихода основных сил дивизии. Сделав несколько попыток, наконец, с немалыми потерями заняли небольшой плацдарм. Противник вел атаку за атакой, бросая все новые силы, чтобы столкнуть нас в воду. Наступил критический момент. Батальон потерял много солдат и офицеров. Силы иссякали. На нас возлагали последнюю надежду. Ночью я батарею продвинул вперед, ближе к местам ожидаемого наступления противника. Противник длинной цепью шел на нас. Точным огневым ударом батареи отбили атаку противника. К этому времени подошли основные силы дивизии. Заместитель командира полка по политчасти от имени командования части поблагодарил нас, артиллеристов, сказав, что «здорово поработали». За этот бой артиллеристы наши были награждены орденами и медалями, в том числе и я был награжден орденом Красного Знамени.

И сегодня, спустя 50 лет после победного окончания войны, я часто вспоминаю о былых сражениях, друзьях по батарее и полку. Под Берлином, за несколько дней до Победы, погиб командир первого минометного расчета старшина Жабыков Муслим. Его подвиги отмечены орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалью «За отвагу». Храбро сражались Илья Бученков, Николай Маслов, Виктор Паластров. Последний был участником Парада Победы в Москве 24 июня 1945 года.

ПОД МОСКВОЙ В ДЕКАБРЕ 41-ГО

(из воспоминаний ветеранов 36 отдельной стрелковой бригады 16 армии)

Е. ФЕЙГЕ:

36-я бригада была сформирована в Узбекистане. Состояла она в основном из жителей Северо-Казахстанской области, которая в то время простиралась на юг до станции Аккуль (ныне Целиноградской области) и объединяла 25 районов. Ноябрьской ночью 1941 года мы прибыли в Москву. В затемненной столице все казалось притихшим. Но это только казалось. На железнодорожной станции разгружались все новые и новые воинские эшелоны, Москва готовилась к ожесточенным, решительным боям с фашистскими захватчиками. К утру бригада сосредоточилась в районе Химок. Ее включили в состав 16 армии, которой командовал генерал К. К. Рокоссовский. Отдых был недолгим. Ночью нас подняли по боевой тревоге.

С. ЮДИН:

Хотелось бы отметить, что с первого же дня североказахстанцы, среди которых было немало железнодорожников и рабочих мясокомбината, проявили высокие моральные качества. Помню то время, когда мы уезжали из Петропавловска. Как коммуниста меня назначили агитатором. В пути следования беседовал со многими людьми, мобилизованными на фронт. Конечно, им тяжело было расставаться с родными и близкими. Однако я ни разу не слыхал возгласов отчаяния, растерянности. В сердце каждого горел огонь ненависти к тем, кто внезапным нападением оторвал пахаря от земли, а рабочего — от станка. Воспитанные в духе любви к социалистической Родине североказахстанцы шли ее защищать, зная, что впереди у них трудный, быть может, смертельный бой с врагом.

Е. ХРУЩЕВ:

Мое боевое крещение произошло в бою за село Рождественское. Фашисты установили на церкви пулеметы и насквозь простреливали местность плотным огнем. Пехота залегла. Тогда командир батареи лейтенант Рачков спросил: «Есть ли желающие пойти в разведку?»,—объяснил суть дела. Отклик-

нулись девять бойцов, в том числе и я. Разобрали мы миномет. Одним досталась плита, другим —ствол, третьим — ручной пулемет. Да еще лотки с минами. Поползли в обход оврагами. Километра полтора-два предстояло нам на животе одолеть. Незаметно добрались к крайним дворам. Под прикрытием сумерек установили миномет. Ударили по вражеским пулеметным гнездам. Село в огне и дыму от взрывов. Тут и поднялась наша пехота. За успешное выполнение задания меня назначили командиром расчета и присвоили звание сержанта. Позже вручили медаль «За отвагу».

Е. ФЕЙГЕ:

Наступление наших войск продолжалось. Бригада получила боевое задание выдвинуться к переднему краю фронта и во взаимодействии с другими частями овладеть железнодорожной станцией Крюково. Было еще темно, когда ранним утром подразделения бригады вышли на исходные позиции. Артиллерию и минометы установили с расчетом вести огонь прямой наводкой. Ждали условного сигнала. Но подход нашей бригады к исходному рубежу был замечен фашистами. Они открыли огонь. Появились у нас раненые и убитые. Вдруг в небо взвились сразу две красные ракеты. В тот же момент мы открыли шквал минометного огня. Кругом все загудело, все рвалось и заволакивало дымом. Станция Крюково горела.

Прицельным минометным огнем первое отделение сержанта Ермакова подавило две пулеметные точки противника, уничтожило засаду автоматчиков. В этом декабрьском бою 1941 года казахстанцы показали себя смелыми и находчивыми солдатами Родины. Такого упорного натиска советских войск враг не выдержал и отступил. К концу дня мы покидали этот освобожденный населенный пункт, чтобы идти дальше на запад. Десятки семей, прятавшихся в лесу от фашистов, встречались на пути. В их глазах светилась радость: Советская Армия наступает, значит, она сильна—гонит с родной земли захватчиков.

М. ЖАРКОВ:

Сегодня, вспоминая те времена, нельзя не восхищаться мужеством советского человека. Оно проявлялось буквально во всем: и в бою, и на отдыхе. Бывало, выдастся ночное затишье, разгребешь с товарищем снег, наложишь веток. Одну шинель — вниз, второй сверху укрывались. Надышишь — и кажется тепло. Не успеешь вздремнуть, часовой будит, чтобы

не обморозились. Я был связистом. Хлопотливое дело. Перережет осколком провод—и ползешь под артобстрелом восстанавливать связь. Особенно трудно было на Волоколамском шоссе.

Е. ФЕЙГЕ:

Да, там было нелегко. До похода к Волоколамскому бригада вела упорные бои за каждую высоту. Положение невыгодное — мы находились в открытых низменных местах. Но солдаты постоянно понимали, что за ними Москва. Двое суток шел бой за Волоколамск. Упорство и находчивость войск и командования сломили заслоны врага. Мы с боем ворвались в город. В панике враг не успел сжечь Волоколамск. Сотни фашистов остались лежать на его улицах. Многие гитлеровцы сдались в плен. Понесли потери и мы. В минометной роте погиб наш земляк, командир отделения Ермаков. Были тяжелораненые. С боем приходилось брать каждый населенный пункт. Советский солдат шел дорогой, по которой отступали фашисты. Вокруг чернели брошенные орудия, обгоревшие танки и машины, припорошенные снегом трупы вражеских солдат. На полях Подмосковья наш воин окончательно развеял миф о непобедимости фашистской армии.

М. ДАНЧЕНКО:

Почти 30 лет прошло с тех пор. Многие фамилии забываются. А вот батальонного комиссара Михеева помню до сих пор. Любили его солдаты за смелость, за чуткость к человеку. Первые дни на передовой было нам страшновато. Услышишь вой снаряда, и кажется он прямо на тебя летит. Комиссар подойдет, поговорит с солдатами и как будто частицу своей выдержки передал. Бывало, ползешь с катушкой, глядишь — откуда ни возьмись комиссар. Спросит, как дела, связисты, а потом шутя: «До Берлина провода вам хватит?». Он верил в победу и этой глубокой верой старался зарядить каждого бойца. Одним словом, комиссар.

Г. КАБАРДИН:

Я заметил, когда нужно было выполнять ответственное задание и спрашивали добровольцев, первыми, как правило, выходили коммунисты. С одной стороны, они были такие же, как мы, солдаты, а с другой — вроде больше ответственности взваливали на свои плечи. Добровольно. Это сильно влияло

на бойцов. Подавали заявления перед наступлением. Я тоже стал коммунистом на фронте в 42-м году.

С. ЮДИН:

Единство с партией, со всем народом — вот источник силы, питавшей советского солдата. И сегодня я с сердечной теплотой вспоминаю письма, которые присылали к нам люди с разных концов страны. Часто на конвертах стояли слова: «Отважному бойцу» или «Лучшему минометчику». Письма переходили из рук в руки. Проникнутые верой в нашу победу, они удваивали мужество бойцов. Бывали у нас представители московских предприятий, вручали подарки. В период между боями выступали артисты. Мы чувствовали постоянную связь с теми, кто работал на победу в тылу, кто заботился о нас, поддерживая нас морально.

Е. ФЕЙГЕ:

36-я отдельная стрелковая бригада прошла трудный путь. В 1942—1943 годах она освобождала села Смоленщины, сражалась на направлении Орша—Витебск. Североказахстанцы, фронтовая биография которых начиналась в этом соединении, воевали с врагом на польской земле, гнали его из Литвы и громили в Кенигсберге.

(Из фонда облгосархива).

М. ГАББАСОВ,
капитан запаса, кавалер орденов Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды.

НА СТАЛИНГРАДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Лето 1942 года вошло в историю Великой Отечественной войны как самый напряженный период. Имея огромное превосходство в танках, авиации, живой силе, немцы прорвали оборону наших войск на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов, держа направление на Старый Оскол и Воронеж. Но развить наступление на этом участке с ходу им не удалось: они были остановлены на дальних подступах к Воронежу. Тогда противник, перегруппировавшись и пополнив свои силы, обрушил удар против Юго-Западного фронта, задавшись целью захватить Сталинград и перерезать Волгу.

Сталинградская битва началась 17 июля 1942 года и завершилась полным крахом оккупантов, попавших в огромный котел, 2 февраля 1943 года.

В этих кровопролитных боях на сталинградском направлении и в ликвидации окруженных фашистских войск принимала непосредственное участие и 29-я стрелковая дивизия, сформированная в декабре 1941 года в городе Акмолинске из мобилизованных воинов Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской и Карагандинской областей. Первым ее командиром был полковник Жебров.

Дивизия состояла из 106-го, 128-го, 299-го стрелковых и 77-го артиллерийского полков. Кроме того, в нее отдельными подразделениями вошли учебные стрелковый и саперный батальоны, медсанбат, истребительно-противотанковый и тяжелый минометный дивизионы, батальон связи, разведрота, рота химической защиты, авторота. Я был зачислен рядовым в 124-й отдельный батальон связи.

Прошло два месяца напряженной боевой и политической учебы. А в начале марта 1942 года диви

зия получила приказ передислоцироваться в прифронтовую зону. На запад уходили из Акмолинска эшелон за эшелоном, а к середине апреля вся дивизия сосредоточилась в районе станции Волово Тульской области. И опять непрерывная боевая учеба. Мы считали, что нам предстоит бить фашистов, все еще угрожавших повторным наступлением на столицу нашей Родины — Москву. Но события развивались в другом направлении. Немцы начали генеральное наступление на юге. В июне 29-я дивизия получила приказ срочно передислоцироваться из-под Тулы в распоряжение вновь образованного Сталинградского фронта. К этому времени ее командиром стал полковник Колобутин. 16 июля 1942 года первый эшелон нашего соединения прибыл на станцию Жутово Сталинградской железной дороги и начал разгрузку. А уже на второй день командование 64-й армии, в состав которой вошла дивизия, приказало ей вместе с приданной 137-й танковой бригадой срочно занять оборону по восточному берегу Дона от Суровикино до Верхне-Курмоярской на стыке с 51-й армией Южного фронта.

Обстановка на этом участке обострялась с каждым часом. Создавалась угроза прорыва к Сталинграду бронированных полчищ 4-й танковой армии фашистов. Чтобы не допустить переправы немцев через Дон в районе станции Цымлянской, командованию 29-й дивизии было приказано срочно выслать на автомашинах и танках усиленный подвижной отряд в состав обороняющейся там армейской ударной группы, задачей которой было задержать противника на переправах до подхода основных сил 138-й стрелковой дивизии соседней 51 армии.

Подвижной состав отряда был сформирован из стрелкового батальона 128-го полка нашей дивизии, усиленного танковым батальоном 127 танковой бригады, артиллерийским гаубичным дивизионом,

ротой автоматчиков, взводами саперов, ПТР и огневым взводом противотанковых орудий. Я оказался в числе связистов, обслуживающих этот подвижной отряд.

Мы в составе усиленной армейской группы заняли боевой рубеж на участке, где предполагалось форсирование немцами Дона. Но фашисты не пошли в лоб на этот огневой заслон. Они форсировали реку на соседнем участке около хутора Потайкиповского и, заняв хутор Красный Яр, начали фланговый обход наших позиций. Сдерживая превосходящие силы противника, наш подвижной отряд под командованием старшего лейтенанта Букреева в течение пяти дней вплоть до 26 июля непрерывно вел тяжелые оборонительные бои. Именно здесь я и мои товарищи приняли боевое крещение. В эти дни до нас дошел приказ Народного комиссара обороны И. В. Сталина № 227, обращенный ко всем советским воинам. Затаив дыхание, слушали мы суровые и откровенные слова этого исторического документа: «Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило... Отступать дальше, значит, погубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад — таким должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови, до последнего вздоха защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, отстаивать каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...».

К концу июля наш подвижной отряд, обескровленный в непрерывных боях, вернулся в расположение своей дивизии, которая под напором превосходящих сил противника медленно, от рубежа к рубежу, отходила к северо-востоку и к 5 августа заняла оборону по северному берегу речки Аксай в секторе населенных пунктов Чиков — Клыков—Можеев — Шестаков — Антонов, вплоть до 12 августа отбивая танковые атаки немцев, рвущихся к

Волге. Задержав врага почти на неделю, она вынуждена была вновь отступить в сторону Сталинграда и окопаться по линии Абганерово-Плодовитое — 74-й разъезд. Здесь вновь разгорелись кровопролитные бои с наступающей 4-й немецкой танковой армией генерала Гота.

На всю жизнь врезался мне в память боевой эпизод из этих оборонительных сражений. На рассвете 29 августа немцы прорвались на участке соседней с нами 126-й стрелковой дивизии и мотомехчастями начали развивать прорыв в глубину. Восемнадцать танков с десантом автоматчиков вышли к командному пункту нашей дивизии и окружили его, прервав всякую связь с полками. В это время я тоже находился в расположении командного пункта в составе штабной роты связи. Целый день окруженный фашистами КП оборонялся своими силами и средствами. И только к вечеру комдиву Колобутину удалось через посыльного установить связь с находившимся во втором эшелоне отдельным саперным батальоном, которым командовал старший лейтенант Быстров. Ему было приказано немедленно контратаковать окружающего КП противника и прорвать внешнее кольцо окружения.

Присоединив к себе остатки моторизованной разведроты, имея на вооружении только стрелковое оружие, гранаты и одно противотанковое ружье, саперы пошли в атаку. Неся большие потери, батальон сумел отсечь от танков десант автоматчиков и обратил его в бегство. Лишившись поддержки, немецкие танки стали пятиться задним ходом, не прекращая, однако, шквального огня.

Наша штабная рота связи тоже принимала непосредственное участие в этой схватке, обороняя командный пункт на внутреннем кольце окружения. В тот момент, когда немецкие танки медленно ползли к нашим позициям, поливая их огнем, я и мои товарищи-земляки Каиржан Рыспаев и Николай Кулиш, подпустив фашистские танки на бли-

зкое расстояние, забросали их противотанковыми гранатами. Одна вражеская машина была подбита. Но и нам не повезло — вражеская пуля тяжело ранила Кулиша. Каиржан, наскоро перевязав рану товарища, вытащил его на себе с поля боя. А в это время выполз второй немецкий танк. Мне на помощь подоспел еще один солдат нашей роты Иван Воробьев. И опять в ход пошли противотанковые гранаты. Завертелся с подорванной гусеницей и этот «ползучий фашист».

А с внешней стороны кипел бой, который вели саперы, прорывая кольцо окружения. Первой пробилась к нам вторая саперная рота лейтенанта Абросимова, за ней, чуть левее, добивала вражеских автоматчиков первая рота под командованием лейтенанта Чикарева. Отличился личной храбростью и комбат Быстров, подбив из ПТР немецкий танк.

Вместе с саперами геройски сражались и разведчики-североказахстанцы: Иван Стебровский, Алексей Физов, Михаил Хлопотов, Иван Атьков, Ефим Быков, Андрей Игнатенко, Иван Хрупин и другие. В результате этого неравного боя был не только вызволен из окружения командный пункт, но и спасено боевое знамя 29-й дивизии.

Но обстановка на оборонительном рубеже Абганерово — Плодовитое — 74-й разъезд все более ухудшалась. Дивизия, ведя бой на открытой степной равнине, несла большие потери. Чтобы сохранить силы для дальнейшего сопротивления, командование соединения отдало приказ отходить на новые оборонительные рубежи отдельными подразделениями к Сталинграду, за речку Червлену. Опас-

ность возросла после того, как немецкие передовые части овладели в тылу дивизии поселком Зеты и хутором Верхне-Царицынским.

В сумерках полки бесшумно снялись с занимаемых позиций. Надо было спешить, чтобы успеть затемно оторваться от противника и уйти как можно дальше. А люди уже смертельно устали от дневных сражений, подходили к концу боеприпасы. Но все же шли, соблюдая строжайшую маскировку. Едва забрезжил рассвет, как дорогу передовым подразделениям перерезали вражеские танки. Километрах в пяти от поселка Зеты на наши колонны обрушились бомбы, сброшенные фашистскими штурмовиками. Было ясно, что противник ставит целью полное уничтожение дивизии. Укрыться от вражеских самолетов и танков было негде — вокруг открытая степь. Пришлось еще больше рассредотачиваться и пробиваться мелкими группами.

Казалось, уйти из такого ада невозможно. Только чуть рассвело, на нас с двух флангов со стороны Тингуты и Верхне-Царицынского обрушилось до ста вражеских танков в сопровождении мотопехоты. «Мессеры» и «юнкерсы» охотились не только за группами людей, но и за отдельными бойцами. А день, как назло, выдался ясный, солнечный. Бой кипел по всей степи, гибли люди, горели танки, рвались повсюду снаряды, мины, бомбы.

К первому сентября выходившие из окружения подразделения дивизии стали сосредотачиваться в пригородах Сталинграда — Бекетовке, Купоросном, Ельшанке. К вечеру здесь накопилось бойцов тысячи полторы. Несмотря на большой урон в живой силе и технике, дивизия продолжала оставаться бо

евым соединением и заняла оборону на южных сталинградских высотах около деревушки Елхи. А командный пункт, который обслуживала наша рота связи, разместился в Бекетовке.

Несмотря на тяжелые потери, 29-я дивизия встретила наступающего противника стройным огнем и непрерывными контратаками, вынудив его остановиться и перейти к обороне. Сколько гитлеровцы ни предпринимали атак, бросая в бой крупные силы, они не продвинулись на этом участке Сталинградского фронта ни на километр.

Несли потери и защитники города. Незабываемым и скорбным остался в памяти наших воинов день 5 сентября, когда в разгар боя погибли всеобщие любимцы — комиссар дивизии старший батальонный комиссар Иосиф Шурша и начальник политотдела батальонный комиссар Андрей Киселев. Это были в полном смысле слова советские люди — бесстрашные, мужественные, для которых честь и свобода Родины были превыше всего.

Много еще было горячих схваток, ожесточенных сражений на сталинградских окраинах героического фронта. Измотанные в боях отборные фашистские дивизии оказались в огромном котле между Доном и Волгой. А в январе 1943 года началась завершающая операция по ликвидации окруженных в Сталинграде немецких войск. В ней приняла непосредственное участие и наша дивизия. Она осуществила стремительный прорыв на заданном участке и, развивая наступление, овладела населенными пунктами Песчанка, Стародубовка, Верхняя и Нижняя Ельшанка, Горная Поляна и на рассвете 25 января ворвалась в Сталинград. Последним

оплотом вражеской обороны, который штурмовала дивизия вместе с другими соединениями, был Центральный универмаг, где размещался штаб генерала-фельдмаршала Паулюса.

2 февраля 1943 года над Сталинградом взвилось Знамя Победы. За боевые заслуги в сражениях на берегах Дона и Волги 29-я дивизия была удостоена почетного звания: на ее боевом знамени золотыми буквами начертаны слова: «72-я Гвардейская дивизия».

И до конца войны с этим высоким званием она шла с боями в составе 7-й гвардейской (бывшей 64-й) армии во главе со своим прославленным командармом, генерал-полковником Героем Советского Союза Михаилом Степановичем Шумиловым.

Вместе со своей родной дивизией прошли славный боевой путь наши земляки Нель Адгамович Болатбаев, Андрей Данилович Корпич, Николай Кузьмич Захаров, Нина Андреевна Тарасенко, Николай Евдокимович Тимохин, Вера Николаевна Ракицкая, Андрей Петрович Ржевский, Малгаждар Жусупов, Федор Петрович Сазонов, Иван Платонович Шаповалов, Сабырбай Ахметов, Василий Иванович Бегиничев и многие другие.

Н. ЕЗУБЧЕНКО,
майор в отставке.

ПО ТУ СТОРОНУ ВОЛХОВА

Моя военная биография началась осенью 1941 года, когда мне не исполнилось еще и восемнадцати. Первую солдатскую кашу довелось отведать в Алма-Атинском военно-пехотном училище. Учили нас здесь, как говорили тогда, по уплотненной программе. Практически это значило: четырнадцать часов строевой подготовки, тактики, стрельб, изучения уставов. И так четыре с половиной месяца. А потом нам, безусым юнцам, присваивают звания: младший лейтенант или лейтенант.

Вместе с двумя кубиками в петлице пришло и суровое совершеннолетие. Отныне ты не просто Колька, Николай, а командир, отвечающий за судьбы десятков людей. Не сразу это вкладывалось в голову, но война ускорила созревание.

Дальше путь обычный: приехал к месту назначения, принял пулеметный взвод. Обучал тридцатипятилетних и сорокалетних новобранцев тактике, ведению огня из «максимов». И сам учился. Учился быть солдатом и командиром.

Летом сорок второго наш 42-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон 2-го укрепрайона прибыл на Волховский фронт. Высадились на станции Малая Вишера и двинулись маршем через болота к фронту, туда, где глухо ухали пушки, рвались снаряды.

Наши войска тогда держали плацдарм на западном берегу Волхова в среднем его течении: небольшой клочок родной земли километрах в сорока севернее Новгорода. Вот здесь-то, на этом пятачке, возле поселка Спасская Полесть, и принял я свое боевое крещение.

Мы стояли в обороне, вели бой, как писали в сводках Информбюро, местного значения, били по немецким позициям из всех видов оружия и получили сдачу со стороны фашистов. Иногда ходили на немцев, и немцы ходили на нас.

Вот об одном из эпизодов этого периода моей фронтовой жизни я и хочу рассказать.

Было это в октябре 1943 года.

— Товарищ лейтенант, вас к командиру роты, — телефонист несколько раз дернул меня за ногу, когда я после ночного бдения прилег ранним утром на охапку свежей хвои.

«Что бы это могло значить?» — думал я, пробираясь по узкой сырой траншее к знакомой землянке. — Ведь только пол-

часа, как я расстался с капитаном Татариновым и он посоветовал выспаться как следует».

У командира роты сидел, дымя толстой самокруткой, майор, помощник начальника штаба полка по разведке. Он молча кивнул на мое приветствие. Вслед за мной также торопливо вошли и остальные командиры взводов. Майор медленно поднялся, обвел нас взглядом (видно было, что он очень устал) и заговорил тихо, но внятно, подбирая каждое слово:

— Есть приказ достать «языка» на вашем участке фронта. Четыре раза поисковая разведка ходила на передний край противника и вернулась ни с чем. Немцев обнаружить не удалось. Задача: повторить разведку усиленной группой и, если потребуется, взять пленного боем.

И помолчав, добавил:

— Разведку поведет лейтенант Езубченко, группу захвата возглавит младший лейтенант Нагдасев.

День ушел на приготовления. Этим занимался в основном Нагдасев, а я с биноклем в руках наблюдал за передним краем противника, прикидывал, где лучше пройти через нейтральную зону, в каком месте перейти линию траншей. Немцы вели себя спокойно, движения почти никакого, лишь изредка раздавались одиночный выстрел или короткая очередь из автомата.

Выступление назначили на два часа ночи. Саперы сделали проходы в наших проволочных заграждениях и минных полях. Впереди нейтральная полоса — открытое поле шириной с полкилометра, перерезанное почти посредине узкой речушкой Полестью. Первыми пошли разведчики группы захвата во главе с Нагдасевым. Их двенадцать человек, вооруженных до зубов легким оружием. Со мной группа поддержки и прикрытия двадцать восемь солдат и сержантов с четырьмя ручными пулеметами.

Нейтралку прошли незамеченными, залегли в кустарниках перед проволочными заграждениями противника. Прислушались — ни звука. Быстро проделаны проходы в заграждениях. В них устремились «захватчики». А моя группа, окопавшись, заняла оборону, готовая в любую минуту прикрыть огнем отход товарищей и удержать преследователей, пока группа захвата не оторвется от линии обороны.

Проходят мучительные минуты ожидания, истекают все условные сроки, а ребят все нет и нет. Вдруг на левом фланге, метрах в ста от нас, грохнул взрыв гранаты.

— Наша, противотанковая, — вполголоса сказал, обернувшись ко мне, сержант Ельчанинов, лежавший впереди за пулеметом. — Я ее за километр по звуку узнаю.

— Там наших не может быть, — возразил я. — Они должны повернуть вправо.

Но что это? Едва различимые на фоне утреннего сумеречного горизонта слева бегут, чуть пригнувшись, какие-то люди. Кто они? Наших мы с этой стороны не ждали. Уж не фашистские ли это автоматчики пытаются отрезать отход нашей группы? Эти мысли молнией пронеслись в моей голове.

— Приготовиться! — шепотом прошло по цепи. Щелкнули затворы автоматов и пулеметов.

Но через несколько секунд из-за колючей проволоки вынырнули трое наших ребят. Они волокли долговязого немца со связанными руками и кляпом во рту. Вслед бежали еще несколько человек. Но младшего лейтенанта среди них не было.

— А где остальные? — спросил я у одного из бойцов.

— Они ушли направо, — ответил он.

Значит, первоначальный план, который мы так тщательно разработали еще у себя дома, осуществить не удалось. Группа захвата почему-то разделилась надвое, и обе части действовали самостоятельно, с большим риском для себя.

В чем же дело? Что же случилось по ту сторону траншей?

А случилось, как я узнал позднее, вот что. Разведчики группы захвата, нырнув в проход, сделанный в заграждениях, в несколько секунд добрались до первой траншеи противника и оседлали ее, рассчитывая, что удастся схватить проходящего по окопу немца. Никого не дождавшись, решили идти по траншее вправо до ближайшего дзота и в рукопашной схватке уничтожить его гарнизон, захватив «языка». Но и этот замысел не удался: в дзоте никого не было, хотя у амбразур стояли изготовленные к бою пулеметы с запасом лент.

Что за чертовщина? Куда девались немцы? Ведь они весь день постреливали из этой огневой точки?

В глубь обороны вел широкий ход сообщения. Разведчики пошли по нему. Вскоре наткнулись на землянку. Здесь опять ни души, хотя по всем признакам в ней совсем недавно обитали люди.

Тогда и пришло решение: разделиться и действовать самостоятельно на обоих флангах. Левая группа, двинувшись

от землянки по траншее, вышла снова к переднему краю и неожиданно нарвалась на тщательно замаскированный дзот. Возле него, расстелив плащ-палатку, трое солдат, тихо переговариваясь, делили меж собой утренний паек.

Уже светало, и фашисты не ждали опасности, тем более со стороны тыла. Наши разведчики накрыли их без единого выстрела, двух уничтожили, а третьего связали. В этот момент в дзоте раздался громкий окрик. Вгорячах один из разведчиков швырнул в открытую дверь противотанковую гранату. Она и разбудила передний край, всполошив немцев, очень затруднила наши дальнейшие действия.

Едва первая группа миновала линию фронта, справа показались ребята вместе с Нагдасевым. Им тоже повезло: в одном из ходов сообщения схватили унтера, очевидно, связного. Мы все были рады такой удаче, но радость оказалась преждевременной: с двух сторон ударили фланговым огнем пулеметы, заранее пристрелянные для ночного боя. Позади нас утренний полумрак прошили трассирующие пули, сшибая верхушки низких кустарников и взвизгивая на гребнях бугорков.

Группа Нагдасева, прижимаясь к земле, стала отходить. Теперь судьбу всей разведки решали мы, группа прикрытия. В том, что немцы попытаются преследовать наших разведчиков, мы не сомневались. И вскоре они появились.

Я достал ракетницу и дал зеленую ракету: сигнал к отходу. Отбиваясь от наседающих автоматчиков, мы стали пятиться в сторону своей обороны. От немецких траншей было уже более ста метров. Но преследователи не отставали. Кинжальным огнем били с флангов пулеметы. То там, то здесь появились раненые. Вдобавок ко всему, на нас направили свой огонь из ближнего тыла легкие минометы.

Положение сложилось критическое. В таких переплетах мне еще не доводилось бывать раньше. Что же делать? Как оторваться от автоматчиков, чтоб укрыться, по крайней мере, за невысоким берегом Полести? Я приподнялся на корточки, намереваясь в полсекунды осмотреть поле боя и узнать, как отходит группа. В это мгновение меня словно тяжелым молотом ударило в правую половину груди, рука сползла со скобы спускового крючка. Я упал на траву. Ко мне подполз сержант Ельчанинов.

Боли я не чувствовал, только кружилась голова да неприятно сжимала грудь мокрая гимнастерка.

— Сержант, — попросил я, — возьми ракетницу и дай две зеленых.

Через минуту в небо взвились одна за другой две ракеты, а еще через пару минут передний край немцев превратился в сплошной ад: по нему сыграли наши «катюши». Эффект был ошеломляющим, оборона врага была парализована, наши преследователи больше не наседали на нас.

Воспользовавшись этим замешательством в стане противника, наши разведчики поднялись во весь рост и сделали такой бросок, что почти достигли спасительных берегов тихой Полести.

Я совершил это «путешествие» на могучем плече омского богатыря, сержанта Ельчанинова. Он вынес не только меня, но и мой автомат.

Раненых в группе все прибавлялось. По цепи передали: «Сержант Порошин, сопровождавший первого пленного, тяжело контужен. Оба бойца, шедшие с ним; ранены. Пленного тащить некому».

И снова передо мной вопрос: «Что же делать?». Или тащить «языка», оставив на поле боя своих раненых товарищей, или... А что «или»? Как поступить? Даю распоряжение: развязать фашиста, внушить ему любыми знаками, чтоб сам полз вперед, иначе капут. Но немец наотрез отказался ползти сам, начал отбиваться, и ребятам ничего не осталось, как прикончить его, забрав документы и кое-какие личные вещи.

Наконец один за другим разведчики сползли к воде, укрывшись от пулеметного огня за метровой стеной крутого берега.

До своих траншей добираться было легче: спасали кустарники, помогала мысль, что рядом свои.

Пленного передали конвою из штаба полка, раненых уложили на телеги и отправили в медсанбат. Из сорока человек вернулись тридцать девять: потеряли старшего сержанта Белоглазова. Никто не знал, убит ли он или ранен. И только находясь в госпитале в Боровичах, я услышал о нем удивительный рассказ. Он приполз к своим только на второй день поздним вечером. С перебитой рукой, раненный в обе ноги, парень полз, выбиваясь из сил, почти до самого переднего края немцев. Карабкаясь здоровой рукой, цепляясь за неров-

ности земли подбородком, перекатываясь боком, он метр за метром продвигался к своим. На его счастье, в речке стоял затонувший фашистский танк, который послужил переправой для мужественного и стойкого разведчика.

Так закончился этот трудный день, один из многих боевых будней. А впереди были долгие пути-дороги от берегов Волхова до голубого Дуная.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Слова А. Суркова. Музыка К. Листова.

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега...
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови!
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Ж. ИЗБАСОВ,
капитан запаса, ветеран Великой Отечественной войны.

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

Когда началась война, я был довольно зрелым человеком и в свои 28 лет ясно осознавал, что война будет тяжелой, принесет много страданий народу. И в первый же день пошел на призывной пункт. Работал я в связи и понимал, насколько важно отладить эту службу в воинских частях, от которой зависит многое на фронте.

В городе Акмоле формировалась 310 стрелковая дивизия. В ее состав входил 765 отдельный батальон связи, в котором начал я свой боевой путь. Начальником полевой почтовой станции был назначен связист из Караганды Горбатенко. Вместе с ним были его земляки — Сулейменов, Резник, медсестра Люба, конюх Грецко (нашей службе нужен был в то время конюх, потому что зачастую почта доставлялась на лошадях, которым ни горючего, ни дорог не надо). Меня назначили заместителем Горбатенко.

Дивизия наша заняла оборону вблизи станции Тихвин на Волховском направлении Ленинградского фронта. Полевая почта разместилась недалеко от линии фронта, беспрерывно работали телефон, телеграфный аппарат, передавая оперативные сообщения, приказы штабов, доставляла бойцам долгожданные треугольники. Они были единственной нитью, связывающей солдата с родным очагом. Комиссары недаром считали письма из дома таким же боевым оружием, как автоматы, пушки. Какая была великая радость получать письма от родных! Они вдохновляли солдат, прибавляли им сил в битве с врагом. Зачастую боец перед атакой писал письмо домой и доверял его связисту: «Не подведи, браток! Отправь по адресу!».

Шли в города, села, аулы необъятной страны солдатские треугольники. Осторожным и нерешительным был стук почтальона в окно, не знал он — радость или беду несет в дом. Летели треугольники со всех уголков страны на передовую от матерей, жен, сестер, полные любви и добрых пожеланий возвращения домой.

Немало моих боевых товарищей погибло с полевой сумкой под обстрелом на фронтовых дорогах, в окопах. Часто приходилось сортировать почту прямо на земле, постелив на нее плащ-палатку, или на вывернутом бомбежкой пеньке. Был и такой случай. Наша полевая почтовая станция № 990 стояла в Залучье. Загрузили мешки с письмами и отправились на Осташков. Попали под бомбежку, разбилась почтовая автомашина. Но чудом уцелел мотор. Рядом было озеро Селигер, на котором были полузатонувшие катера. Подняли один из них, и почтовик Рахим Алякбаров на катер поставил мотор автомобиля, и поплыли по озеру, и доставили почту к месту назначения.

На войне боец должен проявлять находчивость, находить выход из любой ситуации. На том же Ленинградском фронте убило нашего радиста, разбилась и рация, на которой ловили и ценные вражеские информации.

Однажды вызвали меня в штаб и дали задание: доставить «языка». Мы втроем — я, казах, украинец и русский — отправились в тыл противника. Проникли в штаб батальона. У них был какой-то праздник, и в штабе остались только дежурный и часовые. Сняли часовых, взяли «языка» и — в обратный путь, который оказался очень трудным и опасным. Противник держал под прицелом линию фронта, постоянно обстреливая ее. Добирались мы до своих несколько дней и все эти дни почти без пищи. Жевали молодые листья берез, высасывая из них сок, да коренья. Ослабли порядком, а

немецкий солдат под конец сознание потерял. И мы несли его по очереди на себе. Когда он в штабе пришел в себя, сказал переводчику: «Мы не ценили русский солдат, русский солдат сильный, дружный. Черный солдат, белокурый и рыжий — это как три брата».

Потом были бои под Смоленском, Сталинградом, Харьковом, на Днепре, в Венгрии, Чехословакии, Югославии и закончил войну в Австрии.

Обо всем пережитом на полях битвы трудно вспомнить. Много забылось. Но незабываем подвиг военных связистов, обеспечивающих под огнем противника надежную связь: немало моих боевых товарищей погибло с телефонным аппаратом и катушкой с проводами на шее, при ремонте поврежденной линии телеграфной связи. Помню имена бесстрашных тружеников военной почтовой связи, кто днем и ночью был на переднем крае битвы, чтобы связь работала без сбоев. Это А. Л. Борбашинов, Р. Алякбаров, К. Шепель, А. Нурманбетов и другие.

Я. НОСКОВ,
ветеран Великой Отечественной войны.

ВСПОМИНАЯ ПЕРЕЖИТОЕ

Первый день войны — это день, о котором в известной песне поется так: «22-го июня, ровно в 4 часа, Киев бомбили, нам объявили, что началася война».

Действительно, война нагрянула внезапно. Наш 69-й отдельный железнодорожный батальон, в котором я служил с октября 1939 года, в апреле 41-го с Дальнего Востока был переведен в город Львов. Здесь продолжалась обычная армейская жизнь, но «в воздухе пахло грозой». В приграничное поднебесье то и дело залетали немецкие самолеты-разведчики. Среди мирного населения ходили тревожные слухи.

Рядовым днем была и суббота 21-го июня 1941 года. Многие красноармейцы и младшие командиры мечтали об увольнении в город, об отдыхе в воскресенье. Как обычно, ночь провели спокойно. Подъем — на один час позже — в 7 часов утра. Далее по распорядку: зарядка, умывание, завтрак. И вдруг — сигнал боевой тревоги. Никто из нас не догадывался еще, что это не учебная, а самая настоящая боевая тревога.

Рота выстроилась. Ее командир, старший лейтенант Украинский, сообщил о злодейском нападении фашистской Германии на нашу Родину. Солдаты замерли в тревожном молчании. Суровыми стали их лица.

Получив боевые патроны и винтовки, батальон, погрузившись в эшелон, уже во второй половине дня прибыл в приграничный район — городок Раву-Русскую. Здесь впервые довелось увидеть раненых бойцов.

Часам к пяти вечера заняли оборонительные позиции на опушке дубовой рощицы. Впереди простиралось ржаное поле. А еще дальше виднелся хутор.

Наступила зловещая тишина. Затем начался сильный минометный обстрел по нашему расположению. Рядом грохнул взрыв. Осколком тяжело ранило бойца моего отделения Ивана Малаева. Он тихо застонал и успел сказать всего одно слово: «Прощайте».

По дубовой роще расстилался пороховой дым, запах которого мы ощущали впервые. И только теперь мы по-настоящему поняли, что такое матушка-земля: окопчик, яма, воронки были спасением.

Пришлось в боевой обстановке доучиваться — ползать по-пластунски, маневрировать, перебегать от дуба к дубу, ведя огонь по врагу из автоматов и полуавтоматических винтовок СВТ. А ночью наша рота участвовала в первой контратаке, выбила фашистов из занятых ими траншей и погнала их дальше.

Хутор, который виднелся невдалеке, находился по ту сторону границы. В ночной атаке он был занят нашим подразделением. Но утром мы его оставили под напором свежих вражеских сил. В ночной атаке отличился командир нашего взвода лейтенант Буденный. Он уничтожил до десятка фашистов.

В последующие дни продолжалось вынужденное отступление. Один за другим погибали ребята, с которыми довелось встретить суровые дни войны.

А враг, получивший отпор на Рава-Русском направлении от бойцов 41-й стрелковой дивизии, проявлял звериную злобу во всем. Наша часть держала оборону Львова на его западной окраине, там, где красовалась пригородная роща. Недалеко от этой окраины находилась школа. На короткое время противник прекратил бомбардировку и минометно-артиллерийский обстрел наших позиций. Засияло яркое солнце. Кто-то распустил слух, что война закончилась. Выбежали дети из ближайших домов и стали играть. Но вот с запада появилась армада воздушных стервятников. Именно при таком подлете к цели, с солнечной стороны, трудно увидеть самолеты, пока они не появятся над головой. И вдруг бомбы с пронзительным воем посыпались на беззаботно игравших детей.

Так началась для меня Великая Отечественная. Много их было в моей фронтовой биографии, таких боевых эпизодов. Обо всем не расскажешь. Вспоминаются лишь наиболее запавшие в память. Особенно запомнились боевые будни на среднерусской реке Жиздре. Неширокой и неглубокой запомнилась она мне. С низкими берегами, поросшими густым смешанным лесом. Здесь Жиздра и не могла быть иной — это было ее верховье.

Именно тут, на иссеченной осколками и пулями земле, в 1942 году боевая судьба свела меня, педагога по образованию, с учителем истории Николаем Андреевичем Чумаковым со Смоленщины. И поныне письма (в переписке мы с ним со-

стоим не один десяток лет) трогают меня, как и задушевные разговоры в ту трудную пору. И, выступая в школах перед детьми, я непременно вспоминаю и эту реку, рассказываю об однополчанине Чумакове, который, командуя стрелковым взводом, проявлял мужество и боевое мастерство.

Есть люди, прошедшие горнило войны, которые пока остаются, к сожалению, малоизвестными или совсем не известными. А ведь о них можно слагать легенды, песни, писать книги. Вспоминается один эпизод. Представьте себе летнюю августовскую ночь, густой лес, изрешеченный пулями и осколками, а в нем на расстоянии 50—70 метров притаился коварный враг. В ту ночь мы, разведчики 1085 стрелкового полка 322 с. д., сопровождали красивую, стройную, черноглазую девушку Аню. Так ее называли. А о подлинных фамилии и имени не могло быть и речи.

Кончалась ночь. Забрезжил рассвет. Положили мы широкую доску поперек нашей тропинки. Встала Аня во весь рост, перешла траншею по доске и двинулась в сторону вражеских окопов. Стояла необычайная тишина. На глазах у бойцов стройная фигура девушки в гражданской одежде скрылась в утренней мгле. Аня ушла выполнять боевое задание, которое, может быть, важнее большого ратного подвига. Говорили тогда, что эта девушка — из Смоленской области.

Довелось мне участвовать и в боевых событиях, вошедших в историю под названием Курской битвы. На самом острие Курской дуги была деревня Мало-Гнеушево на берегу реки Сейма, в нескольких километрах от Рыльска. Хорошо помню тогдашних жителей этой деревни Максима Анисимовича Зайцева, его дочь Надю, Алешу Багликова и других. Рядом с домом Зайцевых находилась наша фронтовая землянка, напротив — ротная кухня, укрытие для лошадей, а в глубине сада — дзот. Мимо села проходила шоссейная дорога на Износковский сахарный завод.

Между деревнями Мало-Гнеушево и Боровское по берегу был сосновый бор. Проводя рекогносцировку местности, наши разведчики обнаружили в этом лесу страшную картину злодеяний захватчиков. Они наткнулись на ров шириной, примерно, в три метра, длиной—6 и глубиной — в рост человека. На дне его лежало более полусотни трупов. Людей расстреливали в затылок. Кровь еще не засохла, тела были теплыми, но эту расправу над безоружными людьми трудно сравнивать

со смертью в бою. Ясно помню: среди убитых было два наших бойца. Видимо, они попали в плен и погибли. А остальные — женщины и дети.

С тех пор прошло полсотни лет, но разыгравшаяся трагедия в сосновом лесу никогда не забудется. А разве можно забыть, что в деревне Сучково, находящейся в двух километрах от Мало-Гнеушево, после изгнания противника остались лишь печные трубы и зола. Деревня была сожжена дотла.

Хорошо запомнился один из случаев Великой Отечественной войны.

...Село Черные Буры Дубровинского района находится, примерно, в 30—40 километрах от белорусского города Орши. До конца июня 1944 года в нем хозяйничали оккупанты. Рядом с селом на высоте 104,8 закрепились немцы. Эта высота господствовала над всей окружающей местностью и была естественным оборонительным рубежом. Здесь наша 220-я стрелковая дивизия 31-ой армии занимала передовые позиции. Справа протекал Днепр.

Советские войска готовились к решающему наступлению против вражеских укреплений. Эта боевая операция получила название «Багратион».

23 июня 1944 года начался штурм вражеских позиций. Рано утром наши артиллеристы открыли ураганный огонь по высоте, упомянутой выше. В бой вступили танки, а за ними ринулась вперед и матушка-пехота.

И вот высота взята, флаг водружен на ее гребне. Справа и слева боевые соседи начали продвигаться вперед. Но наш 617-й стрелковый полк встретил упорное сопротивление противника и вынужден был приостановиться в полукилометре от села Черные Буры.

Недалеко от села рос молодой лесок. Деревья были изранены пулями, осколками снарядов и бомб. Кругом свистели пули, рвались снаряды, мины и авиационные бомбы.

Группа бойцов, в которой оказался и я, заняла этот лесок. Быстро окопавшись, наблюдаем за действиями противника, ведем огонь, стремясь продвинуться дальше.

И вдруг прямо перед нами промелькнул какой-то рыжеватый зверек.

— Никак лиса? — высказал догадку наш санинструктор Иван.

Еще пристальнее начали приглядываться, так как пороховой дым и пыль от взрывов застилали все вокруг. Вдруг видим: к нам действительно приближается лисица. Мечется из стороны в сторону, прижимается к земле, озираясь по сторонам. Приблизилась вплотную и вдруг прыгнула в нашу траншею. Как ручная, ахнули мы.

А гостья прижимается к стенке траншеи, трясется, поводя ушами во все стороны. Рассматриваем ее осторожно, чтобы не спугнуть. Поглядывает на нас незванная гостья, а сама продолжает дрожать, но теперь уже ведет себя смелее. Так и просидела с нами часа два в окопчике, пока мы вели бой. И это присутствие лесного зверька как-то ободряло нас, навевало ощущение чего-то мирного, доброго и ласкового.

Наконец, притихла стрельба, противник начал отступать. Наша лисонька совсем успокоилась, повеселела. Нам же надлежало передвигаться дальше —в сторону Орши. Прыгнула рыжая из рук Ивана, приподнявшего ее со дна траншеи, и побежала мелкой рысцой на восток. Отбежала немного, приостановилась, оглянулась и как-то по-особому посмотрела в нашу сторону. Затем снова затрусила мелкими шажками в сторону леса.

...Годы Великой Отечественной войны. Далекие и одновременно — близкие, пережитые и переживаемые. Кое-что стерлось в памяти, но сохранилось и такое, которое цепко держится — не выбьешь и колом.

Мне пришлось участвовать в боях на территории Восточной Пруссии. Здесь проходил боевой путь 62-й стрелковой дивизии, в которой я служил в последний год войны после излечения от очередного ранения. Наше соединение вело бои в составе 31-й армии в январе—апреле 1945 года.

Дивизия одной из первых вступила на территорию фашистской Германии.

Бывшим участникам боев известно, какое упорное сопротивление оказывали немецкие войска в этих местах. Особенно жестокие и кровопролитные бои происходили в пограничных укреплениях, на реке Шешупе, на Мазурских озерах, при штурме крепости Кенигсберга и других городов. При отступлении гитлеровцы дотла сжигали все, что могло гореть. Местное население уходило в центральные области Германии. Короче говоря, войска 3-го Белорусского фронта вступали в опустошенные регионы.

Но вот на подступах к бывшему немецкому городу Хайльсбергу 62-я дивизия, в ее составе и наш 123 стрелковый полк, которым командовал подполковник В. П. Словнов, заняла селение Книпштайн. Это было в начале марта 1945 года. Население этого поселка и близлежащих хуторов почему-то осталось на месте. Это нас удивило. Расположившись на короткое время в селе, часть бойцов во главе с нашим командиром роты И. К. Киреевым решила выяснить причину такого необычного случая. Заходим в самый большой дом поселка. В нем скопилось немало людей немецкой национальности. Некоторые из них, напуганные фашистской пропагандой, настороженно поглядывали на нас. Затем те, кто оказался поближе к нам и посмелее других, начали толковать, что они «Нихт нази», что «Гитлер—капут». Наконец, молодая немка (она назвала себя Фридой) осторожно вынула из тайника в стене какие-то красные книжицы и поднесла их к нам. Чувствовалось, что она силится рассказать о чем-то важном. Разворачиваем книжицу, внимательно рассматриваем. Что-то похожее на членский билет. Кое-что начинаем понимать. И когда услышали слово «комсомоль», тогда прояснилось многое. Перелистываем одну-другую страницу и видим, что там, где мы, советские комсомольцы, привыкли видеть роспись об уплате членских взносов, приклеены марки. На них знакомые портреты Сталина, Калинина, Эрнста Тельмана. Теперь стало понятно, почему население Книпштайна осталось на месте. Комсомольских билетов нам показали десятка полтора.

Нашлись среди немецких комсомольцев и такие, которые, хотя и с большим трудом, объяснили, что у них с 1933 года в глубоком подполье действовала комсомольская организация. Она саботировала мероприятия, проводимые гитлеровцами. Удалось выяснить, что комсомольская группа была создана в местной школе, а Фрида работала учительницей. Как позднее рассказала дивизионная газета, немецкие комсомольцы Книпштайна поддерживали тесную связь с подпольщиками соседнего концентрационного лагеря, где томились узники из разных стран.

Вскоре мы начали продвигаться дальше, чтобы уничтожить вражескую группировку войск, прижатую к Балтийскому морю.

Н. К. КОНЕВ,
ветеран 5-ой танковой армии.

ПОД ПРОХОРОВКОЙ

В год 50-летия Победы в Великой Отечественной войне мы, фронтовики, быть может, особенно часто вспоминаем войну, бои, своих товарищей: живых и погибших. Во всех учебниках истории описан день 12 июля 1943 года как день величайшего танкового сражения во второй мировой войне, в нашей Великой Отечественной. Но взгляд исторический — взгляд масштабный. А в том далеком, 43 ем, исто рию не писали, ее творили простые и такие смерт ные люди...

Весна 1943 года. Наш танковый батальон, вошедший в состав 32-ой танковой бригады 5-ой гвардейской танковой армии, которой командовал генерал-полковник танковых войск, впоследствии главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, только формируется в городе Острогожске. Я—заместитель командира батальона по политической части. Позади у танкистов, влившихся в наш батальон, — тяжелые зимние бои 42-го и 43-го. Среди нового пополнения—механик-водитель старшина Виктор Григорьев. При обороне Тулы этот лихой танкист пошел на таран. Его экипаж уничтожил три танка противника, две пушки и разгромил целую автоколонну гитлеровцев. Виктору Антоновичу Григорьеву за этот бой было присвоено звание Героя Советского Союза. Мне, как политработнику, было радостно, что в батальоне будут воевать не просто бывалые, а героические люди.

Батальон сформирован.

К лету 43-го мы, танкисты, уже кожей чувствовали приближение значительных событий: гитлеровцы получили на вооружение более мощные танки, отличающиеся толстой броней и сильным вооружением: «тигры», «пантеры», «сауфердинанды». Нам, политработникам, приходилось много заниматься с танковыми экипажами по изучению уязвимых мест фашистских танков. Думали мы и о таранах: быстрых, умелых, расчетливых.

Наши предположения о надвигающихся событиях подтверждали разведданные о том, что гитлеровцы готовят большое наступление на Курск через город Обоянь. А это означало, что главный удар может быть на нашем Белгородском направлении.

И вот наступил этот день — 12 июля 1943 года. Наш батальон вышел на исходные позиции, недалеко от станции Прохоровка. После массированной артиллерийской подготовки экипажи батальона пошли в танковую атаку.

Горела земля, горели кустарники и перелески. От смрада и дыма над полем танкового сражения, как в пасмурный день, не было видно солнца.

Я, как и другие командиры, находился на исходных позициях и наблюдал за ходом боя, пристально вглядываясь в свои родные «34-ки».

Через пятнадцать минут к нам подскочил танк с тяжело раненным командиром. Я заменил командира танка и повел машину в атаку. Был очень зол на одну немецкую пушку, которую заметил еще на наблюдательном пункте. И, выдав в адрес гитлеровских артиллеристов все, что я про них думал, с 800 метров с первого выстрела уничтожил немец-

кое орудие. Но и наш танк неожиданно вздрогнул от взрыва и закрутился на месте без гусениц. Я отдал экипажу команду покинуть машину, и вовремя: через пару минут вспыхнул топливный бак и нашей «тридцатьчетверки» не стало.

Здесь же неподалеку вел бой экипаж Чернова. Его механик-водитель Иван Рогозин уничтожил «пантеру», но сам тоже был подбит.

Не покидая поля боя, экипаж пересел в другой танк и, обнаружив неподалеку в лесопосадке четыре «тигра», за несколько минут расстрелял их в упор.

Как мы узнали после боя, механик-водитель другого экипажа нашего батальона Саша Николаев, решив отомстить за гибель своего командира, капитана Скрипкина, на горящем танке пошел на таран. Он погиб вместе с машиной...

Это был только один день сражения под Прохоровкой. А до конца войны оставалось почти два года.

В. ХОЛОДНОВ,
командир расчета минометной батареи
252-й Краснознаменной дивизии.

НА ДНЕПРЕ

Самыми тяжелыми и ожесточенными боями для наших войск после успешного завершения Курской битвы на 2-ом Украинском фронте, пожалуй, были сражения при форсировании Днепра. Как известно, взятием Харькова 23 августа 1943 года закончилась эта гигантская битва на Курской дуге, и наши войска, освобождая Украину, вышли на берега Днепра. «Не ступит нога русского солдата на правый берег этой преграды» — под таким девизом на господствующих холмах правобережья были созданы мощнейшие оборонительные сооружения врага, для чего, как выяснилось впоследствии, фашистские молодчики привлекли к возведению инженерно-оборонительных сооружений тысячи мирных жителей городов и сел Украины.

Холодная осенняя ночь. Пронизывающий до костей ветер, а впереди широкая водная преграда. Массированный артиллерийский и минометный огонь начинается с сумерек и продолжается всю ночь, до утра. Авиация противника постоянно «вешает» осветительные ракеты, а тысячи трассирующих пуль врага режут волны во всех направлениях.

И вот в этот «кипящий котел» устремляется наша понтонная лодка с двумя 120-миллиметровыми минометами и 8 солдатами расчета. Саперы делают не первую переправу, заметно устали, маневрируя вправо-влево, минуя опасные зоны сосредоточенного огня. По реке плывут уносимые ветром и течением, оглушенные взрывами мин и снарядов огромные лещи, но никому нет дела до этой заманчивой пищи. Мы, подменяя саперов, налегаем на весла, и путь в 500—600 метров преодолен. Прыгая в ледяную воду, мокрые по пояс, подтягиваем нашу «посудину» ближе к берегу и производим быстрейшую разгрузку оружия и боеприпасов. Торопят нас саперы, а также санитары, которые переносят в лодку тяжелораненых бойцов.

Приближается рассвет. Минометы и боеприпасы к ним вынесены от воды на несколько десятков метров, укрыты от наблюдения с воздуха, начинаем оборудовать окопы — не получается. Песок на несколько штыков лопаты вглубь такой сухой, что даже при отдаленном разрыве снарядов

стенки окопа осыпаются и образуется конусная воронка. Начали рубить поблизости растущий тальник и плести натуральный плетень, чтобы окоп соответствовал девизу: «Мой окоп — моя крепость!». Разбивали ящики от мин и пускали в ход для закрепления стенок этого укрытия, защищающего от пуль и осколков.

Телефонная связь нашего взвода с наблюдательным пунктом командира батальона пехоты постоянно выходила из строя, а прибежавший с наблюдательного пункта связист передал команду о том, чтобы командир взвода, выдвинувшись чуть-чуть вперед, метров на 15—20 к бугорку, сам определил направление стрельбы по поднявшимся в атаку фашистам при поддержке нескольких танков. Цель врага была предельно ясна — сбросить в Днепр с плацдарма эти жидкие, проскочившие на правый берег поредевшие стрелковые, пулеметные, минометные подразделения (нашей артиллерии, танков здесь еще не было). Огонь по врагу наших стрелковых подразделений был малоэффективным, так как автоматы, пулеметы стреляли только одиночными выстрелами. Затвор винтовки, карабина можно было открыть, ударяя по рукоятке саперной лопатой. И это все песок, песок, от которого заклинивало все подвижные части и механизмы оружия. Даже вытертое насухо от масла оружие заклинивало после каждого одиночного выстрела.

Старший лейтенант Вознесенский А. Н. поднялся, опустил бинокль, встав в профиль по отношению к миномету, вытянул обе руки, успев лишь крикнуть: «Стрелять первому, заряд первый! Угломер тридцать ноль-ноль! Прицел шесть семьдесят пять, наводить на ладони моих рук!»,—и тут же в направлении одному ему видимого противника, прикидывая опытным взглядом: «Чуть левее, чуть правее!». Таким образом, он был связующей точкой между нашим минометом и противником. На выведение уровней прицела миномета ушло несколько секунд. Когда вновь последовало: «Расчет, две мины, беглый огонь!», мы (я — наводчик, вместо заряжающего встал Яков Белостоцкий, хотя он был также наводчиком 2-го расчета нашего взвода) как только могли торопливо выводили уровни на места, чуть изменили прицел, как вновь подали команду о пуске трех мин. В процессе стрельбы в районе нашего окопа поднялось такое облако пыли от воздушной волны, что мы невольно стали далеко видимой мишенью для врага. Сделали еще несколько вы-

стрелов, которыми, как установили позднее, отсекли пехоту врага от танков, но сами были засечены наблюдателями артиллерийской батареи противника, миномет был взят немцами «на мушку» и на нас обрушился шквал огня батареи противника. Последовала команда: «Расчет, в укрытие!», и я с Яшей Белостоцким сел на дно окопа нашего миномета, у опорной плиты. Стояли такой грохот, свист пролетающих осколков, нас засыпало пылью и песком, что поневоле пришлось закрыть глаза.

Вдруг что-то тяжелое свалилось на мои колени, и я увидел, что это мой Яша. Приподняв и прислонив его к стенке окопа, я увидел, что он убит. Через минуту-другую шквал огня прекратился, и только тут я вместе с товарищами понял, что он погиб от прямого попадания в грудь артиллерийского снаряда, который пронзил его тело, зацепил кромку опорной плиты миномета и, не разорвавшись, ушел в песок. На бруствере нашего окопа лежали три мины, приготовленные для последующего ведения огня, но использовать их уже было нельзя, у всех были отбиты стабилизаторы и в месте излома хорошо просматривались чугунный корпус и толовая начинка.

В эти минуты хорошо заработала наша артиллерия с левого берега и поставила такой заслон, что танки противника, частично подбитые нашими бронебойщиками, не выполнили своей задачи, остальная часть вынуждена была возвратиться на исходные позиции. Атака захлебнулась. Радиосвязь сыграла свою неоценимую роль.

В дальнейшем на могиле Яши, кроме небольшой фанерной дощечки, вместо цветов были положены эти три пудовые «чушки» (вес мины 120-миллиметрового миномета — 16 кг). Среди воинских документов и комсомольского билета Яши была маленькая фотография бывшего выпускника Ленинградского института пищевой холодильной промышленности, которую, в память о друге, я пронес и дальше по дорогам войны и по сей день бережно сохраняю в своем семейном альбоме.

Долго я еще пребывал в этих заскорузлых, залитых кровью друга галифе с видом рубщика мясной лавки, но выданное новое зимнее обмундирование все поставило на свои места.

Нам пришлось сменить позицию, причем на порядочное (метров 100—120) расстояние, если учесть, что вес опорной плиты—125 кг, ствола—110 кг, а нести вдвоем даже в годы молодости что-то значит. На новой позиции мы неоднократно засекались противником, переносили новые налеты артиллерийского и минометного огня, но такой точной, прицельной стрельбы, как в первый день нашего пребывания на правобережье Днепра, враг не достиг.

Впоследствии мы узнали, что на Днепре нашей 252-й Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии задача развивать успех не ставилась, а форсирование носило лишь отвлекающий характер с тем, чтобы в других местах нашим войскам было легче развивать успех путем отвлечения части сил, средств врага для сдерживания дальнейшего развития плацдарма на правом берегу Днепра.

А. КОРПЕНКО,
ветеран Великой Отечественной войны.

«НАС БЫЛО ПЯТЕРО...»

Все знают, как внезапно, вероломно началась война. Я и сейчас помню этот день. В клубе совхоза «Токушинский» проходило собрание рабочих, обсуждали вопрос о заготовке кормов. Вдруг директора совхоза Мазонка срочно пригласили к телефону. Вскоре он вернулся. Присутствующие с недоумением смотрели на директора, а он стоял бледный и молчал. Потом сказал: «Война». Никто не шелохнулся, послышались женские всхлипывания. «Тихо, без паники, — сказал директор, — все по своим местам. И слушайте радио...».

Даже теперь, по прошествии нескольких десятилетий, вспоминать все это тяжело.

Наша семья около двадцати лет прожила в селе Григорьевке Советского района, считались мы людьми коренными, григорьевскими, и было нас пятеро братьев. Отец наш умер рано, когда самому старшему было 12 лет от роду. Мать наша работала по найму и кое-как сводила концы с концами. Когда мы подросли, вступили в колхоз, стали работать, жизнь мало-помалу налаживалась, и тут вдруг война. Двое старших братьев, Петр и Николай, были уже в армии. Там их и застала война. Я, Федор и Иван были призваны в действующую армию в разное время.

В наших местах немало было случаев, когда на фронт уходили целыми семьями. Только из нашей Григорьевки ушли на войну все сыновья Ивана Божко. Были и другие. Ушли-то все, но не все, отмерив солдатские версты, вернулись в родные хаты. Светлая память тем, кто не вернулся!

Меня часто спрашивают: а что особенно запомнилось в годы войны? Многое.

Помню, в 1944 году мы, группа офицеров, прибыли в Челябинск за танками. Машины еще не были готовы к отправке. Мы пошли по цехам завода и то, что увидели, и радовало, и огорчало. Работали здесь женщины, старики и подростки. И была на их лицах, молодых и старых, нечеловеческая усталость. Побросали мы свои офицерские шинели и сами — в работу. Через пятнадцать дней эшелон с танками был готов к отправке. На фронте мы рассказали, как самоотверженно трудился тыл. После наших рассказов танкисты рвались в бой. И вскоре II гвардейская танковая бригада 1-го Белорусского фронта начала наступательные бои на своем направлении.

Самым счастливым эпизодом моей фронтовой жизни осталась встреча с братом. В 1943 году мы стояли на формировании в городе Серпухове, а мой брат Петр находился неподалеку, в Коломне. Но мы об этом не знали, так как на фронтовых треугольниках ставили только номер полевой почты. Но когда я написал Петру письмо, то как-то механически указал и город. И вот он отпросился на два дня, приехал ко мне в Серпухов. Мы пробыли вместе сутки, сфотографировались на память. Это была незабываемая встреча. Наш брат Николай погиб уже к тому времени и навсегда остался лежать в орловской земле. В 1944 году пропал без вести брат Иван. Вскоре после войны умерли от ран братья Петр и Федор.

Как и со многими семьями, с нашей семьей война обошлась жестоко.

Сам я был дважды тяжело ранен: один раз в боях за Польшу, второй — уже на немецкой земле под городом Альтдамом. День Победы застал меня в Польше, в городе Лодзи, во фронтовом госпитале.

Был ясный, какой-то радостно-светлый день. Все, кто мог ходить, вышли в парк. Начальник госпиталя подполковник Левин поздравил всех с Победой. Потом был салют из винтовок и пистолетов. Пришли к нам в госпиталь и польские товарищи. Мое подарили сукно на брюки и деревянную шкатулку.

В год сорокалетия Победы я передал эту шкатулку в областной музей.

Только в ноябре 1984 года смог я побывать в Орловской области, в селе Кудиново Должанского района, где погиб мой брат Николай.

Наверное, нет в жизни каждого фронтовика минут более печальных и высоких, чем те, которые испытываем мы, стоя у братских могил и обелисков, вспоминая погибших братьев и товарищей по оружию.

Тускнеют от времени боевые награды, а у нас с братьями на пятерых — медали «За отвагу», «Боевые заслуги», ордена Красной Звезды и Великой Отечественной войны. К ним можно прикоснуться, почувствовать холодок металла. Но уже никогда, до самого своего последнего часа, я не смогу ощутить прикосновение братских теплых ладоней. И до последнего своего часа, возвращаясь мысленно в далекие времена, я буду слышать их молодые голоса. Один... Один из пятерых...

А. ВАСЮТИН,
майор в отставке, заслуженный наставник молодежи Республики Казахстан.

ЗА ОДЕРОМ — БЕРЛИН

В ту январскую ночь 1945-го никто не спал, на душе было тревожно. Всю ночь шел дождь со снегом. Было сверхчеловеческое напряжение, но, как никогда, нам надо было держаться. Ведь предстояло пройти, как говорилось в листовках, которые нам раздали накануне одной из самых значительных операций Великой Отечественной, 500 километров от Вислы до Одера. Враг заблаговременно укрепил всю эту территорию семью оборонительными линиями, которые проходили по берегам рек Ниды, Пилицы, Варты, Одера, а за Одером — Берлин. В направлении на Берлин было сосредоточено огромное количество войск как наших, так и войск врага. Выбора нет, за спиной фашистов — Берлин, который надо сокрушить.

Так коротко и четко была обозначена цель Висло-Одерской операции.

На Сандомирском плацдарме, набитом техникой и войсками, находились семь общевойсковых армий, две танковые, более 15-ти тысяч орудий, около четырех тысяч танков и самоходных орудий. Мощным воздушным щитом плацдарм прикрывали две с лишним тысячи самолетов. Наш Первый Украинский фронт приготовился к наступлению.

В это силище миллионной военной рати, прямо нацеленной на фашистскую Германию, 13-я и 17-я артиллерийские дивизии прорыва резерва Главного командования занимали заметное место.

В них находилось более семисот орудий самого различного калибра, начиная с истребительных противотанковых и кончая четырехсотпятидесятимиллиметровыми орудиями. За период войны артиллерийские корпуса и дивизии не один раз срывали контрудары немцев. В первой из них, 13-й, воевал я и многие мои земляки-североказахстанцы.

Было темно, когда раздалась команда «огонь», и гул канонады известил о начале наступления. Артиллерийские раскаты были такой силы, что чуть ли не лопались барабанные перепонки в ушах. Местные жители нам потом рассказывали, что грохот от артподготовки был слышен за 30 км, а в домах в радиусе 15 километров звенели стекла в окнах.

Артиллерийская подготовка продолжалась около двух часов. Столь сокрушительным был огонь нашей артиллерии, что была подавлена основная масса вражеских огневых точек и сокрушены очаги сопротивления.

Несколько раз в этот день наша дивизия меняла позиции. К 11 часам утра противник повсеместно начал отступление. Орудия били прямой наводкой по оставшимся огневым точкам, по вкопанным в землю танкам. Снова и снова поднималась в атаку наша пехота. В прорыв вошли наши танки и стали крушить фашистов в глубине обороны. Гитлеровцы не раз бросались в контратаку при поддержке танков. Но каждый раз откатывались назад.

В первый день мы вклинились в оборону врага на 25 километров. В течение последующих дней наступление продолжалось, гитлеровцы поспешно отступали. А когда улучшилась погода, в бой вступила авиация. Пройдя с боями около 100 километров, мы заняли крупный город Кельце. А через 2 дня наши войска штурмом овладели военно-промышленным центром Польши — городом Ченстохова. В итоге завершилось окружение 100-тысячной немецкой армии, которая удерживала Варшаву. 17 января она была освобождена частями Войска Польского, 1-го Белорусского фронта.

Днем и ночью 1-й Украинский фронт громил врага. Темпы преследования противника с каждым днем нарастали. Нашим войскам приходилось вести постоянные ожесточенные бои с окруженной 100-тысячной группировкой немцев, которая старалась вырваться из котла.

За период боев на плацдарме мы потеряли немало солдат и офицеров. Среди них наш земляк-петропавловец, командир отделения старший сержант Трофимов. До войны он работал на станции Петропавловск начальником дистанции сигнализации. После войны я не раз встречался с семьей отважного связиста.

В приграничном с Германией польском городе Пиотракув мы завершили разгром немецкой обороны. Здесь была осуществлена перегруппировка наших войск и принято следующее решение: в связи с тем, что пехота далеко отстала, а необходимо сопровождать танки 3-ей гвардейской армии генерала Рыбалко П. С., нас, артиллеристов, посадили в качестве десантников на танки по 5-7 человек с автоматами и гранатами, которые с большой скоростью так и устремились к гра-

нице Германии. Не встречая серьезного сопротивления, к 6-ти часам утра наша танковая группа вошла в немецкий городок, в котором ярко горели огни электрических лампочек, работали предприятия и никто из жителей не ожидал прорыва наших войск.

С радостью мы восприняли весть о вступлении на территорию фашистской Германии. 11 февраля 1945 года наша дивизия вышла к Одеру.

Впереди нас ожидали новые испытания, новые бои, новые победы. До Берлина оставалось всего 70 км. Но это уже следующая страница моего боевого пути.

50 лет отделяют нас от тех дней, когда началась Висло-Одерская операция. И участников войны, фронтовиков, становится с каждым днем все меньше и меньше — старые раны, боевое перенапряжение грозовых лет все чаще и чаще отзываются глухим эхом небытия. Только в последние 10-20 лет ушли из жизни мои боевые товарищи, однополчане-петропавловцы: старшина И. Земляков, ст. сержанты Н. Льяков, А. Дудоркин, рядовые С. Баймухамедов, Е. Шевченко.

В городе и области в настоящее время осталось только трое моих земляков из 25 однополчан. Это я, командир взвода 47 бригады нашей дивизии, старший лейтенант Орест Голышев, рядовой Иван Бородавкин, которому в январе исполнится 90 лет.

На последнюю встречу ветеранов нашей дивизии в 1988 году приезжали 175 человек, а 50 не смогли приехать по болезни. По неполным данным, в настоящее время в живых осталось не более 125 ветеранов, это всего 1 процент от общего состава дивизии.

Наиболее знаменитые сражения Великой Отечественной превращаются в легенду, стали героическими сказаниями, как когда-то поле Куликово и Бородино. Что же остается от тех героических и трагических дней и годов? Остается память. Безмерное уважение, преклонение перед теми, кто уничтожил и стер с лица земли фашизм, кто положил ради победы на алтарь Отечества свою юность, молодость, любовь и мечту, кто до последнего дыхания остался верным присяге, народу, Родине.

А на полях и вдоль военных дорог, в скверах, городах и рабочих поселках, на площадях деревень шагают гранитные солдаты, и идут к ним на поклон люди, возлагая цветы к подножию памятников и обелисков.

К. МАГАЗОВ,
ветеран Отдельной Приморской армии.

ОТ КЕРЧИ ДО СЕВАСТОПОЛЯ

Моя фронтовая дорога пролегла в составе Отдельной Приморской армии от Керчи до Севастополя. Потом дальше в составе 4 Украинского фронта принял участие в освобождении польских и чехословацких городов Водовица, Спишска-Нова-Вес, Спишска-Стара-Вес, Левоча, Моровские острова, Оломоуц. И сегодня, спустя 50 лет, память сохранила то, чего не забудешь никогда до конца своих дней.

Таким незабываемым событием для меня явились сражения за Крым. В конце октября 1943 года наш 327 гвардейский горно-стрелковый Краснознаменный полк 128 гвардейской горно-стрелковой Краснознаменной дивизии готовился к высадке десантом через Керченский пролив на берег. Нас тренировали днем и ночью, как преодолевать любые случайности в условиях ночи, учили особенностям ночного боя, десантной операции.

Вскоре на главном Керченском направлении высадился первый эшелон десанта, и он занял небольшой плацдарм. И вот настала наша очередь. Погрузились ночью на суда. Помню, дул холодный, пронизывающий морской ветер. Но нам было жарко. Фашистские войска, стремясь не допустить новой высадки десанта, накрыли нас огнем. Сверкали разрывы снарядов, строчили пулеметы. Было страшновато. В любой миг вражеский снаряд мог угодить в наш корабль. Наконец вступили на берег, и разгорелся яростный бой.

О том, какие тяжелые бои приходилось вести нашей дивизии, говорилось в одном из донесений командования Отдельной Приморской армии в Ставку Верховного Главнокомандования: «128 гвардейская стрелковая дивизия после упорного боя, доходившего до рукопашных схваток, сломила со-

противление противника и полностью овладела высотой 92,7. Противник упорно сопротивлялся. Бои носят ожесточенный характер, войскам приходится штурмовать каждую высоту, так как обходить их невозможно в силу того, что глубокого маневра при таком узком фронте осуществить нельзя, а обход высот по близлежащим лощинам и оврагам невозможен из-за сильного огня с соседних высот».

Однако, несмотря на неоднократные попытки, овладеть городом Керчь не удалось. И дивизия наша перешла к длительной обороне. Фронтовики знают, насколько изнурительны оборонительные бои, как они физически и морально действуют на солдата. Это особенно чувствовали мы на плацдарме на Керченском полуострове, площадь которого занимала 10 км по фронту и 8 км в глубину. Впереди противник, сзади пролив, море.

Наше положение осложнялось еще сырой, холодной морской погодой в условиях зимы на полуострове. Часто по утрам шел мокрый снег, к обеду таял, и к вечеру все сковывал мороз. Мы в ботинках да шинелях, валенки и полушубки не давали ввиду сырой погоды. И так — четыре месяца.

Весь Крым находился в руках противника. Он занимал господствующее положение на полуострове. Нередко вражеские самолеты залетали на бреющем полете и обстреливали нас из пулеметов.

Бывало и так. К полудню солдаты противника напротив нас играли на губной гармошке, затем кричали в дудку: «Русь, обедать!». Устанавливалась тишина.

Но иногда после такой «музыкальной паузы» и «приглашения» сыпали на нас мины. Во время такого обстрела погиб мой сосед по окопу по имени Иран, узбек по национальности. За время оборонительных боев несли немало потерь, погибли командир нашего взвода и еще двое солдат, которых я знал. Конечно, как рядовой солдат не мог знать о потерях батальона, полка, даже роты.

Всем нам хотелось поскорее в наступление. Но у командования были свои расчеты. Лишь 11 апреля 1944 года началось грандиозное сражение.

В этот день рано утром мы поднялись из своих окопов, двинулись под сильным огнем противника на позиции гитлеровцев. Била по вражеским огневым точкам наша артиллерия. Кажется, обе стороны стреляли из всех видов артиллерии, минометов, стрелкового оружия. Рвались то здесь, то там снаряды, свистели пули над головой, слева и справа. Рассчитывать, что останешься живым, вряд ли можно было. В такие моменты человек забывает обо всем и знает одно: надо идти вперед, другого не дано.

В тот же день гитлеровцы были изгнаны из Керчи. Дальше наше наступление пошло быстрыми темпами. С боями через Феодосию вышли к южным берегам Крыма и к Севастополю. Наш 327 гвардейский горно-стрелковый Краснознаменный полк совместно с другими частями дивизии наносил главный удар по мысу Херсонес.

Противник, сосредоточив здесь огромные силы, оказывал сильное сопротивление, переходил в контрнаступление. 8 и 9 мая наш полк попал под сильный пулеметный и артиллерийский огонь. Гитлеровцы пустили в действие свои шестиствольные минометы, кругом все горело.

Глубокой ночью поступила команда: вернуться к исходному рубежу. Потери были большие. Погибли командир роты, его ординарец Еслам, уроженец Пресновского района нашей области, и другие. К сожалению, забыл его фамилию. На войне мы, молодые солдаты, называли друг друга по имени. Мы не знали, что значит вести дневники, и не думали, что когда-нибудь придется писать свои воспоминания о войне. Все наши помыслы и действия были направлены к одному: победить врага и вернуться домой. Многие штрихи боев затерялись в пластах памяти. Время сделало свое.

Как бы противник яростно ни сопротивлялся, исход битвы за Крым был предрешен. В ночь на 12 мая началось завершающее наступление. Несмотря на безвыходность положения, гитлеровцы бились ожесточенно. Смешались танки, пушки и люди в полном смысле этих слов. Здесь, на мысе Херсонес, скопилось много вражеских войск и боевой техники, которые фашистское командование намеревалось вывезти по морю. Сопротивление было сломлено. Немецкие и румынские солдаты и офицеры тысячами сдавались в плен.

К исходу 12 мая 1944 года Крым был освобожден полностью. В этот день к полудню я был ранен в руку. Но не ушел с поля боя до конца. Нами овладело чувство гордости, исполненного долга. Кажется, все пережитое за несколько месяцев оборонительных и наступательных боев за Крым в этот день исчезло, как будто сняли рукой. Это была великая наша радость. Но чувство радости омрачалось потерей боевых товарищей.

Сражение за Крым мне незабываемо не только потому, что здесь получил фронтовую закалку, испытал всю тяжесть и опасность десантной операции, оборонительных и наступательных боев, но и потому, что здесь я познал цену солдатской дружбы.

В дни оборонительных боев, в редкие погожие солнечные дни, в часы затишья мы выходили из окопов в траншеи сушиться и общались с соседями. Моим соседом слева был узбек Иран, молодой, моего возраста (впоследствии погиб), справа — Сергей Щербаков, 45— 50 лет. Он был бывалым, обстрелянным бойцом. Каждый раз из своего боевого и житейского опыта подчеркивал, как важно воину быть храбрым в бою, так же важно уметь уберечься от случайностей. Видно он замечал, как Иран и я в часы затишья, чуть высунув головы, смотрели вперед, в сторону противника. Нам было любопытно, что там делается.

— Ваше любопытство может стоить жизни, — с укором, в то же время с отеческой озабоченностью делал он замечания. — Мальчики вы мои, не подставляйте головы, вас ждут матери . Вам жить и жить.

Когда позже погиб Иран, С. Щербаков сильно, по-отцовски переживал. Это только один штрих боевой солдатской дружбы. Каждый ветеран может привести множество примеров братских отношений между солдатами разных национальностей. Искренняя братская дружба народов явилась одной из главных сил, обеспечивших Великую Победу.

ОГОНЕК

Слова М. Исаковского Музыка народная.

На позицию девушка
Провожала бойца.
Темной ночью простился
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья,
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
«Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?».

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет.
Все, что было загадано,
В свой исполнится срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно, и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письмеца.
И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую Родину,
За родной огонек.

И. П. ПЕРЬЕВ,
участник боев под Москвой, бывший комсорг роты Отдельной Фрунзенской курсантской бригады

ТОЛЬКО ОДНА МИНУТА...

В феврале 1942 года Отдельная Фрунзенская курсантская бригада вела тяжелые наступательные бои в районе Старой Руссы. Измотавшись в переходах, обессилевшие курсанты буквально валились с ног. Прибавьте к этому лютые морозы, отстающих интендантов, и вы поймете ту безмерную усталость, которую испытывали все мы. Поддерживало только одно: шли наступательные бои, километр за километром мы освобождали родную землю.

И все же силы бойцов были не беспредельны. Эпизод, о котором я хочу рассказать, всплывает в моей памяти как хорошо запомнившийся фильм.

Только что освобожденная, почти сожженная дотла старорусская деревня. Мы отыскали неразрушенную просторную землянку, в которой зимовали гитлеровцы. Изнуренные бойцы мгновенно были сражены сном, не стали даже дожидаться кухни с долгожданным горячим завтраком. Есть, конечно, тоже хотелось, но сон был непоборим. Среди белых снегов — временное затишье, а в душной теплой землянке — покой, соломенная подстилка на нарах... Одним словом — благодать! Казалось, ничто: ни свист пуль, ни грохот разрывов авиационных бомб, никакая другая сила не смогут поднять нас, вконец уставших и разморенных теплом бойцов.

Вдруг глухой и далекий голос дневального подал команду: «Третья рота, подъем!». В этот голос никому не хотелось верить. Он показался сном во сне, наваждением. И все-таки он родил смутную тревогу, она пульсировала в подсознании, но... сон прочно завладел людьми.

Усилием воли Панин попытался сбросить его тяжелые путы, вскочить в упругом прыжке, встать не-

медленно, по-солдатски, но уставшее, расслабленное тело не повиновалось его сознанию...

Теперь уже внятная, требовательная команда прозвучала вновь: «Вы что, убиты, что ли? Подъем, выходи строиться!».

«Да, это приказ. И голос, кажется, старшины. Надо встать, надо встать, надо встать!» — последним усилием воли Панин заставил себя сначала сесть, затем раскрыть глаза: в сумраке землянки безмятежно спали бойцы. Усталость закаленных в боях солдат оказалась сильнее боевого приказа: рота не выполнила уже две команды, а это на фронте строго наказуемо. «А если в третий раз прозвучит команда и бойцы не поднимутся?» — подумал Панин. И вдруг его осенило! Панин... запел. Запел сдавленным голосом, робко, запел совсем не подходящую к случаю песню:

Я вся горю, не пойму отчего.
Сердце, ну как же мне быть?
И почему изо всех одного
Можем мы в жизни любить?

Дневальный оторопело уставился на Панина. Старшина являл собою соляной столп из древней библейской притчи. Но их-то как раз слух не подводил: из темного угла землянки, где спал Панин, звучала песня, девичья песня. «Только она сможет растормошить ребят, дать силы, дать волю, поднять их и по холодной снежной равнине сначала повести, а затем бросить в бой, правый и беспощадный...».

И Панин пел все сильнее, громче, увереннее. Песня еще не дозвучала, а сотня сильных, молодых тел рванулась, бросилась плотной массой к выходу. Через минуту рота стояла в строю.

Комроты яростно спросил: «Кто пел?». Все молчали. Офицер повторил свой вопрос, и на правом фланге вышел из строя боец: «Я, товарищ лейтенант. Комсорг, курсант Панин». — «Рота на пять

минут опоздала в строй, это преступление!» — не унимался ротный. Но после недолгой паузы, уже обычным голосом подал команду: «Рота, на-ле-во!».

Короткий зимний день клонился к вечеру, бежалось по наезженной дороге легко, чувствовалось, что за пять часов крепкого сна курсанты восстановили силы.

Откуда-то из глубины вечернего неба послышался звук авиационного мотора. Солдатское ухо безошибочно угадало противное подвывание немецкого бомбардировщика. За спинами бойцов тяжело ухнуло, а на месте недавно покинутой землянки задымилась огромная черная воронка. Дневальный, замыкавший строй, оглянулся, хмыкнул и сокрушенно махнул рукой: он был единственным невыспавшимся солдатом...

А. ШЕМЕНКОВ,
первый командир 314 стрелковой дивизии, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант.

ТАК ФОРМИРОВАЛАСЬ ДИВИЗИЯ

В начале июля 1941 года, через две недели после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, я получил приказ вылететь с группой офицеров в город Петропавловск для формирования 314-й стрелковой дивизии.

По прибытии в Петропавловск я представился секретарю обкома тов. Николаеву В. Ф. Со мной прибыли начальник штаба дивизии полковник Кувшинов В. И., на должность комиссара дивизии батальонный комиссар Мартыненко, еще целый ряд офицеров для формирования штаба дивизии и командиры стрелковых и артиллерийского полков.

Просмотрели здания, в которых должен располагаться прибывающий личный состав бойцов и командиров на укомплектование дивизии, совместно с секретарем обкома. Надо отметить, что тов. Николаев оказывал большую помощь по развертыванию дивизии.

Прибытие личного состава на укомплектование частей дивизии, как рядового, сержантского, а также и офицерского состава, происходило точно согласно расчетам, произведенным по плану. Если и были отдельные (несогласованные) прибытия, и то в отдельных случаях и отдельных небольших групп или отдельных лиц, которые не влияли в целом на развертывание частей и подразделений.

Доставка конского состава и повозок колхозами и совхозами происходила своевременно и с патриотическим чувством, без всяких недоразумений. Комиссии работали четко, с большим напряжением, этот вопрос не отразился на задержке комплектования частей дивизии.

Укомплектование материальной частью и автотранспортом происходило гораздо хуже.

Материальную часть артиллерии получили: 76 м/м пушки старых образцов, и то не полностью, причем отдельные орудия были неисправными. 122 м/м гаубицы получали состоящие на вооружении, исправные, но тоже — двух орудий недополучили, вместо 12 получили только десять.

Автотранспортом были укомплектованы полностью, со стороны нас претензий к совхозам, учреждениям и организациям не было.

Чем мы не были обеспечены — это связью. Техническими средствами связи дивизия была обеспечена на десять-пятнадцать процентов. Это очень отразилось в первый период на управлении боевыми действиями дивизии.

Медицинским персоналом и медикаментами были обеспечены полностью.

К концу июля и началу августа 314 стрелковая дивизия была сформирована полностью, были недоукомплектованы отдельными военно-учетными специалистами, но они не могли отразиться на боевой готовности частей дивизии.

Какие можно сделать выводы по формированию дивизии:

1. Что все расчеты по плану полностью были выдержаны.

2. Население Казахстана подошло к развертыванию частей дивизии по мобилизационному плану, с большим патриотизмом к выполнению своего долга перед Родиной. Оно стремилось доставить все лучшее и в срок для защиты Отечества от вероломного нападения гитлеровских захватчиков.

Были такие моменты, когда человек был где-то в командировке и, узнав, что проходит мобилизация, немедленно бросал все и являлся на сборный пункт.

3. Партийные, советские и общественные организации оказывали большую помощь по доставке людей, лошадей, повозок, автотранспорта и материальной части на пункт формирования.

4. Политико-моральное состояние как бойцов, идущих на фронт защищать социалистическое Отечество, так и всего населения Казахстана выражало возмущение и ненависть к врагу. Все население с большим патриотическим долгом проявляло заботу о защитниках, отправленных на фронт.

Я хорошо помню, когда представители Казахской республики привезли несколько вагонов подарков в Ладейное Поле для бойцов 314 стрелковой дивизии. Как это поднимало настроение бойцов беспощадно драться с врагом, посягнувшим на нашу мирную жизнь!

С 5 по 15 августа мы имели время на сколачивание частей дивизии. Этого времени, несомненно, недостаточно, но все же это время дало возможность людям ознакомиться друг с другом. Бойцы узнали друг друга, с кем им придется иметь дело в бою с врагом.

15 августа получили приказ о подготовке частей дивизии к погрузке, 19 августа должны подготовить первые эшелоны для отправки на фронт.

19 августа были погружены три эшелона и отправлены. Со вторым эшелоном отправился и я с оперативной группой.

(Из фонда облгосархива).

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Слова В. Агатова. Музыка Н. Богословского.

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю,
не спишь
И у детской кроватки тайком ты слезу
утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас
губами...
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла
между нами.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью
хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня,
чтоб со мной не случилось.

Смерть не страшна, с ней не раз мы
встречались в степи,
Вот и теперь надо мною она кружится...
Ты меня ждешь и у детской кроватки
не спишь,
И поэтому, знаю, со мной ничего
не случится!

В. ДРОБЫШЕВ,
бывший старшина диверсионной группы партизанского отряда им. Щорса.

ПЯТАЯ НАДЕЖДА

«БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на старшину диверсионной группы п/о им. Щорса.

Дробышев Василий Епифанович, кандидат ВКП(б) с мая (5 числа) 1944 года, за время пребывания в п/о показал себя смелым, дисциплинированным командиром-диверсантом.

Участвовал при разгроме немецкого гарнизона на сахарном заводе с. Большие Коровенцы, убито два, взят в плен зондерфюрер, взято две автомашины, одиннадцать винтовок, один ручной пулемет. Участник боев с украинскими националистами в селах: Бельчаки, Карпиловка, Хатынь, Маранцно, Устье Голубное, Грушевка, убито 6 человек. Участник боев за взятие города Березна, с. Моквин. Участник при переходе линии фронта, форсировании реки Буг, железных и шоссейных магистралей. Участник разгрома националистического гарнизона в с. Люблинец и ряда других боевых и хозяйственных операций.

Участник шести спущенных под откос вражеских эшелонов с живой силой и техникой противника, где уничтожено: шесть паровозов и 22 вагона, пять автомашин, одно орудие и два пулемета, убито 110 немецких солдат и офицеров, 80 ранено. При разгроме немецкого гарнизона на ст. Краснобруд участвовал в подрыве лесопильного завода. Уничтожено: паровой двигатель, три лесопильных станка. Участник прорыва вражеского кольца и выхода из окружения в Белгорайском лесу. Представлен к правительственной награде.

Ком. п/о им. Щорса, ст. л. Сованин.

Комиссар п/о им. Щорса Николотов. 13. 08. 1944 г.».

...Позднее я узнал, что за нами была установлена слежка. Оказывается, одной женщине, работнице конторы, начальник местной полиции Рекуль поручил не спускать с нас глаз, чтобы в любой ему

нужный момент она могла указать наше местонахождение (а в противном случае ей пригрозили расстрелом).

Однажды в воскресный, помнится, теплый, лунный вечер я с Гришей Бантуровым пришел обговорить с ребятами и Колесниковым **(местным подпольщиком — ред.)** наши дальнейшие действия и увидел возле столовой весело гуляющую и танцующую под гармошку молодежь. Бдительность наша, конечно, снизилась до такого уровня, что хоть сам пускайся в пляс. И мы с шутками и прибаутками влились в озорное, горячее ребячье веселье. Мне при этом очень захотелось поиграть на гармошке, тем самым показаться девчатам и ребятам и растворить свое дарование, как на бывалых молодежных вечеринках на своей родине.

Я попросил гармониста, который, как мне казалось, не давал нужного огонька и задора для пляски. Он мне доброжелательно уступил гармошку, и я, давно не игравший, опробовал пальцовку, и, так стосковавшись по голосам тальянки, заговорил ее душою, ее голосами. Она словно звала всех в круг на пляс.

Естественно, все на какое-то мгновение затихли, глядя на меня, потом вихрем пошли танцевать.

Через некоторое время откуда ни возьмись подошла грузовая машина — вплотную к танцующим. Дверка кабины отворилась и вышел начальник местной полиции Рекуль с парабеллумом в руке. Все почему-то расступились и открыли ему проход прямо на меня. Он подошел вплотную ко мне, ткнул дулом в подбородок и сказал:

— Ну, наигрался, комиссар? Встать!

Я встал и медленно снял с плеча ремень гармошки, гармонь поставил на место, где сидел, а у самого закипели мысли: «Что делать?».

Рекуль зашел сзади, ткнул парабеллумом меня в спину и приказал идти в машину. Я не спеша по-

дошел к кабине и уже поставил ногу на подножку, как вдруг на другой стороне капота машины заговорила девушка на немецком языке. Это отвлекло Рекуля и он оставил меня, подошел к девушке и что-то стал ей говорить. Мне же было достаточно этого мгновения, и я в один прыжок оказался за кузовом. Мой побег тут же вывел многих из оцепенения и все кинулись врассыпную. В этой бегущей массе Рекулю было очень трудно увидеть меня и он стал стрелять вверх.

А я уже был далеко за хатами поселка. Моей радости не было предела. Я рад был бы расцеловать ту девушку, которая отвела от меня нависшую смерть. Ночью я добрался до поселка Филипы и там же встретил Гришу, который пришел чуть раньше меня в условленную Колесниковым тайную хату.

После неудавшегося моего ареста Гриша спросил меня:

— Признайся честно, ты что, действительно комиссар?

Я рассмеялся и сказал, что если все мои действия похожи на комиссарские, то я могу этим только гордиться. Эту «аттестацию», оказывается, произвела молва, основой при этом послужили мои рассказы о радиопередачах из Москвы, о событиях на фронтах войны.

Спустя две недели Виктор сообщил что дядя Вася просил меня с ним встретиться по очень важному делу, желательно как можно раньше. Мы с Гришей рано утром следующего дня пришли на отделение бывшего совхоза. Незаметно, как мне казалось, я вошел в хату дяди Васи. Он наскоро оделся, и мы вышли в коридор, где он мне сказал, что в лесах под городом Новоград-Волынским действует партизанский отряд, только точного расположения его он не знает и предложил немедленно сформировать группу и отправиться на поиск и встречу с партизанами. Отдельные группы партизан могут появиться и в ближайших лесах.

После этого разговора я с Гришей и Виктором зашел в общежитие и сообщил ребятам о скорой возможности связаться с партизанами, а для этого надо выбрать трех человек, способных смело действовать, которые должны пойти с нами. Тут же договорились уходить поодиночке и встретиться в поселке Филипы, оттуда — в лес.

Ребята разошлись по своим делам, и те трое пошли по нашему уговору в село Филипы, мы с Гришей, проводив Виктора, решили зайти к дяде Васе. Пересекая улицу, мы увидели: по дороге к отделению движутся три автомашины, а в их кузовах стоят в черных шинелях полицаи.

— Полиция! — крикнул Гриша, и мы кинулись бежать вниз к берегу речки. Но так как нас могли увидеть бегущими, мы залегли в кустах и по-пластунски поползли до речки, а перебравшись за реку, через заросли кустов, пригнувшись, вышли к поселку Татариновка и спрятались за углом первого сарая. Оттуда нам было хорошо видно, что происходит на отделении.

Двое полицаев и та самая женщина, работник конторы, вышли к берегу речки и по зарослям двигались вдоль нее. Бежавший в Татариновку мальчик был ими остановлен. Видимо, они у него что-то спрашивали. А когда он поднялся на пригорок и, проходя мимо сарая, остановился и пристально посмотрел на нас, мы его спросили: «Кто там ходит по-над речкой?». Он сказал: «Полицаи ищут двух партизан. Один большой, другой маленький, в зеленой куфайке», — и тут же смерил глазами наш рост, пристально посмотрел на Гришину зеленую куртку. Он явно узнал в нас именно тех, кого ищет полиция. Мальчику мы строго наказали, что он нас не видел и чтобы никому не говорил, а то полиция сожжет все село. Он пообещал молчать и ушел.

Мы тайком перебрались в соседний сарай и спрятались под крышей, в старой соломе. И только ночью, выбравшись из него, направились в село Филипы, где нас должны были ждать ребята. По пути

нам очень захотелось узнать, что произошло на отделении. Естественно, к дому Колесникова и к общежитию идти было опасно, где могла быть устроена засада. Мы зашли в крайнюю хату, неподалеку от кузницы, где жила одинокая женщина с малыми детьми. От нее мы узнали, что полиция арестовала военнопленных, всех мужчин села, в том числе и дядю Васю Колесникова. Всем связали проволокой руки. Так провокатор сделал свое дело. В итоге наша подпольная организация практически была разгромлена, и настало время срочно и навсегда уходить. Ночью мы добрались до Филипов, где наши парни уже заждались. Мы им рассказали, что произошло на отделении.

Рано утром мы ушли в лес в полной решимости встретить партизан. Пять суток «прочесывали» леса и все безрезультатно. Продукты, которые и без того были скудными, давно кончились, и мы вынуждены были идти в село, где бы могли запастись продуктами, несмотря на любую опасность. Отныне мы, хоть и безоружные, а уже практически с появлением из леса, по мнению жителей села, являемся партизанами. Следовательно, возросла опасность открытого появления кого-то из нас. А тем не менее, голод угнетал нас.

Пробираясь через лесные заросли, вдруг услышали команду незнакомым голосом: «Стой!» Все опешили и стали оглядываться, искать того, кто нас остановил. Из кустов вышел плотный, среднего роста мужчина с револьвером в руке. А следом за ним вышли еще четыре парня с винтовками и гранатами.

Так мы встретились с разведдиверсионной группой отряда Шитова. Счастью нашему не было границ. Через некоторое время в веселой беседе мы со всеми и познакомились. Разведчики из своих запасов поделились с нами продуктами. Подкрепившись, воспрянув духом, мы попросили принять нас в группу. Командовал ею тот самый плотный

мужчина с револьвером, которого ребята величали просто Митя-моряк.

Митя-моряк, принимая нас в свою группу, предложил (основываясь на наших сведениях о расположении сахарного завода, подходов к нему, охране) этой же ночью провести боевую операцию по разгрому местной полиции и взрыву сахарного завода.

Партизаны поделились с нами оружием, так чтобы у каждого были в руках или винтовка, или пистолет, или граната на случай боя.

В этом первом нашем партизанском боевом крещении произошли не только разгром полицейского участка и взрыв завода, но и возмездие. Был обезоружен весь караул, взят в плен зондерфюрер, захвачен начальник полиции Рекуль, и, по нашему обвинению в бесчинствах, им творимых, расстрелян. Взорвано машинное отделение завода, взяты две автомашины, куда погрузили с десятка два мешков сахара. Затем мы уехали в лес.

Помню, когда у меня в руках оказался автомат ППШ с диском в 71 патрон, мне казалось, что я всесильный и неуловимый и могу смело наступать и надежно защищаться. С первым летчиком, который прилетел в расположение нашего отряда с грузом оружия и боеприпасов, я отправил свое первое, со времени начала войны, письмо на родину, где почти два года меня считали без вести пропавшим. А с получением писем от отца, сестры и младших братьев, которые я читал под сосною со слезами радости на глазах, я как-то по-особому и глубоко почувствовал свою душевную связь с родиной и родным домом. В жесточайшей прозе жизни и борьбы наше чувство Родины постоянно, тайно, глубоко и тихо остается лежать под сердцем. И только в минуты соприкосновения даже с малым сигналом из родного дома оно выплескивается громкой радостью или тихой тоской души твоей.

Результатом моих боевых действий в партизанах является моя боевая характеристика.

К. КАЛИЕВ,
гвардии рядовой 184-гвард. стрелк. полка 62 гв. стрелковой дивизии.

ПЕРВАЯ АТАКА

Избрать эту тему для воспоминания о войне повлияло запомнившееся мне суждение пехотинца Черяпкина (имя, отчество не помню), с которым я встретился в госпитале на ст. Грязи в октябре 1943 года. Это был рослый мужчина, плотного телосложения, лысоватый, около сорока лет. Он был весьма разговорчив, мастер по части всяких бывальщин, весельчак. Его койка была рядом с моей. Его нисколько не смущало то, что под его кроватью по утрам всегда была «лужа»: страдал недержанием мочи из-за ранения. Две автоматные пули прошли около его почек, но не задели ни позвоночника, ни ребер. Говаривали, что Черяпкин подозревается в симуляции. Но все это не смущало раненого. По его рассказам, его мобилизовали в армию в 1942 году, летом. Но в госпитале он первый раз. Горячо спорил с теми ранеными, кто пытался свое «превосходство» обосновывать «фронтовым стажем», т. е. годами и месяцами, проведенными на фронте.

— Это чепуха, — говорил Черяпкин, — можно сколько угодно проболтаться на фронте или около фронта и не видеть врага в лицо, а стаж будет. Вот посмотрите на Гарипова, — кивал он на соседа, — он обозник и на фронте с начала войны, а в госпитале оказался в октябре 43-го, то есть через два года. Потому что он в атаку не ходил. А на фронте главное — атака! Сколько раз ты кричал «Ура!» и ходил в атаку, столько у тебя фронтового стажа, — неизменно повторял Черяпкин. Было трудно с ним спорить. Логика была у него железная. Известно, что в рукопашном бою, обычно венчающем атаку, не каждый солдат-пехотинец уцелеет. Видимо, поэтому фронтовик-пехотинец Черяпкин атаку считал единственным мерилом фронтового стажа. Да, для солдат пехоты тех времен рассуждения моего соседа по госпитальной койке не были лишены оснований.

В чем-то соглашаясь с черяпкинским критерием, я и решил рассказать о первом бое, в котором принял участие и кричал «Ура!» вместе с солдатами нашего батальона.

Заранее оговорюсь, что первый бой, в котором мне довелось участвовать, имел довольно скромное значение. Поэтому

не ждите в рассказе героических сцен. Все было просто, буднично.

Глубокой ночью 27 сентября 1943 года наш 2 батальон 184 гвардейского стрелкового полка после переправы через Днепр занял позицию на правом берегу реки. Наскоро окопались, используя заросли кустарника.

Только успели вздремнуть, как услышали команду: «Подъем!». Командир роты гв. старший лейтенант Баханов обходил наши окопы. За ним шел командир нашего взвода гвардии лейтенант Темкин, очень горячий, темпераментный человек.

— Быстрей, разбирайтесь по отделениям, — командует он. Рассвет только наступает. Но мы быстро разбираемся повзводно, поротно, выстраиваемся в цепь.

Перед нами вырисовываются контуры какой-то деревни. Наша задача — занять деревню, изгнать противника, уничтожить. Батальон пошел в наступление в полном составе из трех рот. Цепь батальона довольно длинная, в середине наша рота. Мы приближаемся к рубежу атаки, но противник впереди молчит. Правда, нас обстрелял крупнокалиберный пулемет с левого фланга с дальнего расстояния. Наша цепь тоже «молчит». Вообще царит глубокая тишина, которая волнует. Я и сейчас, по истечении 51 года, помню эту волнующую тишину атаки. Долго не мог себе объяснить секреты ее.

И ответ на этот вопрос я нашел уже после войны у М. А. Шолохова, когда прочитал сцену атаки красноармейцев в гражданскую войну:

«...Вскоре показались первые цепи красных... Казаков изумило то, что впереди первой цепи на высокой белой лошади ехал всадник — видимо, командир. ...И третью повел командир, а рядом с ним заколыхалось знамя... Почти вся сотня привстала, перекликаясь... Разговоры смолкли. И величавая, строгая тишина, предшествующая смерти, покорно и мягко, как облачная тень, легла над степью и логом».[1]

И эта «величавая, строгая тишина», предшествующая смерти, которую переживал каждый из нас по-своему, была нарушена командой: «Ложись! Приготовиться к атаке!». Мы уже приблизились к деревне на расстояние 150—200 метров. Батальон залег. Солдаты проверяют оружие. Через несколько минут подается условная белая ракета. И вслед команда:

[1]) М. Шолохов. Собр. соч. «Тихий Дон». Роман в 4-х книгах. Т. 3, стр. 66. Из. «Худ. лит.», 1985 г.

«Вперед, в атаку!». Команду для взвода повторяет наш взводный. У него в руке пистолет, кричит довольно громко: «Вперед!». Цепь медленно поднимается, и солдаты довольно спокойно двигаются вперед. Кто-то кричит «Ура!» и мы, наш взвод и я в их числе, хотя не так дружно, как в строю, но поддерживаем боевой клич. И этот клич как бы взбадривает нас всех.

Моим личным оружием была снайперская винтовка с оптическим прицелом. Хочу пояснить, что владение этим оружием не означает того, что я был профессионалом. Совсем нет. Связному от взвода полагалось такое оружие. На этом основании я владел винтовкой с оптическим прицелом. Надо сказать, что в период переформирования дивизии был проведен двухдневный семинар снайперов. Мы выполняли упражнения по стрельбе по трем мишеням с расстояния 150, 300 и 600 метров. Мой результат был оценен как «хороший». Вот с этим «багажом» снайперской стрельбы вступил я в бой.

Крайние дома деревни оказались довольно ветхими. Это были небольшие крестьянские избушки. Обходя эти дома, мы потеряли зрительный контакт между собой, ориентируемся лишь по звукам. Наша задача — очистить дома от врага и выйти на восточную сторону. Согласно установкам, полученным на тактических занятиях, обхожу дома строго «слева направо». Особенно тщательно обходил первые дома, затем пошел более быстрыми темпами, так как голоса солдат стали отдаляться.

Но где же враг? Откуда выстрелит или появится сам? Эти мысли крутились в голове.

Тут я замечаю немца. Слева от меня, лихорадочно озираясь по сторонам, поднимался на горку довольно рослый вражеский солдат с автоматом в руках. Я быстро приседаю, ставлю прицел 300, используя подвернувшийся камушек в качестве упора, и стреляю, целясь в широкую спину противника. В первое мгновение я увидел, как выпал из рук солдата автомат и затем свалился он сам. И, о диво, непонятно почему, я возбужденно кричу, потрясая винтовкой:

— Есть один!

После столь удачного выстрела я, оглядываясь, вижу, что справа от меня с опаской выходят из землянки местные жители: женщины, 2—3 бородатых старика. Секунду-другую мы смотрели друг на друга. Старухи крестятся, некоторые плачут. Надо ведь этим измученным врагом советским людям сказать что-то такое теплое, подбодрить как бы. И я громко кричу: «Выходите, мы пришли!». Старики закивали, поглаживая бороды, женщины стали тихо перешептываться. Позже я понял их нерешительность: перед ними стоял солдат не типично русский и в незнакомой форме (наша форма 1943 года для них была незнакомой).

Но для разговора времени не было, и я, дружески взмахнув свободной рукой, побежал дальше на окраину.

Деревня тянулась по косогору налево и направо от нас. Солнце поднялось и стало очень жарко. Появилось желание скатать шинель. С этим предложением обращаюсь к солдату другого взвода нашей роты Милешину, с которым встретился тут же. Ему тоже жарко в шинели, так как у него был ручной пулемет Дегтярева весом более 8 килограммов. Вдвоем стало веселее. Впереди видим скирду, по всей вероятности, необмолоченного хлеба. Нам захотелось немного отдохнуть в тени и подождать своих. Но основная масса наших солдат, оказалось, ушла по косогору и на эту поляну их вышло очень мало. И это место было пристреляно. С появлением нас с расстояния примерно 600 метров заговорил вражеский крупнокалиберный пулемет. Пулеметчик поджег скирду рядом с нами. Пришлось спрятаться от огня пылающей скирды и вражеского пулемета.

Мы с Милешиным оказались в буквальном смысле меж двух огней. Но нам крупно повезло: рядом замечаем небольшое углубление — заросшую уже травой борозду тракторного плуга. Ползком направляемся туда. Устроившись, изучаем местность. Впереди нашего бугорка чистое поле, никаких построек, дорог. Вдалеке виднеется лишь один черный предмет. Издали его невозможно различить. Но с этого именно направления враг дал несколько очередей, вспышки которых днем не заметны. По всему видно, что место пристреляно, и пулеметчик знал свое дело: траву перед нашим бугром сбрило, как бритвой. И кроме этой черной точки не видно ничего, откуда можно было бы стрелять. Решаем с Милешиным, что мы видим щит крупнокалиберного пулемета, замаскированного с трех сторон, но немного открытого спереди. Рассмотрение через оптический прицел ничего конкретного не дает, лишь немного увеличивает отдельный участок черного и черно-земного предмета. Ясно, что, не уничтожив расчет, мы не сможем ни шагу сдвинуться вперед. Решаем коллегиально: я выпускаю обойму, а Милешин разрядит диск. Очередь моя.

Поставив прицел на 600 метров, я мысленно начертил ниже центра черного предмета треугольник и сделал три выстрела. А последующие два патрона послал в центр воображаемого треугольника. Это был довольно простой расчет: поразить пулемет противника через смотровое отверстие щита пулемета. Одному богу известно, какая пуля и как поразила пулеметчика. Но главная цель была достигнута — пулемет умолк. А Милешину, к его большому огорчению, стрелять не пришлось, так как его оружие отказало, оказавшись засоренным песком. Но путь был свободен, и мы пошли к своим. Моя первая атака завершилась к обеду. Наш батальон выполнил свою задачу, овладев населенным пунктом на правом берегу Днепра.

Первый бой оказался успешным, и это объясняется неожиданностью нашего нападения, нежели героизмом нашим. Об этом в книге замполита полка К. Ошамбаева говорится следующее: «...Расчет на внезапность на первой стадии оправдался... Враг был застигнут врасплох. Воспользовавшись этим, нам удалось быстро ликвидировать и обратить в бегство мелкие гарнизоны, отдельные огневые точки и опорные пункты на небольших высотах».[1]

Как видите, наша атака была обычной, не похожей на классические ее образцы времен гражданской войны: командиры не шли впереди цепи, бойцы не пели «Интернационал», не было и рукопашной схватки. Но это был наш первый бой, в котором я и мои сверстники смотрели в глаза смерти и испытали себя как бы на прочность.

Несколько слов о том, как мы оказались на фронте.

В феврале 1943 года из нашего аула Орталык Ленинского района получили повестку о мобилизации три ровесника 1925 года рождения Аубакиров Кожахмет, Искаков Остемир и автор этих строк. Нам еще не исполнилось 18 лет, но на эту формальность никто в условиях войны не обращал внимания, тем более, что к моменту вступления в бой мы уже достигли совершеннолетия.

Наш эшелон, вобрав в себя кокчетавцев и акмолинцев, двинулся через Новосибирск, Барнаул в Среднюю Азию. В Алма-Ате Кожахмета определили в полковую школу, и он там остался.

[1]) К. А. Ошамбаев, «Гвардейская, трижды орденоносная». А-а, «Казахстан», 1984 г., стр. 74.

Большая часть эшелона прибыла в Ташкент. Мы были зачислены курсантами пулеметно-минометного училища, готовящего средний комсостав по шестимесячной программе. В мае мы приняли присягу, надели новую форму с погонами. Наше училище было переведено в город Термез. Отсюда мы в конце июля отправились на фронт. В начале августа на воронежской земле мы влились в состав 62 гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза гвардии полковник Иван Никонович Мошляк.

Этот человек мне был знаком по его книге «У озера Хасан». Из нее я узнал, что в боях с японскими захватчиками в числе других отличилась группа советских воинов, отстояв высоты Безымянная и Заозерная летом 1938 года. Тогда младшему политруку Ивану Мошляку было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Этот герой Хасана теперь был командиром нашей 62 гвардейской дивизии в звании полковника (позже он стал генерал-майором).

Для нас, молодых солдат, была знаменательным событием встреча с ним уже при подходе к Днепру в последних числах сентября (кажется, 26 или 27 сентября, точно уже не помню). Встреча с героем Хасана была короткой, мимолетной. При прохождении нашей роты я четко увидел высокого роста полковника с довольно близкого расстояния.

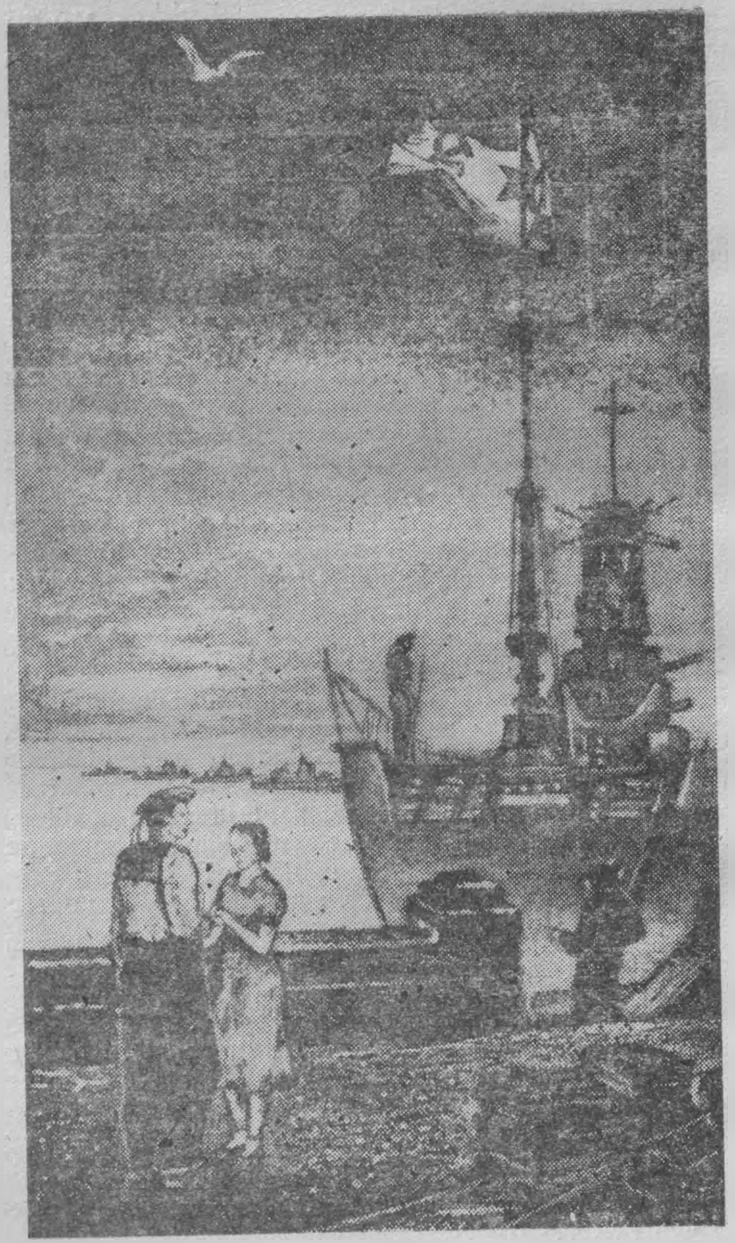
Нам был понятен его призыв громить ненавистного врага, смело идти на Запад на освобождение советской земли. Особенно крепко запомнилось его обращение к нам. Он обратился к нам не стандартно «товарищи бойцы» или «товарищи солдаты», а назвал нас «орлы мои». Эти слова подбадривали нас, не ставших еще орлами, от них веяло отеческим теплом. Бывший политработник не случайно употребил эти слова, видимо, хорошо знал психологию солдата и военную историю.

Памятуя призыв легендарного героя, нашего командира, мы вступили на правый берег Днепра.

Два слова о послевоенной жизни.

Я вернулся с фронта по ранению, инвалидом. Окончил институт, аспирантуру, ныне педагог по профессии со стажем более 40 лет. Сейчас пенсионер.

К сожалению, мои ровесники-фронтовики Аубакиров Кожахмет, Искаков Остемир, хотя и вернулись домой, но до наших дней не дожили. Но остались их дети. И это утешает, так как род фронтовиков продолжается.



ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ

Слова А. Чуркина.
Музыка В. Соловьева-Седого.

Споемте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.

ПРИПЕВ:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя.
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья!

ПРИПЕВ.

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян.

ПРИПЕВ.

И. ОШМАРИН,
ветеран Великой Отечественной войны, бывший разведчик 505 отдельного минометного полка.

ЭТО БЫЛО НА ПОЛУОСТРОВЕ СЫРВЕ

Войска Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота в 1944 году осуществили Моонзундскую операцию, в результате которой была полностью освобождена территория Эстонской ССР. Бои здесь были тяжелыми, длились они с 27 сентября до 24 ноября. Наш 505 отдельный минометный полк сражался на острове Сырве. С Сырве связано то, что дает мне знать, чувствовать ежедневно, всю свою жизнь, вот уже более 50 лет.

Командный пункт расположился на пригорке, заросшем кустами можжевельника. Он представлял из себя землянку с отрытыми от нее ходами сообщения. Справа, метрах в двадцати, — шоссейная дорога. Она пересекает весь остров и уходит через линию фронта на территорию, занятую неприятелем.

Слева хорошо виден пологий берег моря. Вдали стоят большие немецкие корабли. Видно, как между ними и берегом часто шныряют мелкие суда. Прямо через бугор просматриваются вражеские укрепления. Они тянутся от левого берега полуострова и уходят через шоссейную дорогу к правому. В стереотрубу видны глубокие противотанковые рвы.

По утрам частенько над неприятельской территорией поднимается «полосатая колбаса» — так называют наши солдаты немецкий аэростат. Из его гондолы ведется наблюдение. Наблюдателям хорошо видны наши позиции и подступы к ним. Вот и сегодня она уже висит в воздухе.

Я повернул голову в сторону неприятельских кораблей. Над одним из них вдруг появилось белое облачко. И сразу же над головой взорвался шрапнельный снаряд. Мы, как снопы, свалились в траншею. Вздрогнула от разрывов земля. Страшный

грохот ударил по перепонкам ушей. От пыли и гари потемнело. Воздух спрессовался. Осколки металла со скрежетом пролетали над головой.

Потом так же сразу все стихло.

— Жив, славянин? — толкнул меня в голову Плюшников.

— Жив, — садясь на дно траншеи, ответил я. Снял с головы пилотку и начал отряхивать с нее землю. В голове все еще стоял гул.

Вокруг забегали солдаты. Весь командный пункт попал под артналет. Были раненые и убитые. В ячейку радиста — прямое попадание...

Вечером пробирались в землянку. Здесь полно народу. При свете коптилки, сделанной из артиллерийского снаряда, несколько солдат играют в забавную игру. Посредине землянки на полу сидит солдат, на его голове гора наложенных одна на одну шапок. Через это нагромождение прыгают босые солдаты. Вот один из прыгающих не взял высоту и свалил их. К нему тотчас подбежали игравшие, в том числе и сидевший, схватили и широким солдатским ремнем «влили» по мягкому месту пять «горячих». Виновник садится на пол. Игра продолжается.

Пристроившись среди сидевших, долго еще наблюдал эту игру. Потом, положив под голову вещмешок, задремал. В полузабытьи, как наяву, виделись картинки родной деревни: дом, улица, берег Ишима, на котором мы пропадали все летние дни.

Просыпаюсь от толчка. В лицо кто-то светит карманным фонариком. Щурюсь от света:

— Да убери ты свой фонарик!..

— К начальнику разведки.... — слышу голос Плюшникова.

Быстро вскакиваю. Протираю глаза, одергиваю гимнастерку, поправляю плащ-палатку, надеваю пилотку, беру автомат и выхожу. Ночное небо светится звездами.

— По вашему приказанию рядовой... — вытягиваюсь перед начальником разведки.

— Ладно... — останавливает он. — Слушай приказ. Бери с собой Плюшникова, пробирайся на нейтральную. Понаблюдайте, что делается у ориентира номер два, а вечером, как стемнеет, вернетесь... В нашем заграждении, вправо от дороги, есть проход. Там на месте увидите. Все ясно?

— Ясно.

— Спешите до рассвета добраться до места и замаскироваться.

Быстро проверяем оружие и снаряжение и покидаем командный пункт. Идем по шоссейной дороге. Перед проволочным заграждением сворачиваем вправо. Вот и проход. Мелкими перебежками, потом ползком выбираемся к середине нейтральной полосы. Перед небольшим кустом можжевельника остановились. И сразу же начали тихо-тихо выгребать из-под себя землю.

Постепенно сделали углубления и залегли. Стояла тишина. Изредка над позициями немцев взмывались вверх ракеты и тихо спускались на землю, освещая довольно большую территорию. Лежали молча... На востоке уже засветилась кромка неба. Быстро начала редеть темнота. Светало. Стали хорошо различаться предметы за укреплениями противника. Метр за метром просматриваем укрепления. Ничто не шелохнется. От долгого неподвижного лежания на животе начинает ныть поясница. Некуда деть занемевшие руки. Так и хочется повернуться на спину, и, раскинув ноги и руки, отдохнуть. От напряжения устали глаза.

Солнце оторвалось от кромки земли и начало подниматься вверх. Озябшие от ночной прохлады, пригретые солнцем начали согреваться.

Вдруг Плюшников тихо толкнул меня локтем:

— Видишь?

— Вижу! Тише!..

От валуна, как из-под земли, выныривают две каски и уплывают в глубь обороны противника. И снова все мертво, не шелохнется. Через некоторое время в этом месте вновь проплывают над самой

землей в ту и другую сторону неясные предметы. Видимо, здесь блиндаж. Сюда приходят и уходят.

Захотелось есть. Достал из кармана положенный туда еще с вечера сухарь. Долго перебирал во рту небольшой кусочек, пока он не обмяк, потом нажал на него зубами, раздавил и проглотил. Медленно, в который уже раз, слева направо просматриваю перед собой местность. Тихо. Хоть бы что-нибудь шевельнулось. И вдруг, что это? Справа, метрах в ста, замечаю ползущих немецких солдат.

Застучало в висках: засекли, обходят. Стараюсь заставить себя успокоиться. Лихорадочно сверлит голову мысль: надо уходить.

Положение с каждой минутой становилось опаснее.

— Давай-ка, Гриша, пробирайся к своим, я придержу!

— А ты?

— Следом за тобой. Обоим сразу не уйти. В случае чего обо всем расскажешь нашим.

Он сжал пальцами мой локоть.

Напряжение растет. Прицеливаюсь и даю короткую очередь по ползущим. И сразу же в ответ зачиркали пули. Стреляют прямо из траншеи. Прижимаюсь к земле. Мелкими перебежками немцы снова начинают обходить. Даю длинную очередь. Поворачиваю автомат то в одну, то в другую сторону: стреляю, стреляю, стреляю, а в голове проносится: «Плюшников ушел. Плюшников уже ушел».

И вдруг — земля словно глубоко вздохнула, вздыбилась по всей линии фронта. Будто бешеный ураган наскочил на вражескую оборонительную линию и взметнул все в небо. Подползавшие немцы вскочили и кинулись в эту кромешную мглу.

— А-а... гады!.. — вскакиваю в каком-то остервенении и я, — получайте! — Даю длинную очередь и прыгаю вслед за ними.

В общем гуле не слышал взрыва. Воздушная волна легко приподняла и опустила на землю... В недоумении сижу и рассматриваю, что же случи-

лось? На левой ноге по-прежнему надет солдатский ботинок, а сама она почти по колено замотана солдатской обмоткой. А правого ботинка и обмотки нет. Из разорванной штанины, словно сжатая в кулак кисть руки, торчит белая, белая кость. Подхватил ногу под колено, подтянул близко, близко к глазам, удивляясь ее белизне, посмотрел с одной, потом с другой стороны, потрогал висевший с внутренней стороны кусок кожи величиной с ладонь, опаленное взрывом мясо икры. Посмотрел вокруг себя — ботинка нигде не было. Еще раз посмотрел ногу, кровь не текла. Она запеклась. И только потом спохватился, вытащил из вещмешка резиновый жгут, туго перетянул им поверх штанины выше колена и начал обматывать бинтами. Вначале обмотал верхнюю часть голени, потом и белую кость, прижав к ней кусок болтавшейся кожи. Медленно обвел вокруг себя взглядом, зацепил рукой ремень лежавшего автомата, встал на четвереньки и все также медленно пополз в сторону своих позиций, сгибая в колене раненую ногу, чтобы не зацепить ее за землю.

Сколько полз? Пять, десять минут, а может, полчаса?

Время, кажется, остановилось. Ползти все тяжелее и тяжелее. А кругом грохотало, выло, свистело. Вот и наши проволочные заграждения. Направляюсь к тому месту, где ночью с Плюшниковым выходили на нейтральную. Но это было где-то в стороне. Нужно ползти влево, вдоль колючей проволоки.

— Куда ползешь, мать твою... Ползи сразу под проволоку, — долетает до сознания.

Безмолвно поворачиваю и ползу прямо. Подсовываю голову под нижнюю проволоку и медленно проползаю под нее. Потом ползу еще и еще. Сил совсем нет. Уткнулся лицом в землю.

Подбегают трое. Схватили и быстро несут к блиндажу. Ложат на спину.

Я смотрю на стоящих вокруг молодых солдат из боевого охранения, потом на свою ногу. Стало невыносимо жалко себя.

— Пропала моя ноженька... — не то подумал, не то простонал. Один из солдат, с черными, как смоль, усами, переступил с ноги на ногу, потом посмотрел в сторону неприятеля и сказал:

— Ничего, парень, ты еще жить будешь, а нам вот надо идти вперед.—Стало как-то неловко от этих слов. И тут только скорее почувствовал, чем сообразил, что вокруг стояла тишина и не было того кромешного ада. Все молчали.

Потом откуда-то слева, а затем и справа до слуха стало доноситься раскатистое «Ура..а..а!».

— Ну, парень, бывай! — сказал усатый и махнул рукой. Послышался топот ног. Мимо пробегали солдаты. Они пошли в наступление.

Меня подобрали бойцы нашего подразделения. Плюшников дошел-таки до своих. Положили на плащ-палатку, отнесли в санроту, сдали медсестре и ушли воевать.

Вечером в кузове трехтонки, застланном соломой, отвезли в полевой госпиталь, где худощавый молодой хирург при свете коптилки отпилил торчащую белую кость, обрезал куски мяса, а медсестра долго, долго бинтовала то, что стало называться культей.

Десять месяцев провалялся в госпитале. Была газовая гангрена. Несколько раз резали и укорачивали голень. Но все зажило. Научился ходить на протезе. И всякий раз, когда спрашивают, страшно ли было в бою, я вспоминаю о своем последнем бое, думаю: как это я не погиб от вражеской пули, а когда полз по минному полю, не зацепил рукой или ногой вторую мину. Мог ведь остаться и без рук, и без ног, а может, и вовсе без головы. На какой-то миг до жути сжимается сердце. С трудом сбрасываешь с себя оцепенение. В бою никогда не испытывал такого чувства, всегда верил, что буду жить, а вот теперь, надо же, бывает.

Г. СТАРОВОЙТОВА,
врач-хирург, капитан медицинской службы Советской Армии в 1941—1945 гг.

КАЗАЛОСЬ, НЕ ХВАТИТ СИЛ

В 1941 году я окончила медицинский институт в Алма-Ате. Помню, пришла с дипломом в общежитие, а по радио передают: началась война.

Приехала в Петропавловск и сразу же была призвана в армию, назначена в эвакогоспиталь 2446 на территории областной больницы. Вскоре мы приняли санитарную летучку — 800 человек. Пять дней не выходили из госпиталя, обрабатывая раненых...

Затем я была отозвана в Москву, в санитарное управление. И вот получила новое назначение — в действующую армию, в полевой подвижной госпиталь 51 армии Южного, впоследствии IV Украинского фронта. Освобождали Украину, Крым, Польшу.

Боевые действия начались в районе Краснодона у города Мелитополя. Мы стояли в 18 километрах, в селе Надежке. Город горел, шли уличные бои. После разгрома фашистской группировки Мелитополь был взят нашими войсками.

Проходя по Украине, видели сгоревшие города и села, обездоленных стариков и детей. Приходилось нелегко. Наша армия все время была в наступлении, в госпиталь поступало до четырех тысяч раненых. Мы сутками не отходили от своих операционно-перевязочных столов, падали с ног от усталости. Казалось, не хватит сил вести эту ужасную борьбу со смертью, но сознание того, что перед тобой человек ждет твоей помощи, придавало нам силы. Мы работали, работали.

В Крыму — Перекоп, Сиваш — трудные пути. Госпиталь развертывали в разрушенных зданиях, иногда под землей (работали с карбидными лампами). Были случаи—спали на снегу, были и под бомбежками, и под обстрелами. Мне три

раза пришлось сдавать свою кровь раненым, но медикаменты и перевязочный материал были всегда. В Западной Украине пришлось увидеть следы ужасных зверств бендеровцев...

Уходила на фронт рядовым солдатом, а закончила, как говорится, войну капитаном медицинской службы. Награждена орденами.

Победа застала нас за работой в госпиталях. Из Кракова сопровождала эшелон раненых (800 человек) до Саратова, затем в 1946 году переехала вновь в Петропавловск. Долгое время работала врачом-хирургом в целинных совхозах. Никогда не прерывала связь с активистами, которые ведут военно-патриотическую работу среди молодежи. Сейчас с удовольствием пою в городском хоре ветеранов.

Из воспоминаний партизана
Х. САЛИМЖАНОВА.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

27 февраля 1943 года я и мои два задушевных товарища, казахи из Гурьевской области, в вечернем сумраке в сопровождении югославских товарищей, 2—4 человек, вошли в дом, где нас ожидали двое русских, двое казахов, двое югославских партизан. Они тепло нас встретили, после чего мы отправились в горы, но не успели подняться по-настоящему в горы, как по нам немцы открыли ураганный огонь со всех сторон. Но мы все-таки поднялись в горы и таким образом я оказался в 18 ударной русской бригаде, где с 1 марта 1943 года по 20 июня 1945 года беспощадно сражался против немецких захватчиков...

...Однажды вечером мой взвод разведки вошел в большую деревню, где три дня тому назад немцы с награбленным добром уехали в город Триест. Нас пригласил к себе один хромой югослав послушать радиопередачу из России. Тут я не выдержал, хотя находился на задании. Одно отделение расставил в засаде, а с остальными товарищами пошли слушать голос России. «Югославия слушай! Слушай! Смоленск и Рославль опять стали советскими. Пусть эта новая победа будет для югославских партизан приветом братского советского оружия. Смерть немецким захватчикам!».

Со слезами радости на глазах мы обнимались и поздравляли друг друга. Через час наш взвод напал на немецкую колонну, состоящую из трех грузовых машин, сопровождаемую 3-колесными мотоциклами спереди и сзади, на которых находились немецкие автоматчики. При разгроме колонны мы захватили оружие, продукты питания и 37 немецких офицеров и солдат, которых живыми сдали штабу 9-го корпуса. За это меня и моих товарищей наградили югославской медалью «За храбрость»...

....В тот же день (в конце апреля 1945 года) весь девятый корпус по приказу главнокомандующего поднял советские и югославские флаги и двинулся по направлению к городу Триесту для разгрома гитлеровских фашистов. Нашей советской 18 ударной бригаде тоже предстоял последний боевой поход. По пути к Триесту наша бригада наголову разбила в югославской долине крупный отряд немецких наемников, после чего путь к Триесту был открыт.

Торжественным, триумфальным был этот поход. Над колоннами партизан реяли советские и югославские флаги. Восторженно встречали своих освободителей-партизан жители сел славянского приморья.

Гитлеровцы за город Триест боролись упорно, бои с ними были тяжелыми, но партизаны все-таки сломили их сопротивление. Много югославских и советских партизан пало смертью храбрых в этом ожесточенном бою. Когда мы полностью овладели городом, явились англо-американские мотомеханизированные войска, большинство их солдат и офицеров были пьяные и чуть было не обрушились на нас. В городе Триесте наша рота освободила из тюрьмы около 3000 человек, в том числе троих наших партизан, попавших в плен в боях с немцами, в том числе — Касымова Баялы из села Орталык Ленинского района нашей области, изорванного немецкой овчаркой и избитого на допросах.

За храбрость и самоотверженность, проявленные в боях с врагом, много бойцов и командиров советской ударной бригады были награждены югославскими орденами и медалями, в том числе и меня наградили орденом «За храбрость».

(Облгосархив, по материалам облвоенкомата)

А. ОРЫНБАСАРОВА,
ветеран Великой Отечественной войны.

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву — и тысячу во сне,
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Юлия ДРУНИНА.

Пройдя сквозь кровь и пот, страдания и боль минувшей войны, я сейчас могу подписаться под каждой из этих строк. А поначалу я, как и мои юные сверстницы, выпускницы Петропавловского медицинского училища военного 1943 года, скажу по совести, нисколько не страшилась войны. В нашем поколении еще был жив дух бодрячества предвоенных лет, воспитанный мощной идеологической машиной. Правда, нас уже коснулось жуткое крыло войны. До призыва мы успели провести свои первые дежурства в эвакогоспитале, развернутом в родном Петропавловске. Но ведь это был далекий тыл за тысячи километров от кровавой мясорубки под названием «война».

Как сегодня помню 22 марта 1943 года, когда нам вручили повестки военкомата. Короткие сборы, бестолково-шумные, пополам со слезами и растерянностью проводы. И вот мы с фанерными ящиками-чемоданами в пульмановских вагонах с трехъярусными нарами мчимся на запад.

Только теперь, по прошествии целой жизни, став матерью и бабушкой, я по-настоящему понимаю, каково было моей матери тогда проводить в один месяц, в один год на фронт, на смерть троих сыновей, моих старших братьев Шафеевых: Нажипа, Талгата, Хайруллу, и меня, свою любимую дочь. Хайрулла так и остался навек двадцатилетним в братской могиле в городе Перми.

...А пока тревожные девичьи думы под перестук колес, перемежаемые короткими всплесками молодого задора.

— Девочки! А мне, наверное, будут к лицу гимнастерка и погоны, — смеется Люда Глазырина, голубоглазая, стройная красавица, прикладывая еще неумело к виску в военном приветствии ладонь.

Вот и первый пункт прибытия — станция Талица Орловской области. Здесь мы стали осознавать, что война — это не только кровь и смерть, но и тяжелейший труд. Помню первые кровавые мозоли после рытья ям и плетения матов для оборудования полевого госпиталя, страх первых обстрелов и бомбежек, первых раненых и первые смерти бойцов на наших руках.

Но по-настоящему наше понятие о войне перевернул кошмар бомбежки на станции Новозыбково. Жуткое ощущение страха и беспомощности, когда непроизвольно немеют в судорогах мышцы на руках и бедрах. Помню, как, задыхаясь, несла потяжелевшее, уже мертвое тело нашего военврача из Ростова Васильевой Марии Васильевны мимо горящих на станции эшелонов. Здесь же, на станции, мы похоронили полюбившуюся всем Люду Глазырину, так и не успевшую примерить живой военную форму.

Не знаю почему, но до сих пор с болью вспоминаю раненых и умирающих мирных жителей, смотрящих на нас с мольбой, с немым укором в глазах. Занятые нашими ранеными бойцами, мы не могли уделить им внимания. Но как было объяснить страждущим людям жестокие законы войны.

А дальше были такие же фронтовые будни. С боями наша часть дошла до польского города Кутно. Из повседневных дел и забот наиболее ярко запомнились две встречи. Был у нас совсем юный раненый боец, ослепший на оба глаза. Помню не девичью, а почти материнскую жалость, которую я испытывала, кормя его с ложечки, читая газеты, и как писала письма его родным.

А еще запомнился солдат по фамилии Шмидт, по-моему, еврей по национальности, оставшийся без обеих ног. Как ребенка носила я его на руках на перевязки. Сквозь годы отчетливо вижу благодарные глаза, и теплей на душе от сознания того, что и я сумела помочь ему и не только ему в трудную минуту.

Здесь же, в г. Кутно, мне улыбнулось редкое фронтовое счастье. Сижу как-то на дежурстве в госпитале, подходит медсестра и загадочно улыбается:

— Скажи, Аминочка, чего бы ты сейчас больше всего хотела?..

— Не знаю, — говорю, не сразу сообразив что к чему. — Наверное, домой.

В ответ за спиной загадочное молчание. Оглянулось и обмерла — в дверях мой брат Талгат. Их эшелон шел через наш город, а недавно в письме я сообщила ему, где нахожусь. Долго еще после войны мы вспоминали с ним те счастливые два часа, проведенные вместе вдали от родины, накануне победы. А встретила победу я здесь же, в г. Кутно. После опьяняюще радостных дней победы и весны вновь начались будни военных медиков. Было много раненых, кроме того, мы дежурили в комендатуре города. Приходилось конвоировать пленных немецких солдат. Однажды даже случайно оказалась во время дежурства заседателем военного трибунала. Судили «самострелов». Их, казалось бы, можно было и понять. Победа так близка и так не хочется умирать в бою. Помню, как я просила оставить им жизнь. Но законы военного времени были неумолимо суровы.

После возвращения на родину около четверти века работала врачом-терапевтом на руднике «Жолымбет» в Целиноградской области. Здесь мне очень пригодилась фронтовая закалка. Не обходилось без аварий и травм. Дальше была целина, возвращение в родную область и долгие годы работы.

Сейчас я на заслуженном отдыхе, растут внучки и внучата. И больше всего на свете я желаю, чтоб никогда они воочию не видели картины, когда

...Вновь снега белые,
как маскхалаты,
И вновь снега багровы,
как бинты.

К. СЫЗДЫКОВ,
ветеран Великой Отечественной войны.

ПАРТОРГ БАТАЛЬОНА

В областную Книгу Памяти занесены имена более 30 тысяч наших земляков, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны. Вот одна из записей: «Рахматуллин Хаиртдин Яхеевич погиб 9 апреля 1944 года в бою за Социалистическую Родину, верный военной присяге, проявил геройство и мужество. Похоронен на кладбище юго-западнее от села Биюк Кияк отделения совхоза «Сарай» Крымской АССР». Кто же он, погибший смертью Героя?

До войны Х. Я. Рахматуллин более 20 лет работал в партийных и советских органах нашей области. С первых дней войны просил обком партии отправить его на фронт. Ему говорили: ты нужен и здесь. В июне 1942 года обком партии утвердил его заместителем начальника политотдела крупнейшего в то время Мамлютского молмясосовхоза (бывший Кондратьевский № 288 совхоз). Рахматуллин, привыкший неукоснительно выполнять партийные решения, вынужден был подчиниться. В то же время не уставал доказывать, что он, как участник первой мировой и гражданской войн, принесет больше пользы на фронте и просил удовлетворить его просьбу. Только в июне 1943 года Рахматуллин надел офицерскую форму и получил назначение парторга батальона.

Войска четвертого Украинского фронта вели ожесточенные бои за освобождение Крыма. Погиб командир батальона 647 стрелкового полка 216 дивизии. Раненый парторг Рахматуллин принял командование батальоном и с криком «За Родину, вперед!» повел бойцов в атаку за овладение высотой

17,6. Осколок вражеского снаряда сразил отважного офицера...

На фронте политработники были добрыми советчиками командиров, заботливыми товарищами. Их по старой привычке времен гражданской войны называли комиссарами. Первыми поднимались они в атаку и личным примером звали воинов на ратные подвиги. А в минуты затишья были среди солдат, рассказывали о событиях на фронтах и в тылу, о задачах предстоящих боев. Таким знали в батальоне и Рахматуллина. В письме, которое хранит его дочь Макарам как память об отце, боевой товарищ Виктор Кудряшов в июне 1944 года писал: «До сего времени не верится, что мы потеряли своего отца-воспитателя. Он погиб от меня в 20 метрах. За гибель вашего отца мы хорошо отомстили немцам. Пока я еще не в строю, все еще долечиваю полученную рану. Как только выздоровлю, опять поеду добивать их в собственной немецкой берлоге. Если по выздоровлении поеду через район, где погиб товарищ Рахматуллин, обязательно поклонюсь на могиле, где он похоронен».

А вот еще что поведал Макарам бывший комсорг батальона Иван Кудрявцев, живущий в Омске, о своем парторге: «До войны я учился в Москве в балетном училище. Но вот началась война. После окончания курсов политработников был отправлен на фронт и стал комсоргом батальона. В боях под Сивашем меня ранило в ногу. Парторг Рахматуллин на спине вынес меня из-под огня. Я потерял левую ногу. Рухнула мечта о балете, вместе с ней потерял любимую девушку, которая была моей партнершей. У меня созрела черная мысль покончить жизнь. В эти трудные для меня дни полевой госпиталь посетил Х. Я. Рахматуллин. Настроение у меня было плохое. Как-то предугадывая мои намерения, он начал: «Разве ты один в этой мясорубке потерял ногу? Потом нога — не голова. Радуйся, что остался живой. Со временем все встанет на

свои места, исчезнет печаль, придет радость. Все военные кошмары останутся в прошлом». И я вспомнил тот ужасный бой, — продолжил свой рассказ Кудрявцев, — где земля и небо, казалось, одного цвета от разрывов снарядов и бомб, и я лежу на спине своего комиссара Рахматуллина, который полз по пластунски, вынес меня из-под огня. И вдруг понял, что мысль о самоубийстве равноценна предательству того, что сделал этот человек, чтобы я жил. Я вечный должник перед вашим отцом за то, что живу».

Как самую дорогую реликвию хранит письма-треугольники, фронтовую фотографию, орден Отечественной войны I степени, которым был награжден Х. Я. Рахматуллин посмертно, его дочь Макарам. В одном из последних писем он писал семье: «...Как живете, как дела в Мамлютке? Привет всем знакомым работникам совхоза. Обо мне не беспокойтесь. Воюем хорошо, бьем фрицев. Скоро будет победа!».

Не суждено было ему вернуться домой.

С. ДЮСЕНОВ,
ветеран Великой Отечественной войны.

ПОД ГВАРДЕЙСКИМ ЗНАМЕНЕМ

Моя судьба не является исключением, как и судьбы многих моих сверстников. В свои неполные 17 лет в 1942 году Пресновским райвоенкоматом был призван в ряды Красной Армии. Первую военную подготовку проходил в отдельной роте Петропавловска.

В конце ноября 1942 года нашу роту отправили в Новосибирскую область, в военный городок вблизи города Бердска, в учебный полк. Здесь нас учили, как надо обеспечить устойчивую связь на войне между подразделениями и частями войск, без которой невозможен успех сражений.

Завершив учебу в феврале 1943 года, маршевым эшелоном отправились на фронт. В селе Ново-Угольновка Ворошиловградской области нас направили в состав первого гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса, который после Сталинградской кровопролитной битвы был выведен на кратковременный отдых и пополнение.

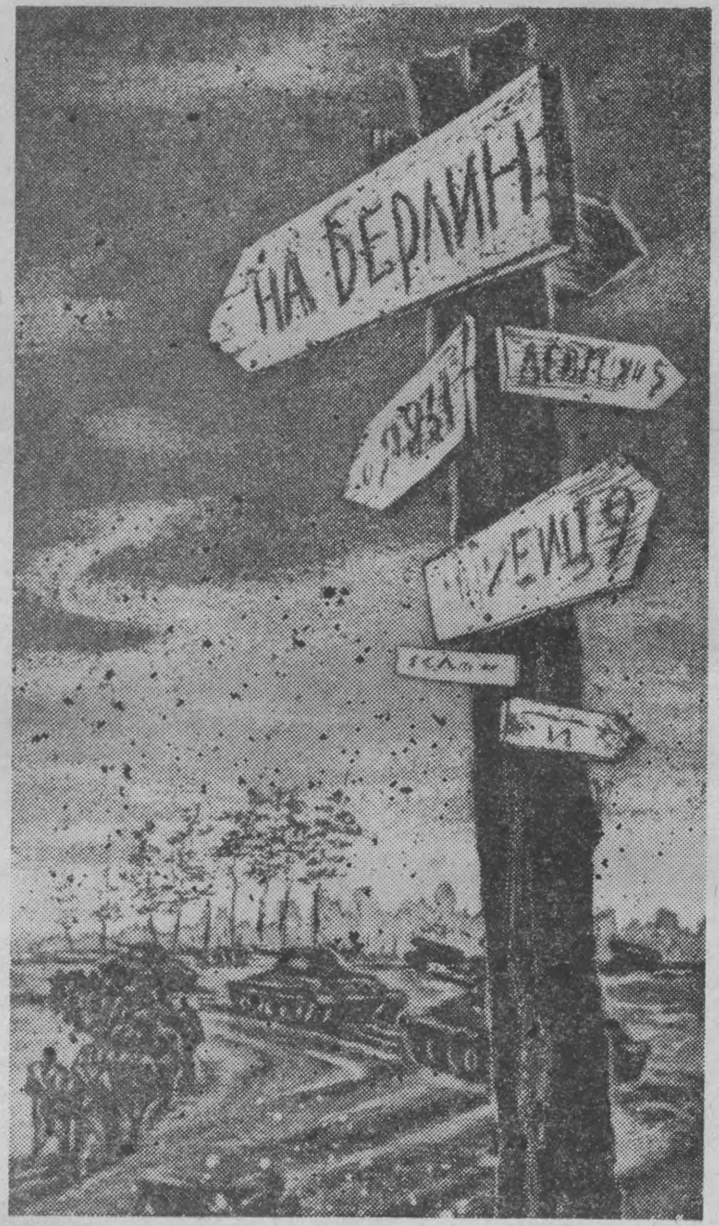
Корпусу одним из первых присвоили звание «гвардейский». Он героически сражался в обороне и наступлении под Москвой, принимал участие в изгнании противника из Сталинграда. Командовал корпусом прославленный генерал, Герой Советского Союза И. Н. Руссиянов. Бывалые бойцы, командиры, политработники с гордостью знакомили нас, молодых, с боевыми традициями корпуса. Они рассказывали, что там, где гвардейцы обороняли, противник не мог сломить сопротивление, там, где наши гвардейцы наступали, враг был разгромлен. Мы, новобранцы, клялись умножить боевые традиции гвардейского корпуса.

16 июля 1943 года наша 3 бригада в составе корпуса вступила в бой в районе города Донецка, на правом берегу северного Донца. Бои шли за каждую сопку. Личной храбростью и умением вел нас в бой командир нашей первой роты старший лейтенант Поляков. Наше подразделение принимало участие в освобождении сел Красный Яр, Голая Долина, Барвенково, Дружное. В этих боях меня ранило. В свои 19 лет стал инвалидом и вернулся домой. Со мной в одном полку воевали мои земляки Какимжанов Мажен, Жусупов Газез, Итаяков Топаш. Двое последних не вернулись с войны.

ДОРОГИ

Слова Л. Ошанина. Музыка А. Новикова

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей,
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
Вьется пыль под сапогами —
Степями,
Полями,
А кругом бушует пламя
Да пули свистят.
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит...
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит.
А дорога дальше мчится,
Пылится,
Клубится,
А кругом земля дымится —
Чужая земля.
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Край сосновый,
Солнце встает,
У крыльца родного
Мать сыночка ждет.
И бескрайними путями,
Степями,
Полями,
Все глядят вослед за нами
Родные глаза.
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер,
Вспомним, друзья...
Нам дороги эти
Позабыть нельзя.



Ф. МАРШИНИН,
ветеран Великой Отечественной войны.

«...И В ПАМЯТИ БЫЛОЕ ОЖИВАЕТ, И ЭХОМ ОТКЛИКАЕТСЯ ВОЙНА...»

Война с Германией пришла ранним утром 22 июня 1941 года как-то неожиданно — сразу и страшно. Страшно потому, что это не что-то неведомое, а уже с большим трудом пережитое нашими родителями в минувшие годы. Еще свежи были в памяти первая германская война, революция, многолетнее пламя губительной гражданской войны и становление советской власти. Еще с горечью рассказывалось о боях у озера Хасан в 1938 году и жертвах на монгольской реке Халхин-Гол в 1939 году. Еще не высохла кровь финской «кампании» 1940 года.

Я жил в Узункольском районе Кустанайской области. Работал инструктором сыробрынзоделия. О войне узнал лишь на другой день на митинге, созванном около школы. Собралась, наверное, вся деревня. Выступали и говорили горячо. Защитим Отечество, разобьем супостата — в этом сомнения не было. Некоторые уверяли, что мы германцев забросаем шапками, нас много. И все-таки тяжелые предчувствия гнетом ложились на голову. Женщины плакали. Здесь же были поставлены столы с красными скатертями, проводили запись добровольцев. Их набиралось немало. Просились уже отслужившие кадровую и совсем молодые ребята. Рядом весело наигрывал патефон.

Я — один из рядовых участников Великой Отечественной войны. Думаю, что для моих сверстников военные годы — это не только история, это наша биография. Хочу поделиться своими воспоминаниями и личными суждениями о тех суровых боевых днях, вошедших в мою биографию. Рассказать

не только и не столько о себе, но и условиях жизни и бытия в лихолетье.

В январе 1943 года был призван в армию. Направлен в полковую школу в Пермскую область. Вскоре нас, человек 30 из полковой школы, направили в военное училище.

В обучении, предусмотренном по сокращенной программе, шесть месяцев отрабатывалась тактика современного боя на открытой местности и вешение ее в горах. Учились быстро рыть укрытия и траншеи в каменистом и щебенчатом грунте, форсировать холодную даже в летние жаркие дни горную речку, сваливающую с ног своим быстрым течением. Судорога стягивала тело. Помогала взаимовыручка. А быстрое передвижение в горах давало хорошую тренировку и умение выполнять задание разумно и в срок. В период обучения проводили групповые и одиночные переходы по азимуту. Днем ориентируешься легко и стороны света определяешь по пням, мху, расположениям ветвей на деревьях и другим явно видимым предметам. А вот ночью трудней. Тут без светящегося компаса не обойтись. Вокруг черный лес, никакой рекогносцировки. Идешь с вытянутыми руками, чтоб не ушибиться о дерево. Пользовались чудом природы—удивительным свойством светящихся истлевших пней. Махая обломком, даешь знать о себе и определяешь, где твои друзья. Кричать и аукать не положено.

В училище по каждому предмету были офицеры преподаватели, имевшие теоретические знания и практический фронтовой опыт. При поступлении на приемных экзаменах строго определяли грамотность каждого, его физическое развитие, медицинское освидетельствование, а мандатная комиссия завершала круг.

Доучиться не довелось. За месяц до выпускных зачетов училище закрыли. Все на фронт! И вот, получив новенькое обмундирование и сменив курсантские погоны на полевые, в числе других ехали в направлении Сталинграда.

До нашего прибытия город Сталинград уже был освобожден полностью и захватчиков гнали дальше. Тысячи вояк «непобедимой» уничтожено в боях и десятки тысяч пленено. Это было сражение, повернувшее весь ход войны, и теперь выдворяли их бесповоротно. С этой поры все военные дороги вели только на запад — в сторону Германии.

Отсюда я начал свой фронтовой поход, непосредственно участвуя в больших и малых сражениях. Наш полк в составе Донского фронта шел в направлении на город Харьков, затем Юго-Западный фронт через Донбасс на юг Украины. Началась моя новая жизнь с острым ощущением непрерывной тревоги. Лиха хватало всем. Оккупанты отчаянно сопротивлялись, цепляясь за каждый город, за населенный пункт. Мы делали свою нелегкую работу войны — выбивали их. Воевал за станцию Волошинка, г. Лисичанск, Ямы, Чугуев, Славянск, Красноармейск, Васильевка и много-много сел Украины. Не все отпечатались в памяти. Село Малокатериновка запомнилось тем, что я родом почти из одноименной деревни, и еще тем, что имела одну вдоль речной балки улицу, но в длину несколько километров, заканчивалась на определенном доме, а следующие дома имеют уже другое наименование поселка.

Фрицы использовали при отступлении всякие сколь-нибудь пригодные для обороны овраги, возвышенности, лесопосадки. Глубоко окапывались, привлекая к работе население. Сооружали целые оборонительные линии. В населенном пункте кирпичные и каменные дома превращали в доты. Но под непрерывными ударами немцы, а больше румыны и венгры, оставляли чужую землю. Как только мы подходили, они открывали огонь из всех видов оружия, замаскированных танков и САУ. Я видел бурю, сметавшую с лица земли сооружения. Но силы были уже не на их стороне — наша брала. Отрываясь, они бросали раненых и убитых, те-

хнику и оружие, драпали на машинах в следующее, заранее укрепленное село.

Вот так, от села к селу, от боя к бою, лично я прошел пешком от ст. Миллерово до г. Чугуева и на юг до г. Запорожье, по полевым малоезжим и торным дорогам, по пахоте и посевам, в жаркие солнечные дни, а больше в дождь, слякоть и бездорожье. На ногах по щиколотки сплошные кровавые водянистые мозоли. Ох, как трудно вставать на ноги после привала! А потом разойдешься, и боль ослабевает. Идешь, подвернув под ремень мокрые полы шинели, еще и подбадривая друг друга. Каким несчастным страдальцем делается человек, если лопнет мозоль. Отчаянный крик от резкой боли — и с ног долой, как подкошенный. Дальше уже не ходок. Все. Таких (в том числе был и я) усаживали на подводы, засыпали каким-то порошком и забинтовывали ноги. Не меньше двух-трех суток приписан к обозу. Как только подживало, бросали телегу и шли опять рядом со всеми, стыдясь за свой недуг и что ты не шел, а 50—70 км ехал сзади, в тылу батальона.

Во время привала, хотя и короткого, большинство тут же спят. Много значат 15—20 минут передышки. Команда «Становись!» отбрасывала сон. Помогали один другому встать и пройти несколько первых шагов. Навешанное на нас оружие — минометы, ПТР, винтовки, патроны, гранаты, шанцевый инструмент — гнули к земле. Почти каждый день яростная перестрелка, да и «мессеры» не давали возможности расположиться на отдых.

В боях мы теряли товарищей. Одних хоронили, прощались навсегда, других отправляли в госпитали — до скорой встречи. В наши ряды уже вливались молодые парни призывного возраста, а некоторые—постарше нас, из освобожденных районов.

Не всегда, конечно, и не каждый день было трудно. Бывали дни веселые, радостные. Таких дней не так уж мало. Молодость и задор брали

верх. Солдат умел петь и плясать, играть на любых музыкальных инструментах, в том числе на немецких губных гармошках и даже подручных предметах (ложки, фляжки, котелки). Шутников-балагуров, весельчаков да специалистов по анекдотам и забавной бывальщине встретишь в каждой роте. Такие пользуются солдатским уважением, их любят. С ними не затоскуешь. Даже в жарком бою, кромешном аду они могли выкрикивать веселые (и сальные) остроты. Солдат бьет из станкового пулемета по врагу, сеет смерть, а сам сияет улыбкой, у него хорошее настроение, не замечает, что и над ним она тоже кружится.

Вспоминается случай при освобождении города Лисичанска. Мы смеялись, и в то же время очень сожалели о гибели бойца нашей роты, сына, а может, отца оставшейся где-то семьи. Во время минометного обстрела, когда опасно высовываться из укрытия, видим: солдат-ефрейтор вскочил и перебежкой, быстрым ползком на четвереньках, из ямки в ямку, залег метров 60 от своей ячейки, бросив вести постоянное наблюдение за противником, озирается на свой бывший «укрепрайон». Он, конечно, знал, что некоторые смотрят в его сторону осуждающе. Много риска и без разрешения командира покинул «рубеж». После, когда он рассказал на своем украинском языке, да может, сгущая ужас, мы озорно смеялись. Началось с того, что падающий сверху под своим весом минный осколок попал ему на шею, больно ударил и ожег. Отбрасывая его, ефрейтор зажмурился от боли и в этот момент что-то глухо ударилось перед ним. Когда открыл глаза, человеческая голова с перекошенной челюстью едва не касалась ефрейторского носа. Сердце екнуло, и он дал стрекача. Мы убедились в правде его слов. Грязная окровавленная голова лежала в ячейке. Доложили командиру и присыпали землей.

В конце сентября 1943 года в строю 79 гвардейской стрелковой дивизии я подходил к городу За-

порожье. Говорили, что город огибали два оборудованных оборонительных рубежа. Сплошные минные поля, проволочные заграждения с взрывающимися «сюрпризами», доты, дзоты, бетонные укрытия и противотанковый ров.

Участвовать в освобождении Запорожья не пришлось. 4 октября около с. Жуковки вражеская пуля пробила мне грудь. Прошла сквозь правое легкое и лопатку. Лечился в городе Златоусте. Знакомая сторона, наш край, глубокий тыл. До этого никогда в своей жизни я не был в больницах. Не знал, что может быть такая масса свободного времени, но ты, малоподвижный, не можешь использовать его красиво. Лежишь, желая тишины, аккуратно выдерживаешь процедурный режим и всецело подчиняешься людям в белых халатах, хлопочущих вокруг выведенных из строя солдат. Мне невозможно было лежать, болело выходное пулевое отверстие в спине и не давало сидеть, сдавливало грудь. Занимал положение полулежа-полусидя. Много ночей продежурили медики, но вырвали из лап неминуемой смерти.

Над каждой госпитальной палатой шефствовало одно из многочисленных учреждений или предприятий города. Шефы приходили раз в неделю. Приносили подарки. С каждым тепло беседовали, читали книги. Мы с нетерпением ждали этих дней встречи, как с близкими и добрыми людьми. Подарили патефон, несколько пластинок, партию домино, шашки и шахматы. Обеспечили всех чистой бумагой и химическим карандашом.

Приезжали артисты эстрады. Играли на баяне, аккордеоне, гитаре и пели. Ведущие умело поднимали наше настроение, мы весело аплодировали, просили каждого выступать по нескольку раз. Труппы были небольшие. Расставаться было жаль. Они, уставшие и довольные, а мы вдвойне, желали друг другу здоровья, счастья и всего самого доброго.

Нередко проводились беседы лекторами. Темы разные, но больше о международном положении и

о расположении наших войск на фронтах. Нам рассказывали о развернувшейся в стране битве за металл, за количественный выпуск боевой техники, за выращивание рекордных урожаев зерновых культур и расширение посевных площадей под них.

1 июля 1944 года в пригороде Минска, станция Степянка, я получил второе тяжелое ранение. Началось с того, что «рама» облетела наш небольшой, облюбованный нами лесок, оставила белое кольцо дыма над нами. Зная тактику и приемы врага, мы стали немедленно выбегать за пределы намеченной на нас цели, как мишень для бомбардировщиков. Не все успели. Через несколько минут они черным вороньем посыпали в это кольцо свой смертоносный груз. Только отбомбились, как их шестиствольные минометы залпами добавили каюк. Опасная штука.

Какое торжество, когда встретишь на войне земляка из одной области, а если из одного района— это событие выше всякого праздника. В санбат после меня внесли тяжело раненного с забинтованной головой. После прививки от столбняка, тифа и прочих заболеваний, немного успокоившись, я полюбопытствовал, откуда браток родом, и даже приподнялся, когда он сказал — из Казахстана. А когда уточнилось, что из с. Светлое, четыре километра от моей родины Екатериновки, мы готовы были целоваться. Мы не знали друг друга, поскольку я ушел в армию из Кустанайской области. Ахметов Баязи. Служил он в саперной роте. Осколком мины ему выбило глаз и повредило лицо. После войны мы нашлись. Дружба, скрепленная кровью, и фронтовое «браток» и по сей день влекут почаще быть вместе, а поговорить у нас всегда есть о чем. У него выросло шестеро детей, четверо и у меня. Отгуляли свадьбы, побывав у каждого в гостях. Дети наши воспитаны в самой искренней дружбе. Жены: Кульшара и Лидия — как родные сестры. Одна из его дочерей, Кайша, окончила юридический институт, работает в городской прокура

туре, зять Токушев Абдрахман — в облГАИ г. Петропавловска.

Кенигсберг был взят 9 апреля 1945 года. Неровная и с препятствиями была моя дорога, но привела точно в самое логово. Город-крепость. Укреплен всеми силами инженерной и военной техники. Спустившись в подземелье ходами и переходами, можно выйти через весь город на противоположную сторону. Под городом склады и просторные залы, казармы и госпитали. Множество ходов вдоль канализационных труб, водопровода, электрокабелей, подземных электростанций.

В штыковой атаке брать город мне не довелось, но свой вклад внес. Вся Восточно-прусская операция, начавшаяся в январе, длилась до конца апреля 1945 года. Война за город не просто остановилась — она захлебнулась кровью. Здесь закончилась моя военная дорога, черкнувшая глубокий шрам по юности, мечте и планам. Много дней я шел к этому дню вместе с ребятами через окопы и траншеи, сквозь взрывы мин и снарядов, бежал и полз к высоткам. Остались в пожизненной памяти непомерный труд, холодные землянки, костры и мутная вода в колее, которой наполняли стеклянные баклажки, марши и атаки, торжество побед, госпитали и братские захоронения на пригорках и обочинах.

На долю выпало быть три раза раненным и дважды перенести контузию. Считаю себя счастливым, поскольку довелось принять прямое участие в защите Отечества и включиться в послевоенную жизнь, оставить потомков, детей и внуков. Да, я счастлив тем, что смерть щадила меня. Судьбой дано посмотреть ей в глаза, оттолкнуть навязчивую прочь и продолжать жить. Я по ней никогда не скучал.

К. СЫЗДЫКОВ,
бывший командир пулеметной роты, подполковник в отставке.

БОЙ ЗА ВЫСОТУ «ВЕРБЛЮД»

В конце апреля и начале мая 1945 года эшелоны шли на восток. Вагоны пестрые, наши и трофейные. Ехали и бывалые, с орденами и медалями на груди, солдаты, и юнцы. У всех веселое настроение, пели песни, словно едем не на войну.

Победа над фашистской Германией окрыляла нас. Кажется, после четырехлетней битвы солдату уже ничего не страшно. Хорошее настроение поддерживалось пробуждением всего живого, первыми весенними цветами, зеленой травой, шелестом молодых листьев.

Советское правительство, верное своему союзническому долгу, заверило правительство США, Англии, что после капитуляции Германии через 2—3 месяца Советский Союз вступит в войну против империалистической Японии.

И вот эшелон за эшелоном с воинами, вооружением шли на восток. В одном из них ехали мы, солдаты, офицеры 346 стрелкового полка, входившего в 5 армию генерал-полковника Н. И. Крылова.

Наш поезд остановился на станции Манзовка. Прямо отсюда начинается предгорье Сихотэ-Алиня. Тайга здесь густая, что трудно по ней пройти. Выгрузившись здесь, мы сразу же начали занятие по боевой подготовке. Пулеметным ротам станковые пулеметы «максим» были заменены легкими станковыми пулеметами Горюнова. Почти наполовину облегченные, с металлическими лентами, без воды — воздушно охлаждающиеся — эти пулеметы были очень кстати нашим молодым бойцам 1927 года рождения, не нюхавшим еще пороха.

По тактической подготовке проводились занятия, приближенные к боевой обстановке, с боевыми стре-

льбами. Пулеметные подразделения наступали в боевом порядке стрелков по местности, похожей на высоту «Верблюд».

Перед нашей 5 армией стояла труднейшая боевая задача — прорвать японский пограничный укрепленный район, возведенный на горных хребтах и прикрывавший главную стратегическую магистраль — Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД).

И вот перед нами высота «Верблюд». Подступы к этой крутой высоте со всех сторон были болотистые. Три реки окаймляли ее. Японцы, создавая настоящий железный бастион, опоясали горы эскарпами, противотанковыми рвами и шестью рядами проволочных заграждений на металлических кольях. В толще гранита были оборудованы десятки огневых точек, огромные доты, из которых можно вести огонь из орудий. Они были врезаны в скалы и защищены 15-метровой толщей гранита, амбразуры закрывались бронированными щитами. Таким же образом были оборудованы и другие японские опорные пункты.

В соответствии с этим нашей 5-ой армии было придано наибольшее количество орудий: минометов, реактивных установок, танков и самоходных орудий. В передовых стрелковых батальонах были созданы из бойцов, имеющих опыт боевых действий на Западе, штурмовые группы. Плотность артиллерии достигала до 260 орудий и минометов на один километр фронта.

Наша 65-я стрелковая Витебская трижды орденоносная дивизия в ночь с 8 на 9-е августа 1945 года вышла на исходный рубеж через г. Гродеково. Штурмовые отряды бесшумно сняли пограничные заставы, блокировали доты. Границу перешли танки, самоходки, артиллерия.

Началось общее наступление. К утру 10-го августа были взяты населенные пункты Погранич-

ная, Мулин, Линькоу и Мудансцзян. В наступательных боях в направлении к Линькоу и Мудансцзян пулеметные подразделения вели несколько иную тактику. Мы, командиры пулеметных подразделений, хорошо разведав местность, через которую нам придется наступать, пришли к выводу, что несколько пулеметов надо выдвинуть вперед и установить для ведения огня по флангам, а также по вновь выявленным в ходе наступления огневым точкам противника, которые обеспечивали бы успешное наступление стрелковых подразделений.

Я, как командир пулеметной роты, о нашем решении доложил своему командиру батальона капитану Хрипкину, который одобрил план и сказал, что чем ближе будем устанавливать пулеметы к противнику, тем лучше.

Используя скрытые подступы к противнику, из имеющихся 12 станковых пулеметов половину выдвинули вперед, установили слева и справа полосы наступления батальона (по флангам батальона), а остальные пулеметные взводы наступали в боевом порядке стрелковых подразделений. В ходе наступления это наше решение полностью оправдалось. С началом общего наступления вновь выявленные огневые точки противника быстро подавлялись с близкого расстояния перекрестно-фланговым огнем наших вперед выдвинутых пулеметов, что и обеспечило быстрое продвижение стрелковых подразделений, позволило выбить противника с занимаемых им позиций.

Отличившиеся в этих боях пулеметные расчеты были награждены орденами и медалями. Я и мои два командира взвода Попов Виктор, Рева Александр за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленное при этом мужество и доблесть приказом командира 63 стрелковой дивизии за № 0175 от 24.10.1945 были награждены орденом Красной Звезды.

В моей памяти еще сохранились бои при взятии Мулина. Уцелевшие при артиллерийской подготовке нашей армии огневые точки японцев открыли сильный огонь по наступающим солдатам первого батальона нашего 340 стрелкового полка. Бойцы залегли. Командир минометного расчета сержант Осинский Петр Иванович, быстро определив место расположения огневой точки и расстояние до нее, открыл первым беглый огонь из 82-мм миномета. Его поддержали другие минометчики и артиллеристы.

Так, 18-летний сержант-минометчик, наш земляк Петр Иванович Осинский, подавив огневую точку противника, обеспечил дальнейшее продвижение батальона вперед. За это он и был награжден медалью «За отвагу».

Петр Иванович Осинский долгое время работал в сфере сельского хозяйства, капитан в отставке, сейчас на пенсии, живет в г. Петропавловске.

ВОИН, ПИСАТЕЛЬ

Петров Борис Николаевич родился 6 августа 1920 года в станице Щучинской Кокчетавской области. Окончил исторический факультет Омского педагогического института, был призван в армию.

Участвовал в Великой Отечественной войне, прошел ее трудными дорогами от Сталинграда до Кенигсберга, затем в августе сорок пятого на территории Маньчжурии принял участие в разгроме Квантунской армии империалистической Японии. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. С 1946 года, после демобилизации из армии, по 1959 год был на партийной работе. С 1959 года по 1961 работал ответственным секретарем Северо-Казахстанского межобластного отделения Союза писателей Казахстана.

Тема Великой Отечественной войны занимает значительное место в творчестве писателя. Самое значительное произведение — роман «Воскресный наряд» («Жазушы», 1970 г.). А первые произведения созданы в годы Великой Отечественной войны и опубликованы в 1948 году. Рассказ «Голубая падь», опубликованный в журнале «Сибирские огни», привлек внимание читателей и получил высокую оценку редакции журнала. Главный редактор С. Кожевников писал: «Хороший рассказ. Поздравляю вас с удачным началом литературного пути. Что пишете нового? Если не пишете — это ошибка. Вы умеете писать, значит, не имеете права не писать!». Неизменным достоинством военной прозы Петрова является ее достоверность. Может, поступки его героев основывались, как правило, на фактическом материале.

Чаще всего писатель создавал набросок произведения сразу, под впечатлением того или иного события, явления действительности. Черновые наброски дневника были неизменными спутниками Бориса Николаевича. Несколько таких фронтовых тетрадей хранится в областном краеведческом музее, большая часть — в домашнем архиве.

Вторая отличительная особенность военной прозы — поэтичность языка на фоне поэти-

ческой картины природы. Природа неизменно присутствует в произведениях писателя, придавая им особый колорит. В центре произведений Петрова о войне — советский солдат, вынесший на своих плечах ее тяготы. Его облик, характер несут на себе печать войны, но за суровой внешностью в ходе повествования писатель открывает черты глубокой человечности. Жестокие испытания, выпавшие на долю воина-освободителя, не ожесточили его сердце, не заглушили душевную чуткость, доброту и миролюбие. Таковы герои рассказов Петрова: «Нерешительность капитана Калашникова», «Трофеи старшины Барабанова», «Подарок с Тигровой сопки», «Боцман Немо», «Соловейко», «Даша и генерал» и других.

Каждый персонаж писателя индивидуален, но всех их объединяет любовь к Родине, вера в правоту своего дела. Эта несокрушимая вера в победу убедительно раскрыта в романе «Воскресный наряд». Роман во многом автобиографичен. Многие современники писателя легко узнавали автора в образе Трубина, которого Петров рисует в произведении с подкупающей искренностью. Самозабвенно сержант Андрей Трубин отдается воинской службе, но видит пока ее только внешнюю сторону. Он каждый раз испытывал какую-то особую приподнятость, когда вел по улице строй. Вызывало гордость сознание, что ты — командир и строй подчинен твоей воле. И главное, все видят, что ты командир. Война реальная, самая жестокая из тех, какие знало человечество, в короткий срок развеяла романтические иллюзии Трубина. Но она не сломила, не испугала его. Как не сломила и не испугала его фронтовых товарищей — вчерашних школьников. Страшному лику войны противостояли беспримерное мужество, сила духа, остро осознанная мысль о том, что в твоих руках судьба Родины, народа.

В конце мы видим уже другого Трубина, изменившегося даже внешне. «Он был не тот, что раньше: не тот по плечам, будто потяжелевшим, испробовавшим на себе неюношескую ношу, по жестам, скупым, сдержанным, и по голосу, который звучал тоже по-новому: глуше и тверже». Роман «Воскресный наряд»

правдиво отображает действительность военных лет.

Его достоверность усиливается тем, что в числе его героев мы встречаем наших земляков-североказахстанцев.

Есть в Петропавловске две улицы: одна носит имя Героя Советского Союза подполковника Матвеева А. В., другая — писателя-фронтовика Бориса Петрова. Им был написан рассказ «Золотая Звезда комбата», отрывок из которого предлагаем читателю.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА КОМБАТА

Мозглое январское утро едва начинало брезжить, когда майор Матвеев был вызван на командный пункт командира корпуса. Генерал сказал:

— Впереди, в полосе наступления армии — город Блендув, сильно укрепленный узел обороны противника. От взятия его зависит продвижение частей, успех наступления. Ваш батальон, — продолжал генерал, — назначается в передовой отряд. Придается танковая рота, артиллерийский и минометный дивизионы. Задача: овладеть городом до подхода основных сил. Я поручаю эту операцию вам, надеясь на ваш боевой опыт. Задача ясна?

— Так точно, товарищ генерал!

Комбат, невысокого роста, подтянутый, гордый доверием, четко вскинул ладонь к козырьку фуражки.

Генерал не ошибался, говоря о его боевом опыте. Война началась для Матвеева 22 июня 1941 года на западной границе, где он командовал взводом броневиков в мотомеханизированном полку. В тот же день лейтенант принял первое крещение огнем и вскоре был ранен.

В санбате он не улежал. Гнев к врагу не давал покоя. И лейтенант Матвеев, воспользовавшись тем, что началась эвакуация раненых и суматоха в санбате, достал обмундирование и вернулся на передовую, в свою часть.

Потом дважды его ранило и оба раза он оставался в строю. Только после четвертого ранения пришлось полтора месяца проваляться в госпитале.

А в скольких боях участвовал он со своим батальоном — трудно сосчитать. После Сталинграда битва на Курской дуге, потом форсирование Днепра и взятие Киева, бои на Днестре и Пруте, в Румынии и, наконец, Польша, опоясанная с трех сторон огнем, Мангушевский плацдарм на западном берегу Вислы. Два боевых ордена сияли на груди комбата Матвеева за его подвиги.

И вот новое задание особой важности предстоит ему выполнить.

...К четырем часам утра батальон был у цели. Подошли тихо, оставив танки и автомашины позади, чтобы грохотом не привлечь внимание немцев.

Всю дорогу озабоченность не покидала комбата. В ушах звучали слова генерала: «От взятия города зависит успех наступления...». Ошибка, малейший просчет, просто заминка, и может все сорваться, полягут зря люди.

Начало светать. В серой предутренней мгле, на фоне холодного неба, чуть вырисовывались пики костелов. Проступали смутно темные черепичные крыши. Блендув... Чем встретит их это безмолвное скопление домов по обе стороны асфальтированного шоссе?

Комбат сделал знак рукой:

— Лейтенант Паршин.

— Я здесь!

— Давай....

Разведчики в камуфлированных плащ-палатках призраками скользнули в темноту. Сердце отстукивало время. Минута, пять минут, десять. Полчаса! Тишина. Ни звука. Наконец, командир взвода разведки, как из-под земли, вырос перед комбатом.

— Все в порядке. Не ждут фрицы, дрыхнут по домам. Надеются: фронт далеко. Но укрепились

здорово. Перед въездом в город — два дзота. Проволока...

Комбат выслушал. Зеленая ракета взвилась в воздухе: атака! Батальон бесшумно кинулся к городу. В первых домах гитлеровцев захватили сонными: ошалелые от внезапного появления, они вскакивали с постелей и в одном белье выскакивали на улицу. Но вот к знакомому треску наших автоматов прибавился басовитый стук немецкого пулемета, заухали ручные гранаты. Гитлеровцы начали приходить в себя.

— Товарищ комбат, впереди проволочное заграждение и огонь из дзота!

— За мной!

Разгоряченный боем, комбат сам возглавлял блокирующую группу. На обледенелую, ощетинившуюся стальными колючками проволоку полетела шинель с капитанскими, защитного цвета погонами. Дзот блокировали и взяли. Гранатами и огнем сопровождавших пушек были подавлены другие огневые точки на перекрестках улиц. Стрельба гремела по всему городу.

Вот и западная окраина города. За пустырем, километрах в двух, горбились шиферные кровли ангаров, различались силуэты самолетов, распластанных на летном поле. Аэродром! Немедленно туда! Не дать самолетам взлететь. Комбат, с прикипевшим в руке пистолетом, вскочил на подножку подоспевшей автомашины. В кузов кинулись солдаты.

— Гони напрямик! Быстро!

К семи часам утра все было кончено: город взят. Путь наступающим войскам расчищен. Комбат в наброшенной ему кем-то из солдат на плечи чужой шинели сидел на ящике из-под снарядов и принимал донесения: разгромлены два полка противника, уничтожено 50 гитлеровцев, полторы сотни захвачены в плен, в том числе 14 офицеров и два генерала. Среди трофеев два полковых знамени, 18

боевых самолетов, пушки, автомашины, большое количество боеприпасов.

Испуганные, угрюмые пленные офицеры стояли, сбившись в кучу, и смотрели на темноволосого, молодого русского капитана, который, как после тяжелой работы, по-мужски просто утирал рукавом потное, разгоряченное лицо и щурился на солнце, всплывавшее в небо большим косматым диском.

Вскоре подъехал член Военного Совета армии генерал Латышев. Комбат вскочил, подтянулся, готовый доложить о выполнении боевой задачи по всей форме. Но член Военного Совета остановил его и по-отечески обнял.

— Знаю, комбат. Все знаю. К Герою представим тебя и твоих орлов. К Золотой Звезде. Молодцы!

...Золотую Звезду Матвееву вручил командующий танковой армией генерал Богданов, будущий маршал. Перед строем генерал сам прикрепил ее к походной гимнастерке комбата, потом обнял и поцеловал его:

— Желаю новых подвигов! Дожить до Победы— с честью!

Победа была уже близка. Впереди широко расплескавшийся в весеннем половодье свинцово мерцал Одер — последний водный рубеж перед фашистским логовом. А там — дорога на Берлин!

Штурм Берлина батальон Матвеева начал с северной окраины. Все девять дней в полном смысле шел сквозь огонь. Бой за каждую перегороженную баррикадами улочку, за каждый дом и этаж. Гитлеровцы сопротивлялись с упорством обреченных. Но впереди был конец войны и наши бойцы двигались неудержимо. Выкуривали врага из всех щелей.

Для комбата словно перестала существовать смена дня и ночи. И когда второго мая смолкли выстрелы, он, казалось, первый раз увидел солнце,

по-настоящему его разглядел. Солнце сквозь тучи дыма и мглу сияло над поверженным городом, над широкой, нагроможденной развалинами Унтер ден Линден, над исклеванными осколками Бранденбургскими воротами, над мрачной от копоти громадой здания с колоннами посреди площади, где вознесенное высоко вверх над ребристым выгоревшим куполом багряно рдело Знамя Победы, водруженное советскими солдатами.

— Товарищ комбат, рейхстаг!

Но он и сам узнал это здание, куда спешили со всех сторон теперь уже во весь рост солдаты и офицеры, завершившие великий ратный подвиг! Рейхстаг! Пуп разгромленного «тысячелетнего» фашистского рейха. Вот где кончился для Матвеева долгий, тяжелый солдатский путь, начавшийся для него росным июньским утром сорок первого года в небольшом украинском городке Радзивиллове. Почти четыре года назад!

Комбат, весь продымленный, в фуражке, пробитой фашистским снайпером, еще не стряхнувший с себя напряжение боя, сунул пистолет в кобуру, поправил ремень на гимнастерке и отдал команду:

— Старшинам рот, проверить наличие людей!

Победа — победой, а служба продолжалась.

Ж. СУЛЕЙМЕНОВ

ВЕРНОСТЬ

I

В центре аула, еще издалека любому путнику в глаза бросается памятник на высоком постаменте. Мы тоже сразу обратили на него внимание, направились к нему. Председатель местного совета ветеранов Есмагзам Исин по дороге рассказал, что он был установлен 20 лет назад, к 30-летию Победы.

— В этот день радости аульчан не было границ. И стар и млад, собравшиеся у памятника, чувствовали — словно обрели невозвратную потерю, отодвинули неизбывную боль, которая жила в сердцах все эти годы.

До войны Балуан был одним из небольших аулов. В нем всего-то насчитывалось восемь десятков дворов. Когда над Родиной нависла смертельная опасность, балуанцы, как и все советские люди, проводили на фронт своих земляков. 82 из них не вернулись, погибли за свободу и независимость Отечества.

Есеке приумолк. Наверняка он вспомнил и своего отца, погибшего на фронте. Мы стали было читать список имен на постаменте: «Акишев Амире, Акишев Шакей , Акишев Молдагали, Акишев Айтим... Токкожин Баязит...». Всего 82 фамилии. Сердце сжималось от боли за тех людей, истинных сыновей родного края, которые погибли за независимость Родины, за счастье и светлое будущее новых поколений и наше тоже. Мы молча стояли у постамента, а в мыслях вели свой тайный разговор по душам с теми, кто доказал верность Отчизне своей собственной кровью. «Вам общее имя — подвиг, слава ваша — вечна», — с волнением прошептал я начертанное на постаменте.

Безмолвно стоит каменное изваяние. Но аульчане никогда не проходят равнодушно мимо. На мгновение застывают перед ним задумчиво и вдовы с незаживающей в душе раной, и седые старцы, и даже молодые, никогда не знавшие войны. Это имена их старших братьев, отцов и дедушек высечены здесь.

«Никто не забыт, ничто не забыто». Эти слова на красной ленте венка вернули нас к предмету нашего поиска. А искали мы Каиржана Токкожина, уроженца этого села. Он

тоже воевал вместе с теми, чьи имена на этом памятнике, и совершил подвиг. Об этом говорится в статье, опубликованной в газете «Социалистик Казакстан» за 23 февраля 1945 года, что и послужило причиной нашего приезда в Балуан. Однако имени Каиржана в списке на обелиске не было. Оказалось, что он не жил в Балуане. Естественный вопрос «А не пропал ли он без вести?» словно завел нас в тупик.

— Надо расспросить жителей села. Кто-то же должен о нем знать, — сказал Есеке.

В сопровождении Есеке мы направились к старому фронтовику Букену Акбасову.

Семидесятилетний старец не сразу признал среди пришедших знакомых.

— Ассалаумагалейкум!

— А, это ты, Есмагзам. Проходи. Как дома, все живы-здоровы? Как дети? — стал осыпать он Есеке обычными вопросами при встрече.

— Слава Богу, все живы-здоровы. Как вы сами? Как ваше здоровье? — в ответ приветствовал его Есеке и завел разговор о цели нашего визита.

— Каиржан? Какой Каиржан? Сын Токкожи? Как не знать? Он же уроженец нашего аула! В соседнем Суатколе работал учителем, сейчас на пенсии. Но вот воевал ли? Когда мы с его братом Баязитом ушли на фронт, он был подростком 15—16 лет.

До Суатколя всего полчаса езды. В небольшом ауле не составило труда найти дом Токкожина.

— Дом Каиржана-ага вот тот, — указал рукой один из мальчиков, игравших на улице, на большой дом у перекрестка.

— Я буду Токкожиным Каиржаном, — сказал нам с улыбкой высокий, сухощавый, светлолицый хозяин дома. После обычных приветствий, расположившись удобно, мы начали разговор о том, что нас привело.

Молча выслушал нас хозяин. Неожиданные вопросы всколыхнули душу старого солдата, словно тяжесть тех давних многотрудных лет, вновь пригнула его плечи. На лице с обострившимися морщинами можно было прочесть и борьбу чувств, и нежелание трогать больные струны души.

Только через некоторое время, справившись с наплывом воспоминаний, начал он свой рассказ.

— Нас было двое братьев. Брат Баязит в числе первых отправился на фронт, а я, как не достигший призывного возраста, остался в ауле. Конечно, и в тылу было несладко. Не считаясь со временем, день и ночь трудились мы во имя Победы. Война оказалась долгой. В аул стали приходить «похоронки» или «кара кагаз», как называли их у нас. Появились и первые раненые.

И тут Қайреке прервал свой рассказ:

— Маптуха, принеси-ка те бумаги, — крикнул он своей супруге, хлопотавшей на кухне.

Осторожно достал из узелка, протянутого женой, пожелтевший лист бумаги и подал нам.

— Это последнее письмо Баязита.

Письмо было коротким. По разрешению хозяина мы прочли следующие строки: «Как дела, братишка Қаиржан? Я жив-здоров, воюю. Страна наша, земля наша, чего бояться и что жалеть? Верю, что победим. Получил твое письмо. Говоришь, что просишься на фронт. Так поступают настоящие джигиты. Если твоя мечта осуществится, бей врага смело. Мы победим. Что еще писать? До встречи. Передавай привет всем, кто меня помнит. С приветом твой брат Баязит. 1942 год. Декабрь».

«Мы победим!» — эта великая вера жила в солдате, находившемся в самом горниле войны. За ним и Қаиржан отправился на фронт с такой же нерушимой верой.

— Война явилась суровым испытанием нашей государственности, нашего воинского мастерства и стойкости, — продолжил свой рассказ Қайреке. — Она нанесла тяжелые раны родному народу, необъятной нашей Родине. Сколько молодых жизней оборвалось?! На той войне мы стали свидетелями великого братства советских людей, мы познали удивительные судьбы.

Одна из таких встреч навсегда осталась в памяти.

Было лето 1944 года. Наш батальон готовился к бою. А для меня он должен был стать первым в моей жизни. Врага еще в глаза не видел, естественно, волнение и робость.

— Командир идет! — резко прозвучало вдруг.

Беспокойно ожидавшие сигнала к атаке мы вскочили и вытянулись в струнку. В сопровождении 4—5 человек к нам направлялся быстрыми уверенными шагами высокий, крупного телосложения казах . Поравнявшись с нами, во-

енные остановились. Офицер пристально посмотрел на меня и спросил по-казахски: «Сколько тебе лет?». Смутившись от общего внимания, я опустил голову и ответил:

— Восемнадцать.

— Хорошо, джигит. Не жалей врагов! Иди в огонь за Отчизну, не сгоришь, не бойся, — сказал он и быстро пошел дальше. Тут же от товарищей я узнал, что это был легендарный Бауыржан Момышулы.

Война есть война. Приходилось быть свидетелем многих кровопролитных боев. Один из них произошел в окрестностях селения Питкино Калининской области.

Нашему батальону под командованием гвардии майора Кунчинского было дано задание освободить это селение. Бой длился долго, село переходило из рук в руки. 4 апреля в 8 часов утра враг неожиданно начал очередную атаку. Находящаяся на опасном направлении батарея гвардии лейтенанта действовала смело и успешно отражала натиск превосходящих сил противника. Особо отличился сержант Данияров. Он один вывел из строя два фашистских танка. Однако и сам погиб в том бою. Командование наградило его за этот подвиг орденом Отечественной войны I степени.

Решающая битва произошла 8 апреля. Мы вынуждены были отступить и закрепиться на высоте № 116. Стрельба началась спозаранку. Вражеские силы намного нас превосходили. Учитывая это, командование батальона приняло решение оставить высоту № 116, но приказ дошел не до всех. Не зная о нем, я и мой помощник Михаил (фамилию запамятовал) остались на высоте в укреплении. Через некоторое время враг полез как саранча. Видимо, они убедились в том, что высота оставлена: идут нагло, во весь рост. «Подпустим ближе», — прошептал мне на ухо Михаил.

Когда враги приблизились вплотную, «заговорил» наш «максим». Вскоре с правого фланга раздалось громкое «Ура!». Это наши перешли в атаку. А мы продолжали поливать фашистов огнем, стараясь не дать им поднять голову...

Об этом подвиге Қаиржана Токкожина — воина 8-ой гвардейской Краснознаменной дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора Панфилова — его командир Н. Токабаев в газете «Социалистик Қазакстан» за 23

февраля 1945 года написал так: «В бою за селение Питкино первый номер станкового пулемета гвардии сержант Каиржан Токкожин был тяжело ранен. Пулемет умолк. И фашисты вновь поднялись в атаку, но Каиржан успел перевязать рану.

—Не дрейфь, Миша, готовь ленты, — сказал он товарищу, а сам, с трудом подтянувшись к пулемету, снова взялся за его ручки. Подпустив немцев метров на сто, товарищ Токкожин метким огнем уничтожил больше 20 офицеров и солдат противника. Наше подразделение заняло сильное, подготовленное в течение двух лет, укрепление. Там же был награжден командованием орденом Славы III степени один из героев подразделения, гвардии сержант, член колхоза «Балуан» Октябрьского района Северо-Казахстанской области Каиржан Токкожин». Ему тогда было всего восемнадцать лет. Юный джигит, несмотря на четыре своих ранения, продолжал воевать с заклятым врагом до полной победы. Его жизнь стала сродни подвигу, рожденному истинной любовью к Родине, к родной земле.

Однако Кайреке никогда не считал себя героем. Вот и сегодня о том незабываемом бое говорит впервые за 50 лет со дня Победы.

Все, кто сидел вокруг стола, рассказ Кайреке слушали с замиранием сердца. И его дети, и 40 лет жившая с ним супруга Маптуха словно заново увидели отца и мужа теперь уже как настоящего героя войны.

Мы протянули Кайреке пожелтевшую газетную вырезку.

— Поистине, настоящий подвиг никогда не забывается, — произнес один из присутствующих в доме.

Кайреке молча кивнул головой, словно подтверждая это.

— Подвиги в Великой Отечественной войне — наше общее достояние, — сказал он затем задумчиво, — теперь бы вот подвиги молодого поколения видеть только в мирном труде, на благо Отчизны.

Это были слова представителя старшего поколения, прошедшего сквозь огонь войны, высказанные от всего сердца.

II.

В тот день Кайреке вернулся поздно. Он был в школе, где проходила встреча учащихся с ветеранами. Но не успел отец переступить порог дома, как Гульназим повисла на его шее. В руках у нее был большой голубой конверт. «Пляши, иначе не отдам». «Ну-ка давай «Яблочко!» — смеются Игимек и Гульнара.

— Детки мои, к чему мучить отца на старости лет? Лучше прочтите, от кого, откуда оно?

— Из Белоруссии, от учащихся средней школы города Клецка Минской области.

Кайреке встрепенулся. Взял письмо из рук Гульназим и протянул Гульнаре: «На, читай!».

«Уважаемый Кайдар Есимов. Получили Ваше последнее письмо. Спасибо. Пишем вам ответное. Недавно в адрес нашего школьного клуба «Красные следопыты» пришло письмо со станции Верховцево Днепропетровской области. Автор письма М. Д. Петелин—бывший боец Макеевской дивизии, один из участников освобождения Клецка от фашистов. Может быть, Вы его знаете, поэтому решили послать Вам и эту фотографию. С нетерпением ждем ответа. С наилучшими пожеланиями учащиеся 9 «а» класса. 17 ноября 1984 года».

Он взял из рук дочери письмо, стал внимательно разглядывать пожелтевшую от времени, с обломанными углами фотографию и вдруг воскликнул:

— Да это же Михаил! Дорогой мой однополчанин, ты, оказывается, жив! Ты есть на свете!

Горячая слеза неожиданной радости покатилась по щеке ветерана. Долго не мог успокоиться Кайреке. Словно самого живого Михаила увидел. Взял перо, хотел написать письмо, но разбегающиеся мысли никак не складывались в строки. Прилег на диван. «Нежданно-негаданно, через сорок лет доведется скоро встретиться с товарищем по военной судьбе. Был Михаил парнем лет двадцати, косая сажень в плечах. Каким он стал сегодня?». Мысли Кайреке постепенно стали возвращать его к тем огненным дням.

...В этот день рядовой Кайдар Есимов был дежурным по роте. Ночью штаб батальона вышел на связь. Голос в трубке коротко приказал: «Бей тревогу, поднимай роту!» У бойцов сон чуток. Они словно ждали этого приказа. В счи-

танные минуты батальон встал в строй. Обычно немногословный командир и на этот раз был по-военному краток.

— Товарищи, — сказал он, — враг обошел нас. Теперь наша задача — перейти линию фронта и соединиться с нашими.

Кроме оружия и продуктов все пришлось оставить. Нелегко шагать по пояс в болоте. Скоро бойцы стали уставать. На исходе было уже и продовольствие. Командиры обычно в таких случаях стараются поддержать дух бойцов обещанием близкого конца начатого похода. Положение для бойцов понятное и поэтому они терпят.

Натертая сапогом нога Кайдара опухла, со дня выхода в путь он не сомкнул глаз и теперь двигался, как тень. Исхудал так, что торчали одни скулы. У других бойцов вид тоже не лучше. Вот уже семнадцатые сутки, как они скитаются по лесам. «Надо выдержать!» — убеждает сам себя Кайдар. Но вдруг перед глазами все затуманилось, в ушах зазвенело, голова закружилась, и земля ушла из-под ног.

Через какое-то время он открыл глаза и увидел склонившего над ним бойца, но не узнал.

— Гена! — Друзья так звали Кайдара. — Это же я, Михаил.

Постепенно придя в себя, Кайдар сказал:

— Миша, не задерживайся из-за меня, иди, — и снова закрыл глаза.

Михаил крепко обнял его, начал поднимать, но тут же оба рухнули на землю...

Когда к Кайдару вернулось сознание, он никак не мог понять, где он и что с ним.

И тут увидел рядом девушку в белом халате. Она наклонилась к нему и положила на его лоб ладонь.

— Где я?

— Вы в госпитале.

— Как здесь оказался? Кто меня привел?

— Вот это вам оставил боец, который вас принес сюда, — сказала девушка и протянула Кайдару клочок бумаги.

Кайдар пробежал глазами записку. «Гена, мы вышли из окружения. Через несколько дней отдыха снова идем на передовую. Желаю быстрее выздороветь. До скорой встречи. Михаил. 25 июля 1941 года, г. Могилев».

Кайдар пролежал в госпитале долго. Немцы за это время приблизились к Могилеву, и госпиталь перевели в Москву. Попытки Кайдара выбраться из госпиталя никак не удавались. Врачи решили, что ему с его воспалением легких необходимо длительное лечение.

Но молодой джигит настоял на своем, и в середине октября его отправили снова на передовую.

В это время шла тяжелая битва за Москву. Кайдар Есимов вместе с защитниками столицы принял участие в сражениях в районе Красных Полян. За подвиги, проявленные в этих боях, он был награжден медалями «За оборону Москвы» и «За отвагу».

После изгнания фашистских оккупантов из-под Москвы Кайдар Есимов был переведен на Северный Кавказ.

В сентябре 1942 года Кайдар после очередного тяжелого ранения попал в руки врагов. Здесь он сполна познал зверства фашистов в концлагере. Однажды отобрали 24 военнопленных для отправки в Германию. Среди них оказался и Кайдар.

Ночь. Поезд мчится на запад. Кайдар понял, что нужно использовать любой шанс для побега именно сейчас. Он встал и подошел к немцу-охраннику.

— Камрад, — обратился Кайдар к немцу и показал, что ему нужно прикурить. Охранник протянул ему зажигалку. Дверь вагона была приоткрыта. Решил: либо хоть одного врага взять с собой на тот свет, либо, если повезет, — бежать. Кайдар левой рукой протянул немцу зажигалку обратно, а правой изо всей силы ударил его в висок. Фашист рухнул на пол. Кайдар резко раздвинул двери вагона и выбросил из него врага.

— Ну, друзья, бежим! — крикнул он своим попутчикам по вагону и прыгнул в темноту.

Неизвестно, сколько он пролежал. Вот он пришел в себя, перевернулся на спину, увидел высоко в небе мерцающие звезды. Вокруг стояла мертвая тишина. Подвигал руками, ногами. Вроде слушаются. Лишь голова будто свинцом налита. Он решил во что бы то ни стало подальше уйти от железной дороги и, превозмогая боль, пополз к темнеющему поодаль лесу. Время от времени, приложив ухо к земле, слушал, не идет ли кто. Кругом все так же тихо. Совсем выбившись из сил, он вновь лег на спину и посмотрел в небо. Но перед глазами зримо вставали голодные, полужи-

вые, измученные палачами бойцы во вражеском плену. От одной этой мысли его начинала колотить дрожь.

«Интересно, что стало с другими в вагоне?». Видно, никто не последовал за ним. Иначе кто-нибудь подал бы голос. Ну что же, свой долг я выполнил. Может, у них другие планы. А вот Кайдар не согласен подчиниться злой судьбе. Если бы в трудную минуту он спасовал, то давно бы уже не сносить ему головы...

И мысли, одна за другой, уносят его в кажущееся теперь уже таким далеким детство.

Лишившись почти с пеленок своих родителей, Кайдар испытал немало невзгод. Взявшие над ним опекунство родственники со временем стали на него коситься. И вот однажды Кайдар от всего этого ушел в соседнюю русскую деревню. К счастью, в жизни встречается немало добрых сердцем людей. Одним из них оказался Андрей Коколов. Он принял его, как своего сына. Кайдар прожил здесь недолго. Благодарный добрым людям, он все же не хотел зависеть от других и отправился в город. Успешно окончил ФЗО, поступил на рабфак в Семипалатинске. Но, к сожалению, из-за материальных трудностей пришлось с учебой распрощаться. Но и это не сломило его. Устроился в г. Туркестане на работу на железную дорогу. До призыва в армию проработал там помощником машиниста. Когда началась война, служил в составе специализированной железнодорожной роты № 51. Вот и сейчас наступил еще один трудный час, возможно, роковой час в его жизни.

...И тут он услышал чьи-то голоса, но не двинулся с места. «Если враг, все равно не уйти, ну а вдруг это друг...» — забилось в тревожном ожидании сердце.

Прохожие, а их было двое, остановились недалеко от него и стали осматривать местность. Его вроде не заметили. По одежде похожи на местных жителей. Кайдар не выдержал молчания, собрав все силы, встал и двинулся к незнакомцам. А вокруг уже брезжил рассвет, неся ему новую надежду на жизнь...

Освободившись из фашистского плена, Кайдар продолжил боевой путь в составе 54 дивизии 28-ой армии.

Август 1943 года. Бои за город Клецк. В одном из этих боев Кайдар со своими пятью товарищами занял здание средней школы в одном из центральных районов города и

значительно «пощипал» врага. После освобождения Клецка его грудь украсил орден Славы III степени. Вот здесь-то тогда он и встретился со своим бывшим однополчанином Михаилом Петелиным.

Затем, не расставаясь, вдвоем с Михаилом они еще не раз проходили через кровопролитные испытания.

Кайдар — командиром расчета, а Михаил — наводчиком. Навсегда останется в его памяти еще один эпизод.

Стоял апрель 1944 года. Начавшаяся на утренней заре битва не смолкала до позднего вечера. Отчаявшийся враг дрался до последнего. Наутро, с первыми лучами солнца, вновь, как муравьи, полезли танки. Не успели отразить лобовую атаку, как танки показались на правом фланге. Разгадавший хитрый маневр врага командир дивизиона приказал расположить пушки полукругом. Близкий разрыв бомбы покрыл пылью расчет пушки Кайдара, его самого взрывная волна оглушила на мгновение. Опомнившись, он увидел, что Михаил ранен в ногу. Перевязав себе рану, его друг продолжал бой. Уговоры Кайдара покинуть поле боя не возымели действия. В том бою расчет Кайдара Есимова вывел из строя 4 вражеских танка. Командование представило расчет к правительственным наградам.

Спустя немного времени М. Петелин получил орден Отечественной войны I степени, Кайдар — Красной Звезды.

Да, когда он, вступая в ряды армии, давал воинскую клятву, не думал, что война проведет его по дорогам нечеловеческих страданий и потерь. Но он до конца сумел сохранить верность этой священной клятве. Преодолевая все трудности, старался, как мог, приблизить Победу. И сегодня сверкающие на его груди ордена Славы второй и третьей степеней, Красной Звезды и Отечественной войны первой степени — яркое свидетельство его героического пути в годину испытаний для всех людей, объединенных тогда единым стремлением защитить Родину.

«И ЧТО ЕЩЕ ВПЕРЕДИ!»

Из дневника Сергея Воропаева — жителя села Пресноредуть Пресновского района, который он вел в фашистском лагере Ламсдорф.

Воропаев Сергей Николаевич родился в 1921 году в с. Пресноредуть Пресногорьковского района (ныне Пресновский район). До призыва в Красную Армию работал заведующим оргинструкторским отделом райкома комсомола.

В годы Великой Отечественной войны попал в плен и в течение нескольких лет мужественно переносил все ужасы фашистского плена. В 1945 году Воропаев был освобожден из плена Советской Армией. Но вскоре от перенесенных лишений и связанных с ними болезней умер и был похоронен с воинскими почестями на территории лагеря военнопленных № 1 в Ламсдорфе (Германия).

Плен Воропаева не сломил. В фашистском застенке он борется, пишет дневник — страшный документ-обвинение злодеяниям фашизма.

29 марта 1944 года.

Март. Пасмурно. Холодно. Скоро два года, как я за проволокой. Сколько пережито! И что еще впереди?

13 апреля 1944 года.

Сейчас на работу. Сердце просится на волю. Порой хочется умереть, но за что... Так, просто, по-собачьи? Нет, не такие мы люди. Да, люди, хоть нам вбивают, что мы рабы. Нет, мы не рабы. «Рабы не мы». Это не слова из букваря. Это я впитал с молоком матери.

Сегодня получил удар по спине от надзирателя. Удар силен так, что спина и сейчас болит. За что? Только за то, что обернулся назад. Ну, сволочи, пейте соки, и ваш час придет.

20 апреля 1944 года.

Исполнилось два года, как я в Германии, в лагерях военнопленных. Два года истязаний, голода.

Что-то тревожно на сердце, какое-то неприятное волнение. Да! Сегодня еще один «юбилей» — год,

как я работаю в этой проклятой шахте. 365 дней проведено во мраке подземелья на глубине 350 метров.

Глубина—неважно, а важно то, сколько перекидано угля. Каждый день приходится перекидывать по 10 тонн угля. А что приходится есть? Хлеб, картошка, капуста. Но и этого не бывает досыта.

Да! Ты скажешь, молодец, стараешься. Я не могу ничего сделать. Это стоит жизни. А у меня есть искра надежды на будущее, она и принуждает пока покоряться. Впрочем... но нет, об этом скажу после.

29 апреля 1944 года.

...Вчера не выдержал. Когда надзиратель подошел ко мне, я послал его подальше. И на спину, голову тотчас посыпались удары. Сейчас надзиратель думает, что я сломлен. Дудки! Пусть я голоден и слаб, пусть я пленный. Но, пленный физически, духовно я свободен, морально я выше этих сволочей. Да, выше. Потому что никогда не позволю себе поднять руку на слабого, унизить голодного, потому что меня учили, что нет ничего выше человеческого достоинства. Человек — это звучит гордо.

12 мая 1944 года.

Сегодня пришла мне в голову такая мысль. Вспомнил я у Салтыкова-Щедрина, как один из его героев (не помню уж кто) рассуждает о том, что такое жизнь без идей.

И я подумал: а какая у меня здесь идея?

Выжить. Да. Но как?

Не только, чтобы сохранить жизнь. Если бы думал о том, чтобы только выжить, разве я бы стал сопротивляться, не работать. Ведь поэтому меня лишают даже тех помоев, которые получают другие.

Значит, для того, чтобы мстить. Мстить за поруганную, загубленную молодость, за замученных братьев. Мстить, мстить. Я буду мстить. Но кому? Как ни странно, я не питаю ненависти к немцам

вообще. Мне ничего плохого не сделал мастер-немец, он даже дает мне хлеб. Но нацистов, гестаповцев, надсмотрщиков я бы задушил собственными руками. Только против них мой гнев, моя ненависть. Но и это не главное. Не ради мщения живу, это сделают мои товарищи. Я хочу жить, чтобы вернуться домой, чтобы вновь увидеть наше село, березовые колки, степь. Ведь я мечтал стать агрономом, мечтал невиданную пшеницу вырастить в нашей степи.

Я сын своей страны, и я хочу вернуться к себе на Родину.

5 марта 1945 года.

Итак, я уже точно знаю, что в последний раз взялся за карандаш. Последний раз я беседую с этими листками. Но смерть меня не пугает. Говорят, что в шести километрах от лагеря наши взяли деревню, но выстрелов что-то не слышно. Хотя бы перед смертью услышать орудийный гул, разрывы снарядов, чтоб земля гудела, черт побери.

Я многое передумал за эти дни, перебрал в памяти разные случаи из моей жизни. Я прожил немного, но честно. Я не знаю поступка, за который мне пришлось бы краснеть. Все, что я делал, о чем думал, — все дело направлено для моего народа. Мой народ — я не опозорил имя — русский. Для меня нет более святого, чем это слово, и нет дороже моей Родины.

Мы счастливо жили, пока не пришли фашисты. Для них русские были дикарями с Востока, людьми, лишенными культуры, науки, искусства, и они хотели поработить нас, сделать рабами.

Но нет такой силы, которая сломила бы мой народ. Он и дальше будет строить большую, счастливую жизнь. Жаль только, что мне не придется быть со всеми.

Прощай, Родина, моя семья, целую все это близкое и родное, прощай, жизнь.

(Из фонда облгосархива).

П. ПЕНЧУК,
участник Парада Победы.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Моя фронтовая дорога началась с Курской дуги, где я — командир отделения во взводе управления связистов-проводчиков в составе 343 артиллерийского полка 136 стрелковой дивизии — принял участие во многих сражениях Великой Отечественной войны. В этом полку воевал до конца войны. После Курска дальше были бои за Днепр, Киев.

Мне особо запомнилась битва за столицу Украины — древний Киев. Все мы, от солдата до Верховного Главнокомандования, считали своим долгом к Октябрьской годовщине освободить Киев. Мы были воодушевлены этим желанием.

4—5 ноября 1944 года в районе Пущая Водица, где действовала наша дивизия, завязалась решительная битва. По вражеским войскам били «катюши», все другие виды орудий и минометов, авиация наносила удары с воздуха, пошли в бой сотни танков, наступала пехота. Сопротивление противника сломлено. Над Киевом взвились красные знамена. Потом были бои за форсирование Вислы, освобождение Варшавы, на Сандомирском плацдарме. Война для меня кончилась на территории Германии. Настал долгожданный День Победы. Трудно описать, какая это была радость для солдата. День Победы стал самым счастливым днем солдата, прошедшего с боями пол-Европы, полземли, чтобы достичь заветной цели. Все солдаты были рады этому дню и смеялись от радости, плакали за потерю боевых товарищей.

После Дня Победы, 9 мая 1945 года, начали отбирать фронтовиков для участия в Параде, который состоялся в городе Москве 24 июня 1945 года.

Условия отбора были таковы: рост не менее 1 метр 70 см, боевая выправка, награды и незамаранное прошлое твое и твоих родителей. Весь этот критерий я выдержал, короче, прошел.

От каждого фронта был сводный полк. Поскольку в боях я был во II Белорусском фронте, в составе сводного полка второго Белорусского фронта в эшелоне отправились через Польшу в столицу нашей Родины — город Москву. В городе Познань сделали двухчасовую остановку. На привокзальную площадь вышел духовой оркестр сводного полка, вышли сол-

даты, подошли полки, устроили танцы, затем команда «По вагонам!» и поехали дальше. В Москву приехали где-то в один-два часа ночи. Из окон многоэтажных домов с возгласами «Рокоссовцы, ура!» кричали москвичи, когда шли к месту расположения.

Разместились мы в так называемых пролетарских казармах, где располагалось высшее кавалерийское училище им. Фрунзе. Здесь, напротив казарм, находилась площадь, на которой мы и занимались строевой подготовкой.

Сводным полком при формировании командовал Эрастов Константин Максимович, генерал-лейтенант, а на Параде возглавил руководство генерал-полковник Трубников Кузьма Петрович. В полку было 7 батальонов по 200 человек (20 в шеренгу и 10 — в колонну), командирами батальонов были генералы, командиры рот, взводов и отделений — офицеры. Всего в сводном полку было 1477 человек. В течение месяца мы занимались строевой подготовкой 2 часа. Кормили нас очень хорошо.

За месяц нахождения в Москве мы посетили Малый театр, Большой театр да еще многие достопримечательности того времени. Точно не помню какого числа, 15 или 18 июня, состоялась генеральная репетиция в Сокольниках, где были собраны все сводные полки фронтов, Московский гарнизон, Суворовское и Нахимовское училища, продемонстрировали строевую выправку, потом продолжили строевую подготовку.

24 июня все сводные полки фронтов и другие выстроились на Красной площади. Затем Маршал Советского Союза Рокоссовский со своим ординарцем на конях объехали весь строй — он командовал Парадом. Доложил принимавшему Парад Маршалу Жукову и вместе стали объезжать полки на лошадях, подъехав к тому или к другому фронту, поздравляли сводный полк, в ответ троекратное: «Ура!». И так дальше, пока не объехали все построение. В это время на трибуну Мавзолея Ленина поднимались члены правительства: Сталин, Калинин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Буденный и другие.

Жуков сделал небольшой доклад. Затем мы прошли по Красной площади, и каждый сводный полк пошел по разным улицам к своему расположению.

В этот день в честь Парада Победы был дан салют, который я видел впервые. Точно не помню, но через несколько дней направились снова в Германию.

В Москве всем участникам Парада была вручена медаль «За Победу над Германией», и у всех участников Парада удостоверения к медали в красной обложке, а у остальных участников войны корочки салатного цвета. Все участники Парада разошлись по своим подразделениям.

У меня было одиннадцать благодарностей от Сталина за освобождение городов. Где-то в июне 1945 года вышел Указ о награждении за битву на Одере. Мне и сержанту Фахрутдинову орден Красного Знамени, а остальным — орден Отечественной войны. После возвращения в часть после Парада замполиты меня водили по подразделениям, я рассказывал, как живет Москва, как проходил Парад Победы. В августе 1945 года меня отпустили в отпуск в родной Северный Казахстан, по окончании отпуска возвратился снова в свой родной 343 артполк. Неподалеку от нас располагались войска американцев, дело молодое, занимались спортом (футбол, волейбол), мы ездили к ним, они к нам.

Дорогами войны я прошел сотни километров, освобождая родные города и села, территории Польши и самой Германии от фашизма. Много было трудностей на пути к победе, погибло немало моих боевых друзей по полку. Потери и пережитое не забудется никогда.

И все же самым счастливым, незабываемым событием в своей жизни считаю участие в Параде Победы в Москве. Это был Парад победителей — Красной Армии, всего народа над вооруженной до зубов гитлеровской армией.

Я благодарен судьбе, что стал участником этого исторического Парада Победы. Очень метко и образно назвал легендарный полководец Г. К. Жуков День Победы — звездным часом советского народа.

П. АНДРЕЕВА.
ветеран труда.

ГОРЕ НАЧАЛОСЬ В 41-ОМ

Родилась я в 1924 году. И с детства видела кругом только бедность, натерпелись и голода, и холода. Семья была большая: семь человек, в том числе пятеро детей, отец работал кузнецом, а мама доила коров и поила телят в только что организованном колхозе.

Наш колхоз назывался «Память Ильича», тракторов в нем поначалу не было, лошадей совсем мало, и под посевы колхозники, в том числе и мои родители, вскапывали землю лопатами, пробовали даже пахать на себе: один тащит плуг, другой держит за рукоятки. Представляете, какой адский труд?

Пошла я в школу, окончила четыре класса в родном Долматово, а затем пятый — в Красноярке, ходили за десять километров. Пятый класс окончила благополучно, а в шестом, в январе, после зимних каникул, со мной приключилась беда.

Одеты мы были по-бедняцки, кое-как, и вот однажды в январе шли домой из школы. Начался сильный ветер, было морозно, и я обморозила колени. Мама намазала гусиным жиром, но все равно было очень больно, я сильно плакала, а папа пришел с работы и говорит:

— Не реви, больше в школу не пойдешь, все равно выше доярки не поднимешься...

Я потом, как перестали болеть ноги, плакала, просилась в школу, но отец не пустил, сказал: «Иди работай в колхозе, трудодни зарабатывай». И я пошла возить воду на ферму до конца зимы.

А весной послали меня учетчиком в бригаду. Писала я неплохо, а вот на счетах не умела считать. Хорошо, что бригадир, покойный уже А. Д. Ударцев, не зная ни одной буквы, хорошо умел считать

на счетах и меня научил. Так и началась в тринадцать с небольшим лет моя трудовая жизнь.

Решили на правлении послать меня учиться в двухгодичную школу в селе Дубровном за счет колхоза, и я согласилась. Год проучилась в Дубровном, а затем при укреплении колхозов школу нашу перевели в Петропавловский зооветтехникум, там я и заканчивала учебу.

В августе 1941 года мы должны были сдавать госэкзамены и получать диплом, в мае я приехала в родное село на преддипломную практику и работала на молочно-товарной ферме.

Работа шла успешно, но вот 22 июня, после утренней дойки, по селу проскакал верховой с криком: «Война началась! Все на митинг!». Мы побежали к конторе колхоза, который к тому времени был уже укрупненным (к Долматово присоединились села Лужки и 2-й Красный Яр).

Народу собралось много, приехал представитель из райвоенкомата. Митинг провели быстро. И тут же началась мобилизация молодых мужчин и парней. Какой это был кошмар! Плач, слезы, уезжали большими группами лучшие работники, многие больше не вернулись в родные края...

За несколько дней из наших трех сел ушли на фронт более 200 человек, самые «трудяги», а остались кто? Старики, женщины да дети. Провожали новобранцев всем селом до Выходцева Лога, на горе, неподалеку от Долматово — мост через Ишим после наводнения не успели наладить, ехали они в райцентр на конных бричках и единственной колхозной машине.

Мужчины, помню, шли строем, а женщины с детьми бежали следом за мужьями и сыновьями, хватали их за рукава, расстраивали ряды. А когда офицер из райвоенкомата скомандовал: «По коням!» — что тут началось! Это невыносимое зрелище вспоминаешь и то со слезами. Женщин невоз-

можно было оторвать от мужей и сыновей, некоторые и детей бросали на дороге или совали подержать нам, девчатам, и гнались за бричками, за машиной. Как будто чувствовали, что не увидят больше своих родных, любимых.

Возницы хлестали коней, чтобы быстрее увезти скрипящих зубами, скрывающих наворачивающиеся слезы мужиков и парней, а женщины бежали, бежали... Мы подбирали плачущих детей, как могли успокаивали их. Наконец вернулись женщины, взяли у нас детишек, горестно причитая, пошли по домам. Так началась война для нас, долматовцев.

Много еще дней стояли рев и плач над селом. А мне вскоре после начала войны пришла из техникума бандероль: диплом об окончании зооветшколы и письмо о том, что мне, как и другим моим однокашникам, без экзамена присвоена профессия техника по животноводству. А мне к тому времени не исполнилось еще 17 лет.

— Ну что ж, — сказал председатель колхоза, просмотрев мой диплом, где были в основном отличные оценки. — Училась ты хорошо, берись за дело и работай так же. Видишь, беда какая, а работников — кот наплакал.

И началась моя жизнь молодого специалиста, организатора производства, точнее, не жизнь, а маета и нервотрепка сплошная. Базы отремонтировать не успели, а теперь кому ремонтировать? Сено тоже только начали косить, а поголовье на фермах было большое: я приняла одних только овец 3500 голов, не осталось ни коней, ни бричек, ни телег, чтобы запрячь быков. Женщины наши пасли дойных овец, доили их, делали брынзу, а старики потихоньку ремонтировали базы, заготавливали вместе с подростками корма и перевозили их на сеновал.

Ремонтировали базы и женщины: пилили и возили на быках лес, обмазывали и укрепляли кошары. Как могла командовать ими я, 16-летняя девчонка? Но командовала, благо, что они без оговорок выполняли все, о чем я им говорила.

К зиме все фермы были отремонтированы, а вот кормов на такое поголовье припасли мало, хотя до каждого дома был доведен план: накосить, сметать и сдать в колхоз 100 центнеров сена, и только потом разрешалось косить для своих коров. Косили и вечером, и ночью, после работали в колхозе. И хватило нам кормов в первую военную зиму только до февраля. А затем пришлось снимать с крыш солому и кормить поголовье ею. Скот начал падать с ног от голодухи, стали искать выход. И находили: спилят женщины в лесу толстую березу, притащат трактором в денник, так не поверите — так ее обработают овцы: всю бересту обгложут и сучки объедят, один ствол да толстые сучья белеют, словно хороший столяр их рубанком выстрогал. Уйму берез перевели, несмотря, что лесхоз штрафовал наших женщин, как будто они себе домой эти березы везли.

А когда начался окот — снова беда: не успеет овца окотиться, другие голодные овцы подхватывают новорожденных ягнят и съедают, одни головки чабанам остаются. А чабанами тоже женщины работали: Дарья Федоровна Редькина, Анна Сергеевна Ефанова, Варвара и Вера Серебряковы, Манефья и Пелагея Подкорытовы — не позавидуешь их работе. Не потому ли и умерли многие из них раньше времени, что в военные годы вдоволь хлебнули горя-горюшка? И все же работали упорно, ожесточенно и без всякого отлынивания и отказов.

Соберутся наши женщины и девчата с утра в дежурке, начинают каждая свое горе рассказывать, свои слезы выплакивать. Приходит однажды Манефья Подкорытова и говорит: «Встала я сегодня пораньше, умылась, собираюсь на работу. А девчонки мои проснулись тоже и заревели: «Мама, что мы будем есть, мы же голодные!». Сняла я валенок с ноги и давай их бить со зла: «Не видите, я сама голодная на работу иду, ничего нет, картошка и та кончилась!». А сама слезами заливаюсь...».

Женщины послушали и тоже заплакали, и я с ними, сама голодная. Вскоре эта Манефья заболела и умерла, а двух ее девочек-сироток сдали в детдом. Выжили они все же, живут в Петропавловске...

Всю первую военную зиму возили к фермам сено, солому, березовые ветки Александра Чернышова, Агафья Кузеванова (обе уже покойные ныне), Таисья Цяпкина и другие женщины.

Да, в тылу не стреляли, это правда, но тоже было ой как нелегко! Работали, можно считать, день и ночь, особенно девчонки, оставшиеся в селе: Наталья Ударцева, которая впоследствии много лет работала председателем сельского Совета у нас в Долматово, Мария Капицева (впоследствии ветеринарный врач), Мария Отрадных, Клавдия Бунтакова, Мария Ростовщикова и многие другие.

В пору уборочной страды днем работали на ферме, а по ночам молотили хлеб на току. В короткие перерывы я пересказывала женщинам сводки Совинформбюро, читала свежие газеты, проводила подписку на Государственный заем, поскольку все мы, специалисты и грамотные бригадиры, считались агитаторами. Были в колхозе и старенькие тракторы, и комбайны. На них тоже работали наши сельские девчата: Надежда Отрадных, Мария Никлевич, Анна Кривушина, Елизавета Бунтакова, Варвара Серебрякова, Зося Юдюк, Мария Коледенко и другие. Но они в основном могли только крутить руль да произвести несложный ремонт, а хорошего, разбиравшегося в моторах механика в колхозе не было, пока председатель колхоза Г. М. Грибанов не выхлопотал в облвоенкомате бронь для прибывшего на кратковременную побывку в родное село Федора Иосифовича Андреева. Он и ремонтировал почти круглосуточно все тракторы и комбайны, за него я в 1942 году и вышла замуж, прожили вместе еще почти три военных года и 37 лет после войны, до самой его смерти в 1982 году. Вместе получали награды за работу, в том числе и

медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Как бы ни было трудно, но дожили, доработали и до того дня, когда с красным флагом проскакал по селам Долматово и Лужки верховой с громким криком «Победа! Война кончилась!», созывая всех на митинг.

Митинг этот, как сейчас помню, был очень многолюдным и проводился на большой поляне за озером Долмат. Пришли сюда все жители обоих сел и радовались, и горевали о погибших, и гадали, вернутся ли домой те, кто еще был в действующей армии и от кого давно не было вестей. Не знали, мы, что впереди, через несколько месяцев, еще одна, пусть очень короткая война с Японией, на которой сложат головы некоторые наши, уцелевшие на войне с Германией, земляки.

Не было, наверное, в Долматово семьи, где обошлось бы без потерь: кто погиб, а кто пришел раненым, покалеченным с фронта. Помню, как плакали Григорий Коледенко с женой: помимо трех дочерей, у них шестеро сыновей, и четверо из них погибли в годы Великой Отечественной войны. «Малые дети тяжелы на руках, а большие — на сердце», — говорил этот пожилой человек, и я на всю жизнь запомнила эти слова.

И после Победы — снова тяжелый, повседневный труд в колхозе, а дома — женские, материнские заботы и хлопоты. Работала в разных организациях и на разных должностях и в Долматово, и в Соколовке. Вырастила дочь и четверых сыновей. Сейчас у меня десять внуков и столько же правнуков. И как же хочется, чтобы все они жили спокойно, под мирным небом, не узнали тех тягот и страданий, что выпали нам на долю в юности и в молодости!

В. КУДРЯШОВА,
бывшая учительница
железнодорожной школы № 44.

ВРЕМЯ, НЕ ПОДВЛАСТНОЕ ЗАБВЕНИЮ

Великая Отечественная навсегда в памяти людей моего поколения. Это — часть нашей жизни, не подвластная забвению. Мне уже за восемьдесят, но те далекие годы и сегодня волнуют, печалят и согревают душу. Хорошо помню 1941 год. Средняя школа в Рабочем поселке (в то время 44, а ныне 31), где я работала учителем. Каждый день в классах появляются новые ученики из семей эвакуированных. Расскажу о братьях Хромовых — Роберте и Леве. Были они из Бреста, сыновья командира Красной Армии. После окончания учебного года они приехали на лето к бабушке и деду в город Лугу. Там и застала их война. После долгого пути старики с внуками оказались в Петропавловске. Лева пришел в пятый класс, а Роберт — в седьмой. Как и все их сверстники, братья были не по годам повзрослевшими. Трудно им пришлось. Только через несколько месяцев школе удалось через военкомат добиться установления им пособия. Ведь судьба родителей была неизвестна, не было документов, подтверждающих, что они дети военнослужащего. Только в 1944 году пришла весточка от родственника, из которой ребята узнали, что их мать воюет в партизанском отряде на Полесье. Тогда и решили направить письмо в редакцию газеты «Комсомольская правда» с просьбой при возможности переправить его к партизанам (была известна фамилия командира отряда). К нашей большой общей радости, письмо дошло до адресата, и мать узнала о судьбе своих сыновей и родителей.

После освобождения Белоруссии от фашистских оккупантов Лева и Роберт смогли вернуться к матери в Минск. Провожали их как самых близких людей. Собрали продукты на дорогу, учебники. Жизнь была нелегкой здесь, в тылу, а там, на разрушенной, сожженной земле — тем более.

Через много лет на школьный адрес я получила письмо

от Левы Хромова. Братья живут в Минске, окончили институты. Их отец пропал без вести в начале войны.

Особую память оставили проводы старшеклассников в армию, означавшие практически проводы на фронт. 1942—1943 учебный год. В десятом классе всего два мальчика. Остальные или уже призваны, или пошли работать. И вот повестки военкомата и этим двум: Винницкому Юрию и Костову Ивану. Ваня был местный, а Юра — из семьи эвакуированных. Незадолго до призыва у него умерла мать, брат воевал на фронте, отец тяжело болел. Отцу и сыну постоянно помогали одноклассники и их классная руководительница Мария Матвеевна Долгова. Наступил день проводов. Собрались в школьном зале, на втором этаже. За окнами стужа, в зале холодно. Тускло, в полнакала светятся несколько лампочек. Юра играет на баяне. Кто-то подыгрывает на гитаре, поют только что появившуюся у нас «Землянку». Девочки плачут. Потом все пошли на станцию, на воинскую площадку. Прощание с родными, друзьями. Ребят строят, звучит команда: «По вагонам!». И поезд трогается...

Знаю, что Ваня Костов встретил День Победы и после войны остался в армии, а судьба Юры Винницкого неизвестна.

Все это были трудные будни долгих военных лет. Прожить их помогла вера в победу, взаимная поддержка людей.

З. ШАБАНОВА-ШИХАНЕВА,
ветеран педагогического труда.

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ

Трудно вспоминать и говорить о том, что довелось пережить моему поколению в годы Великой Отечественной войны, когда всех нас, и взрослых, и детей самых разных национальностей, объединила одна общая беда. Никогда не забуду жаркий летний день 1941 года, когда мы, учителя-комсомольцы, встретили в Петропавловске эшелон раненых бойцов, обгоревших танкистов, помогали медсестрам и санитарам.

Хорошо помню, как всем классом готовились к встрече нового, 1942 года в госпитале. Мои второклассники и их родители сумели общими усилиями приготовить две тысячи штук пельменей, целых три ведра. Всем классом 31 декабря мы пришли в госпиталь с новогодним концертом и сибирскими пельменями. Заботливо кормили мои ребята израненных, изуродованных бойцов. А после концерта мои воспитанники под диктовку фронтовиков писали письма родным и близким раненых.

На всю жизнь врезались в память первые месяцы пребывания детей Ленинграда в моем классе. За партами по трое сидели 54 ученика, среди них восемнадцать ленинградцев — исхудавших, иссохших. Одна кожа да кости. Даже губ на лице не осталось. Одни глаза да неприкрытые зубы. Каждый день буфетчица приносила в класс маленькие булочки. До сих пор слышатся мне слова ребят, когда к ним подходила буфетчица: «Отдайте мою ленинградцам».

После первой встречи в классе я вошла в кабинет директора Нины Михайловны Качаловой и, расплакавшись, сказала, что не могу смотреть на этих детей-старичков. Моя наставница ответила: «Я специально определила их в этот класс. Вы сами из большой, многодетной семьи и лучше, чем кто-либо, будет их опекать».

Уже после войны было у меня несколько чудесных встреч. В 1958 году побывала я в Ленинграде у Нади Новосельцевой. А в Петропавловске однажды неожиданно столкнулась с Валей Панферовой. Она и сегодня работает в педучилище, по мужу ее фамилия Усатова. Долго мы с ней не могли наговориться. «Трудно себе представить, что было бы с нами, — говорила Валя, — если бы не милосердие людей. Какие мы были измученные, голодные. Боялись каждого стука, малейшего неожиданного звука. Играли в блокаду, прятали кукол в бомбоубежище, отправляли на фронт защищать родной город».

П. ОСИПОВ,
ветеран труда.

Предприятия города — фронту

I.

Мясоконсервный комбинат, как предприятие союзного значения, по числу рабочих был самым крупным среди промышленных предприятий в довоенном Петропавловске. С началом войны много мужчин ушло на фронт и их место заняли женщины и подростки. Однако благодаря производственному энтузиазму коллектив комбината на три месяца раньше срока выполнил программу 1941 года. И продолжал наращивать темпы.

По итогам первой половины 1942 года на мясокомбинате насчитывались 371 стахановец, 121 ударник и десятки других передовиков. Коллектив предприятия успешно соревновался со своими коллегами из Омска и Кургана.

Устойчивой была работа предприятия и во второй половине 1942 года. В целом же за этот год комбинат поставил для нужд Красной Армии более миллиона банок консервов.

В 1943-м году, в напряженное время сталинградских боев, мясокомбинат четыре месяца удерживал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, а в целом повышенный план 1943 года по выпуску товарной продукции предприятие выполнило на 120 процентов.

Такой же успешной была работа комбината и в последующие годы войны. Конечно, достигалось это немалой ценой: работой в неурочное время, без выходных и отпусков и т. д.

На предприятии, как и повсюду в городе, все тогда было подчинено интересам обороны страны. Проводился сбор теплых вещей для Красной Армии. За короткий срок было собрано более тысячи пар валенок, телогреек, полушубков, внесено 338 тысяч рублей личных сбережений рабочих и служащих. Средства эти были переданы в Фонд обороны.

В 1942 году к 24-ой годовщине Красной Армии трудящиеся Северо-Казахстанской области направили на фронт своим землякам-воинам 12 вагонов подарков, большую часть из которых составила продукция мясокомбината. Эшелон сопровождала делегация, в составе которой был и представитель

мясокомбината Лапшин. По возвращении с фронта, где наши представители находились 11 дней, он рассказывал:

...Там, на передовых позициях, мне довелось встретиться с товарищами Швидко, Корякиным, Чуриловым, Аниценко, Ферулевым и Стояниным. Все они до ухода на фронт работали на мясокомбинате. Встречи были теплыми. Наших земляков очень интересовало все, что делалось дома. Прощаясь, они наказывали:

— Работайте по-военному, давайте больше продукции фронту. А мы вас не подведем. Будем бить врага как надо...».

И рабочие комбината, выполняя наказ фронтовиков, трудились по-военному.

Для удовлетворения нужд Красной Армии выпуск мясных консервов в 1942 году был увеличен по сравнению с 1940 годом в два раза. За достигнутые успехи коллективу мясокомбината в 1942—1943 годах присуждалось переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

Храбро сражались и наши земляки — бывшие работники мясокомбината. За доблесть и мужество более двухсот человек были награждены орденами и медалями, а В. Е. Кошукову и И. С. Даутову присвоено звание Героя Советского Союза. Их именами названы ГПТУ-26, готовящее кадры для мясокомбината, и одна из прилегающих к комбинату улиц.

Правительство высоко оценило самоотверженный труд ветеранов тыла, внесших немалый вклад в победу над врагом. В феврале 1944 года орденом Ленина была награждена лучшая производственница комбината Загира Табельдинова, чуть позднее удостоенная звания «Почетный гражданин города», орденом Трудового Красного Знамени—Нургали Шелкубаев, медалью «За трудовое отличие»—Екатерина Ивановна Бузырева и старейший работник Ваис Ибраев.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» было награждено более 800 рабочих и служащих комбината.

II.

Осень 1941 года. Бесконечной вереницей тянутся на восток составы с заводским оборудованием, домашним скарбом, семьями рабочих. Шла невиданная в истории эвакуация. Навстречу, на запад, к Москве, спешат воинские эшелоны сиби-

ряков-дальневосточников, солдатские теплушки, кони, повозки, полевые кухни, редко на платформах промелькнут машины, боевая техника. Крепкие, как на подбор, солдаты торопятся на защиту столицы. Им некогда ждать...

В три с лишним раза против обычного возрос поток поездов в ту суровую осень сорок первого. На станции Петропавловск не хватало бригад, не успевали на экипировке, ремонте, обслуживании. А не успевать железнодорожникам нельзя. И на помощь идут вчерашние школьники, домохозяйки, подростки, заменяя отцов, мужей, братьев, ушедших на фронт. Они не имеют опыта, не знают самого необходимого, но полны решимости сделать все, что требовала война.

На всех предприятиях железнодорожного узла открывались краткосрочные курсы по подготовке специалистов массовых профессий, по окончании которых девчонки и мальчишки, вчерашние домохозяйки отправлялись в рейсы с грузовыми составами, становились к станкам, слесарным верстакам, выполняли другую, совсем не женскую работу.

Согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны, в Петропавловске началось формирование военно-эксплуатационного отделения. В состав его вошли лучшие кадры локомотивного и вагонного депо, а также работники других предприятий узла. Формированию военных железнодорожников выделялось все необходимое для ремонта паровозов, вагонов, пути и связи. Под вражескими обстрелами они обеспечивали успешное продвижение войск и военных грузов. При выполнении заданий командования смертью храбрых погибли паровозники Ф. Рузаев, Ф. Иштов, И. Воронов, И. Плаксин, С. Кудрявцев, С. Попов и другие.

30 октября 1941 года Центральный Комитет партии обратился ко всем работникам транспорта с призывом ускорить продвижение воинских поездов. В депо и других организациях железнодорожного узла состоялось организованное обсуждение обращения ЦК на партийных собраниях. Смысл и содержание его были понятны каждому железнодорожнику. Паровозники, вагонники, движенцы, путейцы и связисты понимали, что нужны были не слова одобрения, а конкретные дела.

И такие дела совершались ежечасно и ежеминутно.

Паровозные бригады перешли на сдвоенную езду вместо строенной. Когда одна бригада находилась в поезде, другая

— отдыхала. Количество поездок доходило до 25—26. На отдых почти не оставалось времени. Бывало и так, что сутками не уходили бригады с паровозов. Поспят час-другой и снова в рейс.

Теперь, когда нужно было перевозить гораздо больше и быстрее, среди паровозников широко развернулось движение машинистов-тяжеловесников.

...Поезда, поезда. Им, казалось, не было конца. И всем этим потоком поездов руководили поездные диспетчеры и дежурные по отделению. Их в военные годы называли командующими движением. Они и в самом деле были командующими.

Ветераны транспорта поездные диспетчеры и дежурные по отделению дороги — О. П. Чиркова, Е. И. Короткевич, М. Н. Родина, А. Л. Кочергина, вспоминая ту пору, говорили о делах железнодорожников не иначе как о подвиге, который не будет забыт. Они сами и их подруги по труду сделали то, что казалось невозможным, работали каждая за троих, преодолевая неимоверные трудности.

Было это в самом начале войны. Женская паровозная бригада вела на фронт эстафетный поезд. Эшелон вышел на затяжной кондратовский подъем, когда загорелась паровозная букса. Остановиться нельзя. Понимая это, помощник машиниста — молодая девушка с факелом в руке (дело было ночью) на ходу поезда устранила неисправность, а когда работа была закончена, нечаянно обронила горящух каплю мазута на свою одежду. На ветру она мгновенно вспыхнула, такой вбежала в кабину. И хотя машинист с кочегаром сбили огонь, пострадавшая получила большие ожоги. Превозмогая адскую боль, она оставалась на своем посту до узловой станции Макушино, где ей, потерявшей сознание, была оказана медицинская помощь.

Случаев, подобных описанному, за годы войны встречалось немало. Лопались водомерные стекла на паровозных котлах, случались пожары и аварии, при которых из строя выходила большая часть бригады, но даже один оставшийся человек продолжал вести поезд. Женщины-паровозницы, как солдаты в бою, проявляли образцы мужества и трудового героизма. Именно такими были машинисты и помощники машинистов Е. Шигорина, А. Исаева, Н. Шумилова, Д. Орлова, Р. Чехлыстова, Е. Савчук, М. Орешина, Н. Карпейчик.

В один из холодных февральских дней 1942 года женской бригаде машиниста Екатерины Васильевны Коробоко поручили доставить в Москву тяжеловесный угольный маршрут: столица испытывала топливный голод. И женская бригада повела сдвоенный состав. А когда проезжали Урал, вдруг наступила оттепель и пошел дождь. На мокрых рельсах паровоз буксовал и весь запас в песочницах был израсходован. Тогда помощник машиниста, кочегар, бригадир поезда Е. Тюрина и главный кондуктор — все женщины — на протяжении многих километров по затяжному подъему бежали впереди паровоза и вручную посыпали рельсы песком. Выбиваясь из сил, падали, разбивая колени в кровь, поднимались — и снова за песок, чтобы только вывез на гору паровоз. И подъем был взят после долгих часов борьбы. На пути этой бригады встретились и другие преграды, но она достойно преодолела их и доставила тяжеловес в столицу намного раньше, чем это полагалось по довоенным нормам.

Очень много женщин и девушек работало в годы войны в вагонном хозяйстве. В ремонтных цехах и на пунктах технического осмотра женщины составляли 70—80 процентов всего состава рабочих.

Сколько раз, к примеру, возвращались из очередной поездки вагонные мастера Антипина, Быковская, Шляндина и другие с путевками-маршрутами, в которых у каждого 60—65 рабочих часов. Ничего не хотят девчата: ни пить, ни есть. Только бы уснуть. И отдых им положен законный, а вот не хватает бригад и снова приходится уходить в рейс. Валятся с ног, а ехать надо, там, на фронте, не легче. Случалось, и совсем нередко, что выбившись из последних сил, здесь, в глубоком тылу, падали они с тормозных площадок под колеса вагонов, погибая, как солдаты в бою.

Был обычный рейс, каких перед глазами у поездного вагонного мастера Марии Филоновой проходило немало. И такая обычная ночь, холодная и дождливая. Поезд литерный, воинский. Мчится на запад без остановки. Но вот впереди из-под колес сверкнули искры. Через две-три минуты снова огненный блеск. «Что это могло быть? — вздрогнула Филонова. — Сорвать стоп-кран? А если не опасно, и тогда напрасно задержится поезд». И она переходит с платформы на платформу, чтобы воочию убедиться, в чем дело.

Рисковала сорваться, но тогда не думала об этом, по пояс свесившись с платформы, осветила фонарем ходовую

часть. Увиденное потрясло: тормозной вал по ходу вагона оборвался, свисал до самых рельсов и, ударяясь о них, высекал искры. При въезде на станцию он заденет стрелочный перевод и тогда— крушение.

Филонова в считанные секунды разъединила рукава тормозной магистрали и этим вызвала экстренное торможение.

Такое и подобное этому встречалось не раз и у других железнодорожниц, с высокой бдительностью воинов несших свою тяжелую службу на паровозах, стрелочных постах, тормозных площадках и путейских околотках.

По соседству с нынешним ГПТУ-72 в годы войны размещалась дорожная школа мастеров социалистического труда В очень ускоренном темпе готовила она железнодорожников массовых профессий. Помню один из ее выпусков в декабре 41-го. На 80 процентов девчонки—слесари по ремонту вагонов, не каждому мужчине по плечу эта работа, а девчонкам тем более. Какую ни возьми деталь — в ней пуды и пуды. Инструменты — тоже не легче. И вот на сорокаградусном морозе, леденящем тело и душу ветру эти девчонки ремонтируют вагоны. Сколько слез пролито, травм получено, сколько кроваво-синих мозолей переношено на руках, пока не пришел опыт.

Помню этих девчонок спустя год и два — это Лида Копылова, Наташа Колесникова, Аня Левченко. Выстояли девчонки, стали мастерами своего дела. Потяжелее пошли составы, да и военные грузы на платформах были уже не те: на них танки, самолеты, самоходные пушки. И все это изготовлено у нас, в Сибири и Казахстане.

Бывало, прибудет такой состав с новейшей боевой техникой, а в нем каждый вагон-платформа с перегрузом: тяжеловаты танки, вагонные подшипники греются, а иногда и колесные пары раньше срока выходят из строя. С такой неисправностью вагон не отцепишь и отдельно или в сборном поезде на фронт не отправишь.

Вот и ожидает эшелон, пока не отремонтируют вагон. Очень жарко приходилось девчатам. Это ведь не то, что сейчас: на службе у вагонников электрические и автоматические подъемники. Тогда на все случаи один инструмент—винтовой домкрат, и крутить его надо в семь рук. Оттого и пропитывались девичьи спецовки не столько мазутом, сколько соленым потом. Но никаких жалоб на трудности!

Так было во всех приемо-отправочных парках станции, так было и на главном вагоноремонтном пункте.

Такими были трудовые будни вагонщиц Антонины Проскуриной, Клавы Рагозиной и других героинь военного времени, нынешних ветеранов труда.

Помощь фронту не исчерпывалась только ускорением доставки военных грузов. И деповчане решили своими руками изготовить грозное оружие. Поздней осенью 1941 года было начато строительство бронепоезда. В нем участвовали десятки рабочих, инженеров и техников. Особо отличились мастер Н. П. Гаврилов, бригадир Ф. Никитин, токари М. Лапин, П. Чепкасов, котельщики И. Черников, П. Фролов, электросварщик А. Тарасов, кузнец И. Алексеенко, слесари С. Житников, Н. Бек, В. Шабан, А. Белянин, В. Ермолаев, инженер Н. Долгушин. Общее руководство строительством бронепоезда осуществлялось инженером Михаилом Тимофеевичем Саввиным.

Было холодно и голодно, но все деповчане жили единым стремлением — выполнить задание по строительству бронепоезда в срок и наилучшим образом.

Броневой лист поступал с Челябинского металлургического завода, все же остальное изыскивалось на месте, в техбюро готовились чертежи и другая документация. Прямо на полу в цехе по меловой разметке резали броню и вели сварку узлов. Не было кранов и все многотонные громадины поднимались на платформы вручную, с помощью канатов и тросов, блоков и лебедок. Случалось, что тросы не выдерживали нагрузки, бронированные узлы падали, и тогда все повторялось сначала.

Особенно сложным оказалось изготовление поворотных башен на бронеплощадках. Требовалось специальное станочное оборудование, которого не было в депо. И тогда на помощь пришли станочники заводов, эвакуированных в Петропавловск. В короткий срок они изготовили необходимые узлы и детали.

На строительстве бронепоезда отличились десятки рядовых рабочих, проявивших творческую смекалку и изобретательность. Например, при сооружении орудийных башен мастер Н. П. Гаврилов по согласованию с военпредом изготовил дополнительный механизм для наводчика. Когда устанавливали шаровые пулеметные гнезда, Гаврилов внес второе усовершенствование. Оно позволило повысить надежность узла и способствовать ускорению работ при строительстве.

Четыре месяца работали не покладая рук деповчане над выполнением ответственного задания. Бронепоезд «Североказахстанец» был построен в срок и сдан военному командованию с хорошей оценкой.

Артиллерийские обстрелы, налеты вражеской авиации, да разве можно перечислить все, что выпало на долю бронепоезда в сталинградские дни и ночи 1942 года. Со Сталинградского фронта бронепоезд перевели на Центральный фронт, затем он участвовал в боях в составе Второго Белорусского фронта, освобождал Западную Украину и Белоруссию, воевал на территории Восточной Пруссии. Летом 1945 года после победы над Германией расцвеченный флажками и алыми лентами «Североказахстанец» проследовал на Дальний Восток громить японских милитаристов. Там и закончило боевой путь детище петропавловских железнодорожников.

Вслед за бронепоездом в январе 1942 года на 16 дней раньше установленного срока был построен и отправлен на фронт поезд-баня, по существу, банно-прачечный комбинат на колесах, так необходимый на фронте.

Высокое мужество и беспримерную храбрость в борьбе с фашистскими захватчиками проявили сотни петропавловских железнодорожников, сменивших реверс паровоза на автомат и винтовку. Бывшие паровозники И. Маховской и А. Богачев стали военными разведчиками. Много раз им доводилось облачаться в немецкую форму и уходить в тыл врага для выполнения ответственных заданий.

Бывший промывальщик депо Н. А. Ахременко в бою за деревню Канаш Кировоградской области повторил подвиг Александра Матросова. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. За отвагу и мужество, проявленные на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза бывшему слесарю депо Г. Ф. Кирдищеву.

Только в одном паровозном депо за ратные подвиги были удостоены правительственных наград более 500 человек. Среди них машинист Маховской И. И., Иванов А. С., Жирнов А. Н., Печенов Е. П. и многие другие. Всего же около двух

тысяч железнодорожников Петропавловского отделения за мужество и героизм удостоены орденов и медалей.

Боевыми наградами награждены и железнодорожники, не принимавшие непосредственного участия в боях, но много сделавшие для победы, участвуя в военных перевозках. Среди этой группы награжденных и Петр Ильич Кузнецов — старший машинист, удостоенный ордена Отечественной войны I степени.

В годы войны яркий, незаурядный талант руководителей проявили сотни людей, память о которых и поныне живет в сердцах железнодорожников старшего поколения. Это — в паровозном хозяйстве Николай Николаевич Ягодин, в вагонном участке Михаил Иванович Дементьев, в отделении движения Яков Кузьмич Рубан, в дистанции пути Евгений Иванович Макогон, в дистанции сигнализации и связи Григорий Яковлевич Билык, в дистанции зданий и сооружений Иван Васильевич Корецкий.

...День Великой Победы! Слезы и радость, цветы и объятия, взаимные поздравления. Кажется, такого ликования еще не переживали люди. В празднично украшенных колоннах направились железнодорожники на центральную площадь города. Это была грандиозная демонстрация трудящихся, которой не знал Петропавловск за свою двухвековую историю.

III.

Важнейшим событием в жизни Петропавловска явилось сооружение ТЭЦ мощностью первой очереди — в 5 тысяч, а второй— в 4,5 тысячи киловатт. Ее строительство по инициативе заводских коллективов стало поистине всенародным. Только летом 1942 года трудящиеся города добровольно и бескорыстно, в свободное время, ради ускорения победы над врагом отработали около 15 тысяч человеко-часов. Народным методом был вырыт грунт под фундамент основного здания в объеме 8600 кубометров.

Их все меньше остается, ветеранов тыла военных лет, строивших Петропавловскую ТЭЦ-1: Амиржан Куспекович Мусин, Кажуасын Мукажанов, Иван Иосифович Голенко, Николай Иванович Гаврилин — из тех, кто на строительстве работал с первых и до последних дней. Они вспоминают о том времени, когда на северо-восточной окраине города, на месте бывшей свалки на пустыре, начиналось гигантское по тому времени строительство. Сотни грабарок, тачек, носилок — главного инструмента и приспособлений, характеризующих ручной немеханизированный труд — рисовали картину стройки.

Зима 1942 года выдалась суровой, но работы на стройке не прекращались ни на один день. На площадке, раскинувшейся на сотни метров, горели костры днем и ночью, у которых обогревались люди. Рядом с квалифицированными каменщиками работали трудармейцы, мобилизованные из других областей Казахстана.

Начальником строительного управления ТЭЦ-1 был Василий Васильевич Иванов, начальником первого (промышленного) стройучастка эвакуированный из Харькова Хазанский, показавший себя высококвалифицированным специалистом и отличным организатором. Главным инженером стройки, тоже эвакуированным из Харькова, был Израиль Борисович Файн, секретарем партийной организации стройуправления — Алексей Алексеевич Соколов, прибывший в Петропавловск из Подмосковья вместе с коллективом радиозавода № 641 (имени С. М. Кирова).

Бригады каменщиков, возглавляемые В. С. Даманским и Л. К. Песецким, первыми приступили к возведению стены главного корпуса ТЭЦ-1 и систематически перевыполняли установленные задания.

Станция строилась усилиями всего города при самой активной помощи заводов своими производственными и материальными средствами. Коллектив строителей и монтажников ТЭЦ, его руководители и партийная организация работали с

полным сознанием важности осуществляемого ими дела, с большим напряжением и высокоорганизованно, преодолевая все трудности.

Несмотря на перебои в снабжении материалами и некомплектность поступающего импортного оборудования станции, часть из которого приходилось изыскивать или делать на месте, строители и монтажники ТЭЦ систематически выполняли установленные планы работ, и 15 июня 1943 года станция дала первый ток, а в июле 1944 года строителям и монтажникам Петропавловской ТЭЦ-1 было присуждено Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР. Как отмечалось в отчетном докладе Петропавловского горкома партии XI партийной конференции, к концу 1944 года строительство и монтаж можно считать в основном законченными на полную проектную мощность, за исключением некоторых подсобных сооружений и таких существенных недоделок, как механизация топливоподачи и химводоочистки.

В эксплуатацию введены два котла и два трубогенератора. Третий котел, как тепловой резерв станции, готов к вводу в эксплуатацию.

Партийная организация города, при большой руководящей помощи со стороны областного комитета партии, решила серьезную задачу.

Значение факта постройки в городе мощной ТЭЦ нельзя переоценить. Промышленность получила мощную основу и уверенную перспективу в своей работе и дальнейшем развитии, была создана необходимая предпосылка для улучшения городского хозяйства и культурно-бытового обслуживания трудящихся.

За высокие производственные показатели, инициативу и энергию, проявленные в ходе строительства, начальник стройуправления ТЭЦ-1 В. В. Иванов и бригадир разнорабочих К. Мукажанов были удостоены боевых наград — орденов Красной Звезды.

В историю стройки вписаны имена и многих других строителей и монтажников, внесших большой вклад в сооружение теплоцентрали. Среди них первый директор ТЭЦ-1, возглавлявший станцию на протяжении последних 20 лет, Хафиз Исангазиевич Булатов, старший теплотехник, а затем главный инженер ТЭЦ-1 Василий Полуэктович Кукушкин, руководители бригад и смен Иван Буксман, Яков и Нина Шаерманы, Ахметова и Таймагамбетов, руководитель ОРСа Басин, начальник 2-го строительного участка Иван Никифорович Иванов, секретарь комсомольской организации стройуправления Таисия Крайнова, бригадир монтажников Полещук и многие другие.

П. НАУМЕНКО,
руководитель координационной рабочей группы по изданию областной Книги Памяти

СКОРБНЫЙ СПИСОК

Память о соотечественниках, отдавших жизнь во имя своего народа, с древнейших времен почиталась святостью и вписывалась в историю различными символами. Одним из таких символов, с приходом цивилизации, являются печатные и рукописные издания, где поименно названы все погибшие в боях за Родину.

17 февраля 1989 года было принято Постановление ЦК КПСС «Об издании Всесоюзной Книги Памяти». В соответствии с этим в мае 1991 года и в сентябре 1993 г. приняты постановления Кабинета министров Казахстана по этому вопросу. 9 февраля 1990 года принято решение исполкома Северо-Казахстанского областного Совета народных депутатов «О регистрации областной координационной группы по изданию Книги Памяти».

В настоящее время рукопись для издания областной Книги Памяти передана в редакцию «Казахская Энциклопедия» (г. Алматы) для издания. Поисковая работа продолжается.

В скорбные строки Книги Памяти («Боздактар») вписаны 32028 фамилий погибших и пропавших без вести при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг, с краткими сведениями о них (ф., и., о., год рождения, время и место призыва, воинское звание, должность и воинская часть, время и место гибели и захоронения). Из них 1840 офицеров, 15 героев Советского Союза.

В соответствии с положением о Всесоюзной Книге Памяти, которая пишется во всех странах СНГ, главным для внесения в список погибших является место призыва в армию, однако есть исключение, когда в списки внесены по месту рождения, если не установлено место призыва.

Наши земляки сложили головы в боях у оз. Хасан — 10 человек, у реки Халхин-Гол—1 человек, в финской войне 1939—1940 гг. — 35 человек, во время Отечественной войны — 31834 человека, на восточном фронте—95 человек, в борьбе с бандитизмом — 26 человек, в Афганистане — 27 человек.

Так это выглядит по районам области:

г. Петропавловск — 7409 чел
Бишкульский — 2043 чел.
Булаевский — 4267 чел.
Возвышенский — 711 чел.
Жамбылский — 1208 чел.
Ленинский — 2831 чел.
Мамлютский — 2588 чел.
Московский — 1138 чел.
Пресновский — 2717 чел.
Сергеевский — 2736 чел.
Советский — 2342 чел.
Соколовский — 1791 чел.
Тимирязевский — 201 чел.
По месту рождения и других — 46 чел.

По статистическим данным на первое января 1941 г., в области проживало 405400 человек, из них, по сведениям военкоматов, в предвоенный период и во время войны призваны в ряды защитников Родины 74207 человек, 43,1 процента из них не вернулись с войны, поэтому наша Книга и называется «Боздактар», в каждой строчке которой нестерпимая боль, плач родных, близких, всех честных людей по безвременно погибшим, любимым и близким защитникам Родины.

За пять с лишним лет проведена огромная поисковая работа городскими и районными военкоматами, работниками райадминистраций, социальной защиты населения, МВД, КНБ, ветеранскими организациями и всем населением области, оказавшими помощь в розыске погибших, установлении необходимых сведений о них. Активную помощь в поисковой работе оказали телерадиокомпания и печать области. Неоценимый вклад в уточнение сведений о погибших внесли Центральный архив Министерства обороны РФ, Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД — г. Москва), которые на каждого погибшего, умершего от ран или в плену, пропавшего без вести выслали в областную редколлегию компьютерные распечатки со всеми сведениями, имеющимися на них. Все это с другими документами легло в основу для занесения невернувшихся с войны в областную Книгу Памяти.

И все-таки при большой проделанной поисковой работе о погибших мы еще многого не знаем и, видимо, никогда не узнаем, т. к. не располагаем полными сведениями. В скорбные списки погибших внесены 32028 человек, из них 16629 человек, или 51,9 процента, помечены словами «Без вести пропал». У абсолютного числа из них мы не знаем, в какой воинской части он служил (полк, дивизия), где «пропал», в какой местности и т. д. Возможно, условия войны не позволяли

учесть всех погибших, возможно, утрачены документы, однако эти герои, отдавшие жизнь за Родину, останутся для нас без вести пропавшими, а родные и сегодня ждут их возвращения домой.

По имеющимся данным из 314 стрелковой дивизии, сформированной в нашей области, погиб, пропал без вести 2241 человек. При этом более чем об одной трети погибших мы не располагаем сведениями: из какой воинской части, где погиб, а поэтому многие судьбы наших земляков из этого соединения нам не известны.

То же можно сказать о североказахстанцах, воевавших в 29 и 387 стрелковых дивизиях, сформированных из наших земляков.

В скорбных списках погибших значатся целые семьи — отец с сыновьями, братья с сестрами, по 3—4 человека из одной семьи. Так, из с. Каратал Сергеевского района погибли четыре брата Ибраевых — Газиз, Каир, Тимагул, Такен. Четыре брата погибли из с. Полтавки Советского района: Верховские—Алексей, Павел, Семен, Спиридон. Отец Андреев Петр Пахомович и три его сына Александр, Алексей, Евгений из г. Петропавловска также погибли в боях за Родину, брат и сестра Зайцевы Николай Павлович и Мария Павловна из г. Петропавловска и многие другие.

Не могу не привести слова, сказанные в предисловии Книги Памяти: «Дорогой читатель! Перед тобой совершенно необычная книга. Она священна. В ней длинный перечень фамилий и имен североказахстанцев, погибших сыновей и дочерей нашего народа в годы Великой Отечественной войны...».

Более полувека назад по зову матери-Родины они ушли защищать свою Отчизну. Ушли и не вернулись. Прошло полвека и более, как земля приняла и пухом объяла их тела.

«Память о погибших священна и вечна». Этой благородной цели, этому доброму делу — сохранить потомкам благодарную память о погибших воинах-североказахстанцах и призвана служить настоящая книга.

ГЛАВА II

За особые подвиги 31 наш земляк был удостоен звания Героя Советского Союза, 6 стали полными кавалерами орденов Славы трех степеней. Это те, кто родился или призывался в Красную Армию из нашей области.

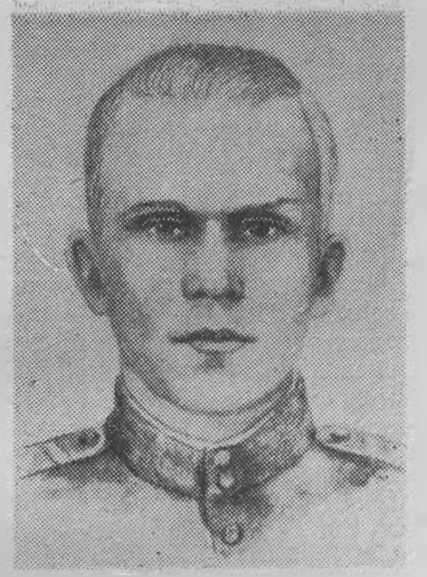
Из 31-го Героя Советского Союза 20 погибло на полях сражений Великой Отечественной войны. Подвиг их никогда не померкнет. Их именами названы совхозы, школы, улицы городов и сел области.

Светлой памяти земляков-героев посвящена вторая глава книги «Тернистый путь к победе».

Публикация очерков о Героях размещена по алфавитному принципу. Они включают биографические данные и краткое описание подвига.

Очерки написаны Т. А. Колесниковой и К. М. Магазовым на основании архивных материалов Министерства обороны СССР, облгосархива и облвоенкомата.

АХРЕМЕНКО
Никифор Акимович



Родился в 1914 году в с. Новоникольском (Татарка), что в 35 километрах от Петропавловска. Работал в локомотивном депо станции Петропавловск. В декабре 1942 года Н. Ахременко Петропавловским горвоенкоматом призван в ряды Советской Армии.

В составе 441-го стрелкового полка 116-ой Харьковской стрелковой дивизии участвовал в освобождении Украины.

В первой половине января 1944 года войска 2-го Украинского фронта провели Кировоградскую операцию, в результате которой советские войска продвинулись на 40—50 километров, овладели сильным узлом сопротивления противника и вышли во фланг Корсунь-Шевченковской группировки противника, создав предпосылки для последующего ее окружения.

Наступление началось туманным утром. Авиация в этих условиях действовать не могла. Но артиллерия сумела подавить огневые точки противника, и советские войска в первый же день продвинулись до 24 километров. Противник оказывал яростное сопротивление, предпринимая контратаки танковыми подразделениями. Особенно ожесточенные бои разгорелись у деревни Каниж, куда противник перебросил три танковые дивизии, стремясь остановить наши войска, выходящие во фланг Корсунь-Шевченковской группировки.

В ночь на 12 января 1944 года первая стрелковая рота 441-го стрелкового полка на подступах к деревне Каниж штурмом овладела траншеями противника на высоте 221,15 м, обратив противника в бегство. Немцы не примирились с по-

терей господствующей высоты и бросили в контратаку танки и пехоту с целью вернуть оставленные позиции. Огнем нашей артиллерии и пехоты враг был отбит. Неся большие потери, противник неоднократно повторял контратаки.

При отражении седьмой контратаки противника один из танков врага прорвался в расположение роты. Положение было исключительно напряженным: танк расстреливал наших бойцов из пулеметов и давил их гусеницами. Младший сержант Ахременко обвязал себя противотанковыми гранатами и бросился под его гусеницы. Танк был взорван, и последняя в этот день контратака была отбита, что дало возможность прочно закрепиться на занятом рубеже. Погиб наш земляк 12 января 1944 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1944 года Н. А. Ахременко присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

«Ахременко погиб, — писала фронтовая газета, — он умер, преградив врагу путь на нашу землю своей возвышенной и благородной солдатской смертью, он сберег жизни своих товарищей и проложил путь к победе над врагом. Слава его геройскому подвигу! Родина и весь советский народ никогда не забудут героя!».

Память героя увековечена названием одной из улиц города Петропавловска его именем.

БУЛАВСКИЙ
Виктор Константинович

Родился в 1914 году в с. Алексеевке Акмолинской области. В детстве вместе с семьей переехал в г. Петропавловск. Учился в средней школе им. Кирова. После окончания 10 классов поступил во 2-е артиллерийское Краснознаменное училище в Ленинграде. По его окончании молодой лейтенант Булавский получает назначение в 402-й артиллерийский полк Московского военного округа.

Осенью 1939 года 402-й артполк передислоцируется в Западную Белоруссию. Здесь В. Булавский назначается командиром 8-й батареи. С началом боевых действий с Финляндией 402-ой артполк переброшен на фронт.

На первом этапе действий с Финляндией в декабре 1939 года советские войска на Карельском перешейке при поддержке авиации и флота, после ожесточенных боев, преодолели сильно укрепленную зону финских заграждений глубиной от 25 до 65 километров и на всем фронте наступления вышли к главной полосе обороны — линии Маннергейма. Большую помощь передовым частям оказывали артиллеристы, разрушая огнем своих орудий доты, дзоты и другие укрепленные узлы сопротивления на дорогах и в населенных пунктах. Громила противника и 8 батарея 402-го артиллерийского полка.

26 декабря 1939 года лейтенант Булавский был послан командиром полка в передовую цепь нашей пехоты с целью разведки огневых средств противника, мешающих ее продвижению.

Подползая к опушке леса у юго-западных склонов высоты 65,5, он понял, что большие потери нашим наносят пулеметы, простреливающие лесную просеку. Маскируясь, разведчик пополз в сторону огня. До врага оставалось несколько сот метров, когда Булавский рассмотрел, что огонь ведется не с открытой позиции, а из дзота, расположенного на небольшой высоте. Разведчик пришел к выводу, что без корректировки огня артиллерии невозможно разбить укрепление. Об этом он и доложил, возвратившись, командиру полка.

Морозное декабрьское утро 1939 года. Кругом бело от снега. Обстановка требовала любой ценой, хотя бы на время, заставить дзот замолчать. Выполнить это задание взялся командир батареи тяжелых орудий лейтенант Булавский.

Прежде чем уйти, Виктор на мгновение остановился, еще раз взглянул на своего командира. Даже одного шанса из тысячи на благополучное возвращение у него не было. «Если что случится, — сказал Булавский, — сообщите матери, что я верно служил своему народу».

Радиста Виктор посадил сбоку, в лесу, в нескольких шагах от просеки, чтобы тот слышал его команду, а сам пополз к пню на просеке. Его команды тотчас передавались на огневые позиции. Глыбы земли и бетона и развороченные остовы перекрытий полетели в воздух. Пять часов длился бой. Под ружейно-пулеметным и артминометным огнем наблюдая каждый взрыв снарядов своей батареи, лейтенант корректировал огонь. Дзот замолчал. Задание выполнено. Булавский начал отползать к лесу. Не более 10 метров осталось до опушки, но случилось непредвиденное. Две снайперские пули попали в смельчака. Это было 27 декабря 1939 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1940 года В. К. Булавскому присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

В память о мужественном советском воине Викторе Булавском, погибшем в боях на Карельском перешейке и похороненном на Сестрорецком кладбище, в конце 1940 года улица Новая города Ленинграда переименована в улицу Булавского. В Петропавловске одна из улиц города тоже названа его именем.

Приказом Министерства обороны СССР от 18 июня 1967 года Герой Советского Союза лейтенант В. К. Булавский навечно зачислен в списки 1-й батареи высшего артиллерийского командного училища. В казарме первой батареи оборудован уголок Героя Советского Союза В. Булавского.

Замерли в строю курсанты. В казарме тишина. Идет вечерняя поверка в подразделении. Старшина батареи первой называет фамилию лейтенанта Булавского.

— Герой Советского Союза лейтенант Булавский пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины! — отвечает командир первого отделения.

Личный состав училища гордится своим питомцем и бережно хранит в сердцах светлое имя и бессмертный подвиг его.

БЫКОВСКИЙ
Виктор Иванович

Родился в 1919 году в с. Терновке Балашовского района Саратовской области. В 1935 году он лишился родителей, и его взял дядя, живший в Петропавловске. По окончании Петропавловского медицинского техникума Быковский призывается в ряды Красной Армии.

На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1942 года. Командир санитарного взвода 224 гвардейского стрелкового полка 72 армии гвардии лейтенант медицинской службы Быковский вспоминает об одном из событий 1942 года: «В ночь на 25 сентября наш батальон начал форсировать Днепр. На рассвете завязались бои на окраине деревни. Санитарный взвод, которым я командовал, участвовал в наступательном бою и в то же время оказывал помощь раненым.

На рассвете мы ворвались в деревню, завязались ожесточенные уличные бои, и в одном из домов я со своими санитарами освободил буквально из-под расстрела наших разведчиков — 11 красноармейцев. Были уничтожены три немецких офицера и два взяты в плен. Разведчики еле держались на ногах, они были жестоко избиты.

К полудню Борадаевка была очищена от фашистов, бой был тяжелым и кровопролитным, было много раненых. После оказания медицинской помощи их разместили в одном из каменных подвалов. Но вскоре начались жестокие контратаки противника. Ему удалось в одном месте прорвать нашу оборону и снова войти в деревню. В районе батальонного медицинского пункта фашисты наседали особенно яростно. Те раненые, которые могли держать оружие, сражались вместе с санитарами, уничтожая озверевших фашистов».

В этом бою Виктор Иванович был ранен второй раз, разбита кость левой руки. К вечеру бой стал ослабевать, противник был в основном уничтожен. Дважды раненный, Быковский оставался на боевом посту до тех пор, пока к двум часам ночи все раненые не были переправлены на другой берег Днепра.

Виктор Иванович лично вынес с поля боя более 80 тяжелораненых, сотням солдат и офицеров под огнем противника оказывал медицинскую помощь на правом берегу Днепра. Звания Героя Советского Союза был удостоен 26 октября 1943 года.

В августе 1944 года Быковский на конференции медицинского состава 2-го Украинского фронта выступил с докладом на тему: «Медицинское обеспечение стрелкового батальона при форсировании Днепра». Быковский стал единственным медиком Героем Советского Союза на весь 2-ой Украинский фронт.

В 1945 году окончил курсы зубных врачей, с 1956 года майор медицинской службы Быковский — в запасе. Работал в Ангарске, Иркутске и Кишиневе.

Умер 31 июля 1973 года. Похоронен в Кишиневе.

ГОНЧАР
Павел Иванович

Родился в 1905 году в с. Смолинке Черниговской области. В 1907 г. родители переехали в с. Семиполку Сергеевского района. В 1935 году стал трактористом, а через 5 лет колхозники избрали его председателем колхоза «Пламя». В июле 1941 года призывается в ряды Красной Армии, и его направляют в формирующуюся в Петропавловске 314 стрелковую дивизию.

17 апреля 1942 года во время боев в районе поселка Свирь-3 П. И. Гончар, занятый разминированием минных полей, заметил, что к нашему подбитому танку «Т-34» направляется группа вражеских солдат с целью уничтожения его. Павел Иванович бросился наперерез противнику, уничтожил восемь финских солдат. Танк и его экипаж были спасены. Сам сапер благополучно добрался в свою часть.

21 апреля П. И. Гончар, выполняя инженерные работы, первым обнаружил наступление белофинских солдат, стремящихся захватить подбитый наш тяжелый танк «КВ» и прорвать оборону. Вытащив из танка пулемет, он быстро освоил его, и когда белофинны (около двух рот) приблизились к нему на расстояние 40—50 метров, начал в упор расстреливать их. Около 25 убитых и 50 раненых остались лежать на поле боя.

Оправившись от неожиданности, противник открыл по одинокому пулеметчику ураганный огонь. Осколками были пробиты пилотка и брюки, но сам он остался невредим. После артподготовки противник перешел в наступление. Подпустив вражеских солдат на близкое расстояние, Гончар снова открыл уничтожающий огонь. И на этот раз враг отступил, оставив на поле боя 30 убитых, около 70 раненых, один станковый и два ручных пулемета.

За героизм, проявленный в этом бою, красноармейцу Павлу Ивановичу Гончару Указом Президиума Верховного Совета в феврале 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза.

В сентябре 1942 года 314-я стрелковая дивизия была переброшена в район Синявинских высот. Здесь под огнем противника отважный сапер обезвредил 212 немецких мин.

В январскую ночь 1943 года перед переходом наших войск в наступление по прорыву блокады Ленинграда П. И. Гончар вместе с другими бойцами проделал проходы в минных полях для танков и пехоты. Но встретиться с наступающими навстречу бойцами Ленинградского фронта Павлу Ивановичу не довелось. Он был убит в первый же день наступления 12 января 1943 года. Над братской могилой на Синявинских высотах установлен пятиметровый обелиск, на мемориальной доске которого золотыми буквами написано и имя нашего земляка Павла Ивановича Гончара.

ГУДЕНКО
Сергей Гаврилович

Родился в 1915 году в селе Колдоман Мамлютского района Северо-Казахстанской области. В ноябре 1936 года С. Г. Гуденко призван в ряды Красной Армии.

Выходец из многодетной крестьянской семьи, Сергей в детстве не получил даже начального образования. Боевая служба в Красной Армии сочеталась с курсами ликбеза. В армии Гуденко становится отличным пулеметчиком, вступает в комсомол. О начале войны с Японией Сергей вспоминал: «29 июня 1938 года, когда еще все бойцы спали крепким сном, вдруг загудел пронзительный гудок сирены. Не прошло и пяти минут, как вся наша часть была в полной готовности, ждала приказа. Японские войска, поддержанные артиллерией, с двух сторон вторглись на советскую территорию, прорвались к озеру Хасан и заняли высоты Безымянную и Заозерную. Нам приказано было двинуться к озеру Хасан. На рассвете мы прибыли к указанному месту и, искусно маскируясь, двинулись к высоте Безымянной. Противник открыл по нам ураганный артиллерийский огонь. Наша артиллерия ответила двойным ударом. Со словами «За Родину! За великого Сталина!» мы рвались в бой. Вскоре наша артиллерия заставила замолчать укрепленные японские пулеметные и артиллерийские точки. В нескольких десятках метров я заметил вражеский взвод пехоты, усердно старающийся зайти к нам в тыл. Одной очередью из «максима» я уничтожил разведывательное ядро взвода вместе с офицером. Солдаты бросились в панику и побежали, но мой «максим» косил их, и они падали, как трухлявый лес. Ни один из них не ушел на маньчжурскую территорию. В этот день мне самому пришлось забрать четыре японских станковых пулемета с боеприпасами. К вечеру на высоте Безымянной мы окончательно укрепились. Нашему подразделению был дан приказ двинуться на правый фланг к высоте Заозерной. Вечером был сильный туман, который дал возможность нам при искусной и умелой маскировке отойти под самурайским огнем без единого поражения. К утру 4 августа мы заняли указанную позицию на правом фланге и там закрепились.

С высоты Заозерной доносились самурайские голоса. Над нашими головами пролетали пули. В этот час из-за кедровых вершин появились краснозвездные бомбардировщики. Красноармейцы поднимались и приветствовали советских летчиков. Черными точками промелькнули в воздухе первые бомбы, застонала земля. От самолета я перевел взгляд на высоту Заозерную. Сначала взвились вверх японские укрепления, летели в воздух повозки, вражеские сапоги и тела, а потом высота покрылась черной пеленой дыма, сквозь которую иногда только были видны красные огоньки. Вслед за самолетами ринулись в бой наши танки, еще проворнее заработала артиллерия, под прикрытием которой пошли в бой и мы. Бой продолжался всю ночь.

Утром 10 августа нашу пулеметную точку заметила вражеская батарея и открыла огонь. Не долетев пяти метров, снаряд разорвался, ударом осколка мне обожгло правый бок, а мой товарищ — второй номер — был тяжело ранен...».

Гуденко часто менял позицию, длительное время один удерживал Приозерную сопку. Затем, выдвинувшись впереди подошедшей пехоты, огнем своего пулемета уничтожил до роты противника и обеспечил успешное наступление нашего подразделения.

За мужество и героизм, проявленные в этих боях, красноармейцу Сергею Гуденко 23 октября 1938 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1939 году командование Дальневосточного военного округа направляет Сергея Гуденко в Киевское пехотное училище, по окончании которого молодой лейтенант направляется в укрепленный район, где вводятся в строй первые, только

что сооруженные на новой границе доты. Выпускник училища стал командиром пулеметного взвода, комендантом дота «Кровель».

В первые же дни войны пулеметный взвод отражал многочисленные атаки противника. Когда же немцы обошли укрепленные сооружения с тыла, он лично выкатил станковый пулемет на открытую позицию и в упор расстреливал немецкую пехоту. Дот «Кровель» жил, как писалось в книге «Ради жизни на земле», даже после того, как фашистам удалось взорвать его. Из-под развалин поднимались уцелевшие бойцы и продолжали обстрел дороги, по которой гитлеровцы подтягивали резервы. Чтобы покончить с гарнизоном, фашисты применили газы. Казалось, под руинами погибло все живое. Враги ликовали. Поснимав оружие, они расположились на отдых. Но тут руины ожили вновь: из-под них, как призраки, поднимались советские воины. Сбрасывая на ходу противогазы, они бросились на врагов. Впереди был светловолосый лейтенант с Золотой Звездой Героя на гимнастерке. Часть фашистов уничтожив, часть рассеяв по лесу, защитники опять укрылись в доте. И снова отражали атаки. Лишь тяжелой артиллерией немцам удалось подавить огонь, разивший их из-под развалин.

После боя, когда под дулами автоматов местные жители и пригнанные из Владимир-Волынского гетто узники выносили трупы погибших, немецкий майор отдал честь советским героям и, снимая с груди Гуденко наградные знаки, заявил: «Хорошо. Это есть хороший, настоящий зольдат!».

За этот последний в своей жизни бой Герой Советского Союза Сергей Гаврилович Гуденко был посмертно награжден орденом Красного Знамени. На его родине — в Мамлютке и в городе Петропавловске — увековечена память героя названием улиц его именем.

ДАУТОВ

Искандер Садыкович

Родился в 1923 году на станции Исилькуль Омской области. В 1927 году семья Даутовых переехала в Петропавловск. 23 ноября 1942 года Даутов, учащийся первого курса сельскохозяйственного техникума, призван в Красную Армию.

Сентябрь 1943 года. Преследуя отступающего противника, части 16-ой гвардейской Черниговской дивизии вышли к Днепру. Впереди трудный водный рубеж. Необходимо было стремительно, с ходу приступить к форсированию, не дать врагу опомниться после тяжелых боев.

— Разрешите мне приступить к выполнению боевого задания, — сказал гвардии рядовой Даутов. Группа смельчаков в рыбачьей лодке направилась к противоположному берегу.

Противник обрушил на переправлявшихся сильный орудийный и пулеметный огонь. Но вот уже совсем близко берег. Искандер одним из первых вступил на правый берег Днепра. Вместе со своим пулеметом ворвался во вражескую траншею. Двое гитлеровцев бросились к отважному пулеметчику. Смелый воин не растерялся. Ударами кинжала уничтожает двух гитлеровцев. Быстро установив пулемет, Искандер открыл уничтожающий огонь. Вначале враг отступил в замешательстве, но, оправившись, предпринял одну-контратаку за другой. Из зацепившихся на клочке правобережной днепровской земли наших солдат осталось двое: Искандер Даутов и его товарищ. Они стояли насмерть,

отражая атаки противника. Несколько раз менял Даутов огневую позицию.

Вдруг алое пятно поползло по гимнастерке Искандера. Раненый гвардеец один ведет огонь из пулемета, отбиваясь от наседающего противника.

Гитлеровцы решили во что бы то ни стало подавить пулемет Даутова. Огненный шквал нарастал. Товарищи, бросившиеся на помощь Искандеру, нашли его уже мертвым. Окостеневшими руками Даутов крепко сжимал ручки пулемета. Закончился бой, но радость победы не суждено было познать Искандеру.

За этот подвиг Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР 15 января 1944 года посмертно присвоено И. Даутову звание Героя Советского Союза.

Земляки свято чтут память о своем сыне. Имя Искандера увековечено в названии училища мясокомбината, где он работал мастером до призыва в армию.

ДОВЖЕНКО
Виктор Михайлович

Родился в с. Ташла Оренбургской области. Переехал в с. Симаки Пресновского района Северо-Казахстанской области, работал в школе учителем. В сентябре 1940 года Довженко В. М. призван в ряды Красной Армии и направлен в 228-й полк войск НКВД на Украину. В 1942 году окончил курсы младших лейтенантов. В боях Великой Отечественной войны с февраля 1943 года.

Командир роты автоматчиков 1281-го стрелкового полка (60-я стрелковая дивизия, 47-я армия, I Белорусский фронт) старший лейтенант Довженко со своей ротой 15 января 1945 года участвовал в проведении Висло-Одерской операции. Основной задачей являлось завершение освобождения Польши и выход на выгодные рубежи для нанесения завершающего удара по Берлину. Рота Довженко проникла в тыл противника, лесом вышла на восточную окраину населенного пункта Крубин, где завязался бой с вражеской группой в количестве 100—120 человек. Под умелым руководством Довженко В. М. рота разгромила противника. Большая часть была уничтожена, 5 человек взяты в плен, а остальные обратились в бегство. Был момент в этом бою, когда Довженко только с одним автоматчиком внезапно нарвался на группу немцев в 20 человек, вооруженных автоматами и пулеметами. Действуя умело и отважно, они заставили врага отступить.

16 января отважный офицер одним из первых в районе г. Новодвур преодолел Вислу, с двумя бойцами уничтожил противотанковой гранатой немецкую самоходку и четырех солдат.

Звание Героя Советского Союза присвоено 27 февраля 1945 года с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». А через несколько дней, 4 марта 1945 года, Довженко В. М. погиб в бою. Похоронен в Варшаве.

ДУСУХАМБЕТОВ
Абу

Родился в 1920 году в ауле Ушкуль Приишимского района (ныне совхоз «Андреевский» Бишкульского района) Северо-Казахстанской области. Работал заведующим фермой, секретарем комсомольской организации. В 1939 году был призван в Красную Армию. В боях Великой Отечественной войны с 1942 года.

После грандиозной битвы на Курской дуге, закончившейся победой, советские войска решительно продвигались к Днепру — важнейшему рубежу гитлеровской обороны. Днепр, со своими притоками Десной, Припятью, тоже широкими и глубокими, представлял очень серьезную преграду на пути наступающих войск Красной Армии. Гитлеровцы, закрепившись на высоком берегу, оказывали ожесточенное сопротивление.

В ночь на 22 сентября 1943 года рота А. Дусухамбетова одной из первых под сильным артиллерийским огнем переправилась и с ходу вступила в бой, прикрыв переправу для других подразделений полка. Через три дня, 25 сентября, 229 стрелковый полк форсировал реку Припять, где вновь отличилась рота А. Дусухамбетова.

Подвиги А. Дусухамбетова перечислены в наградном листе о представлении его к присвоению звания Героя Советского Союза: «При переправах через водные рубежи Десны, Днепра и Припяти проявил себя умелым организатором, способным быстро принимать решения и претворять их в жизнь. Не имея никаких средств переправы, он под сильным артминогнем противника соорудил плот из материала, взятого с разрушенного моста, перебросил роту через реку без потерь, завязал бой на берегу противника и прикрыл переправу следующих подразделений. При переправе через реку Припять его рота попала под обстрел немецкой мотоколонны.

Дусухамбетов с группой бойцов незамеченным для противника пробрался в тыл колонны и заставил его бежать.

Командир 229 стрелкового полка
подполковник Шишков».

Это представление было написано и отправлено по инстанции (дивизия, корпус, армия и фронт) 1 октября 1943 года, то есть за неделю до его гибели. Так пишет П. Белан в своей книге «Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии» (изд. «Наука», Алма-Ата, 1967 г.), ссылаясь на материалы Архива Министерства обороны СССР. Автор считает, что утверждение в ряде книг и статьях периодики о присвоении звания Героя Советского Союза А. Дусухамбетову посмертно является ошибочным. Не согласиться с П. Беланом нельзя. Если бы представление командира полка Д. К. Шишкова было написано после гибели А. Дусухамбетова, то командир полка не мог не сказать слово о последнем роковом бое героя. Версия о том, что А. Дусухамбетову звание Героя присвоено посмертно, видимо, связано с тем, что Указ Президиума Верховного Совета СССР был подписан 16 октября, после гибели героя.

Последний бой А. Дусухамбетова проходил на том же, Припятинском плацдарме, где в течение двух недель шла жестокая схватка с гитлеровцами. Противник предпринял несколько атак, вводя в действие новые силы. И в ночь на 6 октября вражеская мотоколонна вновь атаковала позиции первого батальона. Бойцы открыли огонь. Их поддержала батарея противотанковых пушек. Загорелось несколько танков и броневиков. Уцелевшие вражеские машины успели, однако, развернуться и, охватив фланги, ворваться на позиции первой роты. В этот критический момент уже раненый командир А. Дусухамбетов, собрав силы, пополз навстречу идущему танку и бросил под него противотанковую мину. Взрыв подорвал танк и оборвал жизнь молодого офицера, не достигшего возраста 23 лет.

О чем думал он в последние минуты, идя на смерть? Может быть, вспомнил строки сочиненного им стихотворения:

Боец в атаки огневые
Идет, сжимая автомат,
Над ним далекие, родные
Степные запахи летят.

Или слова Присяги-клятвы: «Не щадя крови, самой жизни защищать родную землю».

Вскоре мать героя Кайша-апа получила похоронку. Какое горе обрушилось...

Кончилась война. Живые вернулись домой. Кайша-апа не теряла надежды. Она все еще не верила, что ее сын погиб. «Сын мой жив, он вернется», — утешала она сама себя, сильно постаревшая от неутихающего горя. Не теряла надежды до тех пор, пока однажды не получила письмо: «Уважаемая Кайша Бишимовна, — писали учащиеся 7 «Б» класса школы № 2 города Чернобыля, — ваш сын Абу Дусухамбетов похоронен в нашем городском парке. Мы хотим подробно узнать о вашем сыне, который боролся за наше счастливое детство. Извините, пожалуйста, что мы потревожили вашу память о сыне, и, может быть, причинили боль вашему сердцу. Мы бы хотели вести с вами переписку и организовать встречу».

В 1967 году двоюродный брат Абу Сапар Дюсенович Дюсенов вместе с 70-летней Кайша-апа съездили в Чернобыль, побывали на могиле героя.

— Теплыми и волнующими были наши встречи со школьниками и жителями города, — рассказывает Сапар Дюсенов. Горожане преподнесли Кайше-апа хлеб с солью. Было трогательно. Старая женщина прослезилась. Ее сына помнят, чтят. Рядом с Абу в городском парке похоронен Герой Советского Союза Петр Баюк, ровесник, боевой соратник нашего земляка. Они оба погибли в один день, обоим присвоено звание Героя Советского Союза в один и тот же день, 16 октября 1943 года. Теперь оба героя навечно покоятся рядом, как символ братской дружбы двух многострадальных народов — казахского и украинского.

Как тут не вспомнишь в свое время сказанные слова выдающегося украинского кинорежиссера Александра Довженко: «Полегли в бою казахи-батыры. Освятили дружбу, пролили кровь и сами уснули на украинских нивах. И навсегда остались немеркнущая слава и благодарность, и гордость седовласых казахских дедов, и вдохновение юношей и всех казахов, какие будут жить после нас долгими столетиями. Пройдут годы. Много событий перепутаются в седых головах героев Отечественной войны от чистых воспоминаний и превратятся в повести. Но останется непоколебимо верным и незабываемо ясным высокое благородное чувство товарищества и братства всех бойцов, которые разбили и уничтожили фашистское сумасбродство на земле».

ЕРШОВ
Александр Матвеевич

Родился в 1908 году в с. Словянке Московского района Северо-Казахстанской области. На фронте с июля 1941 года.

Летом 1944 года советские войска приступили к освобождению Белоруссии. Части 3-го Белорусского фронта 23 июня 1944 года обошли с двух сторон витебскую группировку немцев и к 27 июня ликвидировали ее. Не снижая темпов наступления, войска этого фронта прошли с боями более 400 километров и 13 июля освободили столицу Литвы — Вильнюс. После ликвидации здесь немецкого гарнизона войска 5-ой армии 3-го Белорусского фронта продолжали движение на запад, стремясь с ходу форсировать Неман и захватить на его левом берегу плацдарм для последующего наступления.

Командир отделения 1233 стрелкового полка 371-й стрелковой дивизии 5-ой армии сержант Ершов рассказывал:

— После освобождения города Вильнюса настроение у солдат было приподнятое, накануне зачитали приказ о присвоении соединению гвардейского звания. Шестнадцатого июля после длительного перерыва полк расположился в небольшой роще на отдых. Широкой голубой лентой извивалась река Неман.

Скоро наши батальоны должны были двинуться вперед, чтобы расширить плацдарм на противоположном берегу. Об

этом думали все. Но когда это будет, не знал никто. Майор Усольцев вызвал Ершова и приказал:

— Тебе первому доверяется форсировать реку. Подбери самых смелых и ловких солдат. Помните: вы — гвардейцы. Удачи тебе.

— Постараемся, товарищ майор. Не подведем.

Три часа на сборы. Набралось семнадцать человек. Время шло к ночи. Готов плот с боеприпасами, с катком полевого телефона, шанцевым инструментом, и вот он уже на плаву. Между тем небо неожиданно засветлело, появились редкие звезды. Вглядываясь из-за кустов ракитника в противоположный берег, различили окопы врага. Вдруг раздался орудийный залп, затем второй, третий. Левый берег закипел от рвущихся снарядов и мин. Но плот, направляемый длинными шестами, приближался к берегу.

По воде плеснула пулеметная очередь, а вскоре на том месте, где только что был плот, появился огромный водяной смерч от разрыва мины.

— Прыгать в воду, толкать плот к берегу, за мной! — подавал команду сержант. С неимоверными усилиями добрались до берега, окопались.

Ершов передал по телефону: «Мы на левом берегу. Это наш плацдарм... Будем держаться, не отступим».

Со стороны немцев какую-то минуту стояла удивительная тишина. Потом началась стрельба из всех видов оружия. В небо взвились ракеты. На соседнем участке вела огневой бой пехота. Но вот, видимо, разобравшись в том, что десантников немного, и определив их местонахождение, фашисты решили расправиться с ними. Однако меткий огонь десантников заставил их убраться на почтительное расстояние, оставив несколько убитых. И снова атака. На этот раз более крупными силами. Неравная схватка длилась шестой час. В живых осталась едва ли половина бойцов. Чтобы ввести в заблуждение гитлеровцев, Ершов подавал команды так, словно путь врагу преграждала не горстка храбрецов, а по меньшей мере рота.

Подоспела подмога. Однако Ершов уже не видел ее: когда поднимал остатки десантников в атаку, пуля вражеского снайпера ударила в бок, под сердце. Впереди — госпиталь.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Ершову Александру Матвеевичу присвоено звание

Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В наградном листе записано, что «Ершов при форсировании реки Неман 17 июля 1944 года проявил исключительную стойкость, мужество и геройство. Он первым со своим отделением преодолел водную преграду, переправившись на левый берег реки Неман, под сильным артиллерийским, пулеметным огнем противника и при массированном налете вражеской авиации закрепился и открыл огонь, отражая натиск контратакующей роты фашистов, подпустил их на расстояние 30—40 метров и в упор расстреливал врагов, после закидал их гранатами. Когда не стало в отделении боеприпасов, тов. Ершов с криком «Вперед, за Сталина!» первым бросился в рукопашный бой, увлекая своим героизмом бойцов. Прикладом и штыком своей винтовки убил 12 фашистов. Враг не выдержал, отступил, оставив на поле боя до 100 трупов солдат и офицеров и большое количество оружия. Контратака немцев была отбита. Плацдарм на левом берегу реки Неман был удержан, наши войска переправились и пошли в наступление, закрепились на выгодных рубежах».

Умер Александр Матвеевич 21 февраля 1980 года, но вечно живы его подвиги в памяти народной. Ершов говорил: «Память надо беречь, как плацдарм, который нельзя сдать. Держать ради живых, ради жизни».

ЗАКИРОВ

Гали Закирович

Родился в 1910 году в селе Сабы Сабинского района Татарской АССР. В 1940 году переехал в село Ильинку Ленинского района Северо-Казахстанской области. Работал в МТС.

Днепр — могучая река — как будто дремал, лениво облизывая берега черными волнами. Дремали и солдаты, погрузившись в воспоминания о доме. Гвардии младший сержант Закиров вспомнил свое село, родных, близких. В этот момент его вызвали к лейтенанту.

— С рассветом выступаем, — коротко сообщил офицер собравшимся. — Нам приказано расширить плацдарм у деревни Губино. — Закиров достал из кармана гимнастерки книжку и записал: «3 октября 1943 г. Губино». Так он делал каждый раз, когда шел в бой.

Отделение Г. Закирова получило задание занять высоту 1257 и удержать ее, пока подойдет подкрепление. На рассвете бойцы стали подбираться к первой линии обороны противника. Сначала было все тихо, но вот ураганный огонь обрушился на смельчаков. До цели оставалось несколько десятков метров. Закиров первым ворвался в траншеи противника. Действуя штыком и прикладом, он уничтожил 14 немцев. Смело дрались и остальные солдаты отделения.

Первая линия обороны противника была взята. Продолжая наступление, со своим отделением первым принимается за

вторую линию обороны. Завязалась жаркая схватка на маленьком клочке земли. Силы были неравные: десять советских воинов сражались против 120 фашистов. И все же бой был выигран. Более 70 вражеских трупов лежало на земле, остальные 50 гитлеровцев спаслись бегством.

Закиров с гордостью водрузил красный флаг на высоте 1257 со словами: «Земля наша, никому ее не отдадим!».

Противник предпринял три контратаки. Бросал до 200—300 человек, но при каждой из них враг нес большие потери. Высота держалась. К исходу дня подошло подкрепление. В течение этих боев Закиров лично истребил свыше ста гитлеровцев. Известие о подвиге храбрых воинов и их смелого командира пронеслось по полку.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года командир отделения 3-го батальона 8-го гвардейского воздушно-десантного полка (3-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, 60-я армия, Воронежский фронт) гвардии младший сержант Закиров в боях за расширение плацдарма на правом берегу Днепра в районе с. Ясногородки Вышгородского района Киевской области за проявленную храбрость, за стойкость при удержании важной высоты удостоен звания Героя Советского Союза. Награжден орденом Ленина.

С фронта Гали писал родным и близким теплые слова, полные надежды на победу и радостную встречу: просил жену воспитывать детей и, несмотря ни на какие трудности, помогать Родине, то есть работать в колхозе. Погиб Закиров в боях на Украине в феврале 1944 года.

В память о герое в селе Ильинке Ленинского района установлен его бюст. В городе Петропавловске его именем названа улица.

ИБРАЕВ
Искак

Родился в 1911 году в ауле Каратал Приишимского района (ныне Ленинский район, совхоз «Амангельдинский»). Окончил педагогический техникум и работал учителем.

В июле 1942 года Ибраев призывается в ряды Красной Армии и направляется в Горьковское военно-политическое училище им. М. В. Фрунзе. В боях Великой Отечественной войны с июля 1944 года. Командуя взводом 177-го гвардейского стрелкового полка (60-я гвардейская стрелковая дивизия, 5-я ударная армия, 1-й Белорусский фронт), гвардии лейтенант Ибраев отличился в январе 1945 года при прорыве долговременной обороны противника в районе местечка Буды-Августовское (Варшавское воеводство). Во время артиллерийской подготовки он придвинул свой взвод к немецким минным полям и проделал в них проходы. Как только наша артиллерия перенесла огонь в глубину обороны врага, отважный командир преодолел проволочные заграждения и, увлекая за собой бойцов, под огнем противника бросился к его траншеям и первым ворвался в них. В траншеях разгорелся жестокий рукопашный бой. Короткой очередью из автомата отважный советский офицер в упор расстрелял немецкого офицера и прикладом нанес удар солдату, бросившемуся на помощь своему офицеру.

На окраине Буды-Августовского Ибраев со своим взводом блокировал вражеский дзот, уничтожил гранатами одну пуле-

метную точку и обеспечил продвижение нашей пехоты.

В бою за Мало-Боже противник предпринял контратаку. Ибраев со своим взводом отразил вражескую контратаку. Гвардейцы снова двинулись вперед и вышли на берег реки Пелицы, преодолев таким образом линию обороны противника на всю глубину.

Одер. За ним — Берлин! Под прикрытием тумана взвод И. Ибраева бесшумно переправился через водный рубеж. Разведка доложила, что основные силы противника сосредоточены вдоль опушки леса. Гвардии лейтенант разделил бойцов на небольшие группы, дав каждой определенное задание. Немцы пытались окружить взвод, но дружный огонь из пулеметов и автоматов остановил их. К исходу дня к горстке храбрецов подошли на помощь другие подразделения, они увидели десятки трупов гитлеровцев, скошенных метким оружием бесстрашных гвардейцев. Тяжело раненный Искак не покинул боя. Верный сын Родины до конца выполнил долг солдата.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года И. Ибраеву присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». С 1945 года — в запасе.

В 1948 году окончил двухгодичную партийную школу при ЦК КПК, работал в Северо-Казахстанском обкоме КПК, Октябрьском райкоме КПК и секретарем парткома Ново-Покровского зерносовхоза.

Умер 13.06.65 г. Похоронен в поселке Теренсай Сергеевского района. В городе Сергеевке установлен бюст героя. Его именем названы спецхоз, где он работал, и улица в поселке Теренсай.

КАРУШИН

Александр Федорович

Родился в 1923 году в г. Петропавловске в семье военнослужащего. С 1929 года жил в Свердловске, окончил среднюю школу, затем Троицкую военную авиационную школу.

С марта 1943 года на фронте. Сражался на Воронежском, Харьковском, Орловско-Курском направлениях, участвовал в Корсунь-Шевченковской, Ясско-Кишиневской операциях освобождал Румынию, Югославию, Венгрию.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, югославским орденом «Партизанская звезда» II степени и многими медалями. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 года Карушин удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

11 июля 1943 года в районе Прохоровки, при выполнении задания на уничтожение скопления танков противника, группа Карушина была атакована немецкими истребителями. Завязался воздушный бой, в результате самолет Карушина был сильно подбит, разорвавшимся снарядом в кабине были повреждены все приборы, перебита воздушная система, а сам Карушин был ранен осколками снаряда.

Но, несмотря на это, прилагая все усилия, преодолевая боль, перетянул линию фронта и произвел посадку на своей территории.

С августа 1943 года, когда наши войска, измотав лучшие силы противника, перешли в наступление, Карушин беспощадно преследовал и громил с воздуха противника, откатывающегося под ударом наших войск до Днепра. Особенно показывал высокие образцы выполнения заданий командования в боях под Актырской. Когда фашистские войска бросились в яростные контратаки, Карушин водил группы грозных «ИЛ-2» на смертельные схватки с врагом.

Гитлеровское командование под Актырской сконцентрировало крупные соединения авиации и зенитные средства. Но, несмотря на это, группа Карушина образцово выполняла задания, без потерь возвращалась на свои аэродромы.

28 августа 1943 года Александр Федорович получил задание уничтожить переправу через реку Ворсклу в районе Актырска. При подходе к цели снарядом зенитки его самолет был сильно поврежден, сам Карушин осколками снаряда был ранен в левую руку. Но, несмотря на это, задание группой было выполнено образцово. Карушин, проявляя героизм и мужество, преодолевая сильные боли от ранения, на подбитой машине привел группу на свой аэродром и благополучно произвел посадку.

Только в районе Актырска самолет Карушина зенитным огнем и истребителями противника подбивался пять раз, возвращался на свой аэродром и снова вылетал на боевое задание.

В октябре вместе с наземными частями в составе полка Александр Федорович в качестве ведущего группы самолетов «ИЛ-2» 38 раз летал на уничтожение сильно укрепленных оборонительных рубежей на правом берегу Днепра, в его излучине южнее г. Киева, в районах Ходорова, Конева, Ржицева.

Несмотря на сильное противодействие зенитных средств противника Карушин блестяще выполнял все задания командования, активно способствовал наземным войскам в форсировании Днепра и расширении плацдарма на правом берегу Днепра, в освобождении городов Киева, Василькова, Фастова и других.

3 ноября 1943 года погода не благоприятствовала выполнению боевых заданий, но, несмотря на это, Карушин получил задание уничтожить скопление техники и живой силы противника в районе дач севернее г. Киева. Снижаясь до бреющего полета, в одном только вылете в районе дач Пуща-Аоди-

ца уничтожил 8 автомашин противника и до 30 солдат и офицеров, 11 ноября взорвал железнодорожное полотно в районе ст. Василькова. 21 ноября 1943 года Карушин вылетел на разведку в районы Качеро и Заболочье и обнаружил там до 300 танков. В этот же день повел группу из 12 самолетов «ИЛ-2» на уничтожение скопления танков.

Во время третьего захода на цель группа, ведомая Карушиным, была атакована вражескими самолетами. Самолет Карушина был снова поврежден, было перебито управление, воздушная система, но, несмотря на это, прилагая все силы, на трудно управляемом самолете благополучно произвел посадку на своем аэродроме.

В период наступления наших войск на 1-ом Украинском фронте с 14 июля 1944 года Карушин показал высокие образцы выполнения боевых заданий командования: только за 9 дней участия в наступательных операциях лично имеет 19 успешных боевых вылетов в качестве ведущего группы самолетов «ИЛ-2».

20 июля, как лучший разведчик-охотник, одним из первых повел группу на уничтожение танков и автомашин в окруженном кольце. Пробившись сквозь дождь и туман, с высоты бреющего полета группа уничтожила 8 танков, 12 автомашин, убила до 25 солдат и офицеров.

Командир эскадрильи 167 гвардейского штурмового авиационного полка (10-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия, 2-я воздушная армия, 1-й Украинский фронт) гвардии лейтенант Карушин с 15 марта 1943 года по 20 июля 1944 года совершил 104 боевых вылета на штурмовку войск противника и за проявленные при этом мужество, доблесть и героизм был удостоен звания Героя Советского Союза.

После войны Александр Федорович жил в Москве и продолжал службу в ВВС. В 1951 году окончил Военно-Воздушную академию. С 1981 года — генерал-майор авиации в запасе. Умер в 1993 году, похоронен в Москве.

КИЗАТОВ
Жалел Кизатович

Родился в 1920 году в ауле Аяк-Куль Ленинского района Северо-Казахстанской области. После окончания 6 классов Жалел работает счетоводом колхоза «Булак». В 1936 году поступил в Ленинский сельхозтехникум. Одновременно с занятиями в техникуме заочно учится в Петропавловском учительском институте. Работал заведующим школой в колхозе «Карагай» Ленинского района.

В боях Великой Отечественной войны с сентября 1941 года. Окончил курсы младших лейтенантов при Сталинградском фронте в 1942 году.

Перед отправкой на фронт он сказал: «...Я буду сражаться за благополучие моего народа, как сражались за него Исатай, Махамбет, Кенесары, Амангельды, чтобы не запятнать их честь. Клянусь биться с врагом до последней капли крови».

Кизатов в боях за город Чернигов и форсирование реки Днепр проявил отвагу и героизм. В бою 27 сентября 1943 года под ураганным артиллерийским огнем выдвинулся на передовой наблюдательный пункт, откуда обнаружил пулемет, самоходное и противотанковое орудия, скорректировал огонь батареи, уничтожил и подавил их. Тем самым дал возможность нашей пехоте вырваться вперед.

Командиру взвода управления батареи 154-го гвардейского артиллерийского полка (76-я гвардейская стрелковая дивизия, 61-я армия, Центральный фронт) гвардии лейтенанту Кизатову 28 сентября 1943 года было приказано разведать огневую систему противника на правом берегу Днепра и ме-

сто для переправы наших войск. Вот что об этом рассказывает сам Жалел: «Наш взвод совершил стремительный обходной маневр и в сумерках подошел к реке. Под покровом темноты мы бесшумно переправились на лодках, доставленных нам украинскими партизанами. Притаившись в овраге, выслали вперед разведку. Она установила, что оборона немцев состоит из системы окопов и 12 блиндажей со скрытыми подступами к ним. Умело сняв часовых и разбившись на небольшие группы, начали блокировать блиндажи. Мало кому из врагов удалось спастись. Захватив плацдарм, мы прочно закрепились на нем.

Утром фашисты при поддержке пяти танков перешли в контратаку. Я связался по рации с нашими артиллеристами. С их помощью нам удалось отсечь вражескую пехоту от танков. Два из них подбили из противотанковых ружей, но остальные продолжали ползти и достигли переднего края нашей обороны. Я метнул под гусеницу головной машины противотанковую гранату и подорвал ее. Экипаж подбитого танка был сражен автоматной очередью. Другие танки повернули обратно.

Неудача взбесила противника. Он усилил натиск. Контратакам был потерян счет. Немцы совсем близко подошли к нашим позициям... Тогда я вызвал огонь своей батареи на себя. Не помню, сколько длился обстрел, но когда поднялся из укрытия, увидел незабываемую картину: передо мной лежали горы трупов, дымили разбитые танки».

Из наградного листа: «...Кизатов под ураганным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем разведал три станковых пулемета, минометную батарею, что было немедленно уничтожено нашей артиллерией. Тем самым дал возможность нашей пехоте переправиться на правый берег Днепра».

Кизатов вместе с передовыми группами пехоты переправился на правый берег, разведал огневые точки, проходы для артиллерии и место переправы. Когда переправились, он указал место огневых позиций и цели. Батарея открыла огонь и подавила огневые точки противника, дав возможность нашей пехоте надежно закрепиться на правом берегу реки Днепр. Кизатов в боях за переправу через Днепр с 28 сентября по 3 октября 1943 года корректировал огонь артиллерийских батарей, что дало возможность нашей пехоте продвинуться вперед.

За этот подвиг Кизатов был удостоен 15 января 1944 года звания Героя Советского Союза. «Лучше умереть со славой, чем посрамить честь свою», — говорит казахская пословица. Крепко помнил ее Жалел Кизатов, идя в бой.

Золотая Звезда, ордена Ленина, орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За оборону Одессы», «За оборону Сталинграда», украшающие грудь артиллериста Кизатова, свидетели тех суровых дней, когда воины проявляли небывалое мужество и стойкость, грудью защищая Родину от врага.

В 1945 году Кизатов окончил Высшую артиллерийскую школу в Ленинграде, а затем становится командиром батареи одной из частей Первого Белорусского фронта. От Сталинграда до Берлина — таков славный боевой путь верного сына казахского народа гвардии старшего лейтенанта Жалела Кизатова.

С 1945 года капитан Кизатов — в запасе. Вернулся на родину, был на партийной и хозяйственной работе. В 1952 году окончил партшколу при ЦК Компартии Казахстана, в 1969 году — Целиноградский сельскохозяйственный институт. В 1957 году Кизатову вручен второй орден Ленина. В данное время Ж. К. Кизатов живет в Кзыл-Орде.

КИРДИЩЕВ

Гаврил Федотович

Родился в 1919 году в с. Приозерском Алексеевского района Акмолинской области. Потом с родителями переехал в г. Петропавловск, где окончил 7 классов. Работал в депо станции Петропавловск. В 1939 году призван в Красную Армию.

В июле 1944 года наступление советских войск в Белоруссии развивалось успешно. 1 июля застава младшего лейтенанта Кирдищева отдыхала в деревне Рудница. Фронт был далеко впереди, усталость брала свое, но годы службы в пограничных войсках научили Кирдищева и его бойцов бдительности, выработали в них стойкость и готовность сражаться в любых условиях и с любым противником. Обходя сторожевые посты, начальник заставы увидел цепь немцев, двигающихся к деревне. Их было не меньше роты против 30 человек из заставы Кирдищева. Немцы шли сначала кучей, а потом развернулись в цепь.

— Застава! К бою! — скомандовал Кирдищев. Тишину нарушила гулкая дробь автоматов и пулеметов. Фашисты залегли, открыли ответный огонь. Немцев было намного больше, они дрались яростно и упорно. Кирдищев отобрал группу пограничников и повел ее в обход. Неожиданный удар с фланга решил исход схватки. «В результате боя, — писал в боевом донесении в штаб полка Кирдищев, — истреблено 34 немца, в том числе 6 офицеров, взято в плен 24, из них 3 офицера». Застава потерь не имела. Этот бой был 1 июля.

Застава выполняла свою боевую задачу уже на территории Литвы. Начался новый день. Кирдищев собрал своих замести-

телей. Пока пограничники спали, он еще раз уточнил по карте маршрут движения, порядок боевого охранения.

— Первый привал у Пустолувки, — Кирдищев подчеркнул на карте название села. Но едва только подошли к Пустолувке, как прямо из ржи появились фашисты, их было около трехсот. А на заставе чуть больше тридцати бойцов и командиров. На каждого приходилось 10 врагов. В такое трудное положение Кирдищев еще не попадал.

«Пропускать ни в коем случае нельзя. В селах расположились госпитали, наши тылы. Много беды могут натворить фашисты, хотя и находятся в окружении. Надо ошеломить противника», — решил младший лейтенант.

Кирдищев быстро расположил огневые средства на выгодные позиции, фашисты приближались. Уже слышны их голоса. Младший лейтенант лежал в придорожной канаве, держа палец на спуске автомата. Он ждал, ждали и остальные пограничники. Враги уже совсем близко. Кирдищев прицелился в шедшего впереди офицера. Короткая очередь сразила первых немцев. И тут же началась стрельба со всех сторон. Фашисты не выдержали огня и отошли за хлебное поле, к кустарнику. Надо было ждать новую атаку. И она последовала. Шагая во весь рост, немцы на ходу вели огонь. Казалось, еще немного и они сломят сопротивление пограничников.

Младший лейтенант по цепи подал команду:

— Приготовиться к контратаке! — Бойцы забросали немцев гранатами. И тут же сквозь гул разрывов раздался голос Кирдищева:

— За мной!.. Вперед!

Замелькали во ржи зеленые фуражки. Немцы не выдержали стремительного удара и начали отступать. И в это время Кирдищев почувствовал, как что-то горячее ударило в грудь. Он покачнулся и упал. Его подхватили бойцы, перевязали и хотели вынести в тыл.

— Я ваш командир, — сказал тихим голосом младший лейтенант. — И пока немцы не разбиты, слушайте мою команду.

На помощь пограничникам подоспела небольшая группа артиллеристов, оказавшихся в селе. Кирдищев послал ее нанести удар с левого фланга. И еще одну группу с ручным пулеметом направил на другой фланг.

Бой продолжался несколько часов. Кирдищеву вроде бы стало легче. Находясь у дороги в канаве, он отдавал короткие команды. Смолкли последние выстрелы. Наступила тишина. Более сотни трупов вражеских солдат. На дорогу выходили с поднятыми руками оставшиеся в живых. Около 150 солдат и офицеров сдались в плен. Лишь одиночкам удалось уйти.

Кирдищев смотрел на голубое небо, по которому плыли белые облака, но все куда-то уплыло, пропало.

Быстро снарядили повозку, но довезти до ближайшего медсанбата не удалось. По дороге младший лейтенант скончался.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за личную храбрость, стойкость и мужество, за воинское мастерство, обеспечившее победу над численно превосходящим противником, младшему лейтенанту Г. Ф. Кирдищеву присвоено звание Героя Советского Союза.

Похоронен Гаврил Федотович в Вильнюсе. Имя героя носят улица, парк культуры и отдыха в г. Алексеевке, пионерский отряд одной из школ г. Вильнюса, судно ВМФ.

КИРЕЕВ
Семен Яковлевич

Родился в 1916 году в с. Червово Косихинского района Алтайского края. В 1939 году семья переехала в Чистовский совхоз Булаевского района Северо-Казахстанской области. Работал учетчиком, счетоводом в совхозе. 17 июля 1941 года Булаевским райвоенкоматом призван в ряды Советской Армии. Окончил курсы младших лейтенантов. На фронте с 1942 года.

Шел июнь 1944 года. Войска 7-й армии, в которой служил командиром взвода 1061 стрелкового полка 272 стрелковой дивизии лейтенант Киреев, готовились к форсированию реки Свири.

Началась мощная артиллерийская подготовка. В это время группа воинов демонстрировала ложную переправу, вызывая огонь на плоты и лодки с чучелами, отвлекая внимание от разведчиков и первых групп бойцов, готовящихся к переправе через реку.

— Разрешите мне первому со своим взводом приступить к переправе, — сказал лейтенант Киреев, обращаясь к командиру полка. Командир, старый кадровый офицер, всегда любовался смелостью и мужеством своих солдат, с отцовской теплотой посмотрел на красивого голубоглазого молодого офицера:

— Приступайте.

Бойцы дружно прыгнули в лодку и ударили веслами. Плыть было трудно, лодку бросало из стороны в сторону волнами от снарядов противника. Вот и середина реки.

— Течь, — крикнул один из солдат. Лодку пробило осколком, она стала наполняться водой и медленно погружаться.

Киреев быстро снял с себя нижнюю рубашку, заткнул отверстие и вместе с бойцами стал вычерпывать воду. Берег был уже близко, но волна захлестнула лодку, и она пошла ко дну.

— В воду, — скомандовал лейтенант Киреев и первый достиг правого берега. Ступив на берег, взвод Киреева завязал неравный бой.

Враг предпринял попытку сбросить в воды Свири группу солдат, но с криком «Вперед, за Родину!», увлекая за собой бойцов, Киреев ворвался в траншеи противника и заставил его бежать.

Взвод Киреева овладел плацдармом для беспрепятственного форсирования реки всем батальоном. Указом от 27 июля 1944 года Кирееву Семену Яковлевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

А на реке продолжалась переправа. Части первого эшелона успешно форсировали Свирь и вступили в бой за плацдарм.

Саперы быстро приступили к наведению паромных переправ и мостов для переброски через реку боевой техники. В течение дня ударная группировка 7-й армии, расширив плацдарм, закрепилась на нем.

Финское командование, опасаясь полного разгрома, отступило на вторую оборонительную полосу. Отступая, они минировали и разрушали дороги, взрывали мосты, усиливали заграждения, вели ожесточенные бои.

В эти трудные дни, когда обстановка требовала напряжения всех сил и энергии, лейтенант Киреев был образцом мужества и героизма. Там, где сражался Семен Киреев, он всегда обеспечивал победу над врагом. 25 июня штурмом овладев укрепленным узлом второй полосы обороны противника и городом Олонец, наши войска начали наступление на город Питкяранту. Финская армия, потеряв оборонительные сооружения, большое количество солдат, офицеров и боевой техники, тем не менее продолжала оказывать советским войскам ожесточенное сопротивление.

10 июля 1944 года в результате ожесточенных сражений был взят важный узел вражеской обороны — город Питкяранта. При его освобождении был тяжело ранен лейтенант Киреев, а 17 июля 1944 года умер от ран. В центре карельского города возвышается памятник Семену Кирееву, именем героя там же названа одна из улиц этого города, именем героя названа Чистовская средняя школа.

КОВАЛЕНКО

Павел Васильевич

Родился в 1917 году в с. Явленке Ленинского района Северо-Казахстанской области. После окончания начальной школы переехал в г. Сватово Ворошиловградской области. Работал шофером, мотористом. На фронте с июня 1941 года.

Июль 1941 года. Многодневные бои для наших солдат, попавших под Минском в окружение. Воинская часть разорвана, кончились боеприпасы и продовольствие. Вражеская авиация новыми и новыми заходами бомбила отступающих. Группами и в одиночку солдаты пробивались на восток с одной целью — вырваться из окружения, соединиться со своими и снова встать в строй мужественных защитников Родины.

Павел Васильевич Коваленко объединил под своей командой 24 красноармейца. Разбившись на группы, бойцы двинулись к шоссе. Вышли у деревни, но взять машину на шоссе было невозможно, так как они двигались колоннами, вместе с танками и мотоциклами. Решили идти в деревню и увидели грузовик, кузов был обтянут брезентом, у машины стояли немцы, один из них менял колесо.

— Это то, что надо, — оценив обстановку, сказал Коваленко. — Остается выяснить, сколько там фашистов, и успеть не раньше и не позже, а к тому времени, когда они заменят колесо. Бдительности у фрицев сейчас немного, — продолжал рассуждать Павел Васильевич. — Они считают себя в безопасности, потому что находятся, как им кажется, «на своей территории», и рядом шоссе, по которому идет их техника.

Дождавшись, когда пройдет колонна тягачей, группа разведки из 3 человек во главе с Коваленко проскочила через шоссе и огородами подкралась к дому. Заглянули в окно, в хате никого не оказалось. У машины возился шофер. Он уже заканчивал работу. Рядом на корточках сидел унтер-офицер и что-то веселое рассказывал солдату.

Коваленко и двое красноармейцев коротким броском оказались рядом с хохочущими немцами. Остальные бойцы ждали команду. Через несколько минут с фрицами было покончено. Чтобы не навлечь на хуторян беду, трупы бросили в кузов. В нем было несколько ящиков. Коваленко с красноармейцами зашли в хату и натянули поверх своих гимнастерок немецкие. Павел Васильевич стал «шофером», а его друг Краснов — «унтер-офицером».

Подали сигнал остальным. Собравшиеся красноармейцы с трудом разместились в кузове. Коваленко обошел вокруг машины, проверил скаты и залез в кабину. По шоссе шла колонна крытых грузовиков. Коваленко пристроился к хвосту и шел так более 100 километров. Когда колонна свернула в сторону, Павел Васильевич переключил скорость и ринулся вперед. Где-то в стороне шел бой. Через несколько километров грузовик пытались остановить, но Коваленко прибавил газ и на большой скорости пронесся мимо растерявшихся немцев. Под сильным обстрелом Павел Васильевич прорвался с боями через линию окружения и соединился со своими.

Осенью и зимой 1941 года Коваленко участвует в обороне Москвы.

Во время контрнаступления наших войск в районе Наро-Фоминска он на своем тяжелом танке «КВ» первым прорвался через передний край обороны противника, уничтожил два танка и три вражеских батареи противника. 16 января 1942 года Коваленко первым ворвался в город, прямой наводкой уничтожил две бронемашины и легкий танк фашистов. Бой в городе был настолько жарким и стремительным, что водитель не заметил, как оторвался от нашей пехоты, танк Коваленко был подожжен, а сам Павел Васильевич ранен в руку. Немецкие автоматчики окружили машину, но экипаж продолжал мужественно и самоотверженно сражаться. Более того, во время рукопашного боя отважные танкисты захватили средний немецкий танк с боеприпасами, на котором они продолжали громить противника.

В 1942 году Коваленко окончил курсы младших лейтенантов и в августовские дни этого года лейтенант Коваленко стал командиром минометного взвода. В боях он поддерживал огнем наступление стрелкового подразделения. Быстрый и точный обстрел огневых точек противника обеспечил успешное продвижение пехотинцев.

Смелым и отважным командиром показал себя Коваленко и в наступательных операциях в районе деревни Хастенок-Юрьев. Бой за этот населенный пункт разгорелся 30 ноября 1943 года. В этот день минометчики Коваленко подавили огневые точки врага и расчистили путь нашей пехоте, а на следующий день командир взвода огнем минометов заставил залечь три стрелковые группы противника, которые готовились к контратаке.

В наступлении тяжело ранило командира стрелковой роты. Тогда Коваленко взял командование на себя. Воодушевив бойцов, он повел их в атаку на врага. Хастенок-Юрьев был занят нашими. Командование дивизии отметило смелость, находчивость и боевое мастерство Коваленко. Он был награжден орденом Красной Звезды.

Минометный взвод 878-го стрелкового полка (290-я стрелковая дивизия, 50-ая армия, 2-й Белорусский фронт) под командованием старшего лейтенанта Коваленко 28 июня 1944 года пробился на окраину Могилева.

Немцы предприняли контратаку. Создалось критическое положение: из-за недостатка боеприпасов огонь наших минометов был прекращен, пехота залегла. Гитлеровцы серьезно угрожали наступающим подразделениям полка. Тогда Коваленко вдвоем со своим связным пробрался в расположение немцев. Выстрелом из пистолета он убил офицера и двух солдат немецкой батареи 122-миллиметровых минометов, а остальных вынудил к бегству. Установив два захваченных миномета на огневые позиции, герои открыли ураганный огонь по наступающим фашистам, заставив их повернуть назад. Советская пехота ворвалась в Могилев.

К августу 1944 года Коваленко уже имел на своем счету 9 уничтоженных огневых точек противника и до 70 немецких солдат и офицеров.

В боях за высоту 165,6 в районе реки Бжоузовка Павел Васильевич своим взводом подавил три огневые точки гитлеровцев, а через три дня вражеская пехота приготовилась не-

рейти в контратаку у деревни Давидовизна. Старший лейтенант обнаружил скопление немцев, открыл огонь из миномета и истребил 25 вражеских солдат. Рядом с орденом Красной Звезды на груди Коваленко засиял орден Отечественной войны 2-й степени.

Большое мужество Коваленко проявил при прорыве немецкой обороны в районе плацдарма на реке Неман и в последующих наступлениях на районы Восточной Пруссии.

В январе 1945 года старшему лейтенанту было приказано поддержать наступление пехотинцев. Командир взвода огнем своих 120-миллиметровых минометов проделал два прохода в проволочных заграждениях, уничтожив три пулеметные точки, вражеский минометный взвод, 75-миллиметровую пушку и около 30 фашистов. Боевое задание было выполнено блестяще, наши подразделения прорвали оборону.

А вскоре Павел Васильевич совершил еще один подвиг. Чтобы восстановить свое положение, немцы перешли в контратаку и вклинились в боевые порядки наших передовых частей. Коваленко из брошенной при отступлении немцами пушки открыл ураганный огонь по противнику, нанес ему большой урон и обратил его в паническое бегство. За этот подвиг Коваленко получил орден Александра Невского, а через месяц — орден Отечественной войны I-й степени.

В февральские дни сорок пятого наши подразделения успешно громили в лесу отдельные группировки противника. Немцы, используя сильно разветвленную систему опорных пунктов, пытались парализовать действия наступающих советских воинов. Чтобы сорвать замысел врага, командование части, используя большой практический опыт Коваленко по уничтожению вражеских огневых средств, выдвинуло его минометный взвод на передний край. Метким огнем минометчики накрыли четыре станковых пулемета, один гранатомет, уничтожили до 30 гитлеровцев и разбили транспорт из пяти повозок с боеприпасами. Тогда же, в боях за Мельзак, Павел Васильевич, будучи уже командиром батареи 57-миллиметровых пушек, огнем своих орудий отбил две контратаки немцев. Двигаясь все время в рядах с пехотинцами, он вошел вместе с ними в город и открыл уничтожающий огонь по противнику. В результате наши воины быстро овладели городом.

Представляя Коваленко к званию Героя Советского Союза, командир полка подчеркнул, что успех боевых действий, одержанный полком, во многом был обеспечен героическим подвигом старшего лейтенанта Коваленко. «Вся его боевая жизнь в годы Великой Отечественной войны, — писал подполковник Хомуло, — полна больших подвигов и беспредельной преданности Родине». И Родина назвала его героем. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Коваленко был удостоен этой высшей награды.

С 1946 года капитан Коваленко в запасе. Жил в г. Сватово, работал зав. гаражом.

Умер 24 августа 1949 года. Похоронен в г. Сватово на главной площади 1 мая. В том же городе названа улица его именем, и на доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

КОВАЛЕВСКИЙ
Анатолий Николаевич

Родился в 1916 году в г. Бахмач Черниговской области в семье военного. Отец перед революцией служил в армии в чине прапорщика. В 1917 году встал на сторону восставшего народа.

Анатолий окончил два курса электротехникума, но мечтал идти по стопам отца — стать военным. В 1933 году он поступает на бронетанковое отделение Второй пограничной школы имени Дзержинского. Окончив в ноябре 1936 года школу и получив звание лейтенанта, Анатолий Ковалевский назначается командиром танкового взвода 1-го мотомеханизированного полка отдельной мотомеханизированной дивизии особого назначения, где служил в течение двух лет.

В 1938 году отца и сына Ковалевских «за связь с врагами народа» увольняют из армии и высылают вместе с семьей на 5 лет в село Успенку Булаевского района Северо-Казахстанской области. Эта ссылка затянулась до 1956 года, когда семья Ковалевских была реабилитирована.

В 1939 году в связи с началом войны с Финляндией Анатолий призывается в действующую армию и командует танковым взводом 86-го отдельного танкового батальона. По окончании военных действий как умелый и грамотный офицер аттестационной комиссией оставляется на военной службе и направляется в распоряжение Ленинградского военного округа, где поочередно служит в батальонах тяжелых,

средних и легких и снова тяжелых танков 1-го танкового полка 1-й дивизии.

С самого начала Великой Отечественной войны сражается в составе 8-ой армии. В ноябре 1941 года за умелое руководство награждается орденом Красного Знамени и назначается заместителем командира отдельного танкового батальона. За мужество, личную храбрость и умелое руководство подразделениями в боях Ковалевский награждается еще двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени и орденом Кутузова II степени.

- После снятия блокады Ленинграда в 1944 году отважный танкист переводится в состав Первого Украинского фронта, где участвует в освобождении Польши.

В это время Ковалевский уже в звании полковника командует 152-ой отдельной танковой Ленинградской Краснознаменной бригадой. Здесь особенно ярко проявляются его личная храбрость, самоотверженность, умение руководить боем. С 17 по 19 января 1945 года в Висло-Одерской операции Ковалевский умело организовал наступление бригады на Краковском направлении. Его бригада 19 января одной из первых ворвалась в Краков и в боях за город нанесла противнику большой урон в живой силе и технике.

27 января в боях за город Нейбурн, когда танки не смогли дальше двигаться, истинный воин и сын своего народа повел танкистов в атаку в пешем строю. Задание командования было выполнено, но сам полковник погиб от вражеской пули.

За умелое управление боевыми действиями бригады, отличное выполнение боевых заданий командования, личное мужество и самопожертвование в боях за Родину Ковалевскому Анатолию Николаевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза, посмертно.

Похоронен Анатолий Ковалевский на Холме Славы в г. Львове.

КОЛОГОЙДА

Николай Васильевич

Родился в 1922 году в с. Воскресенке Булаевского района Северо-Казахстанской области. Среднюю школу окончил за год до начала войны в г. Полевском Свердловской области.

Кологойда Николай Васильевич после окончания военно-пехотного училища в звании лейтенанта принял первое боевое крещение на огневых рубежах Московской оборонительной зоны. Отсюда берет начало его боевая биография. Потом Северо-Западный фронт, бои под Воронежом, на Днепре, стремительные атаки в предместьях Варшавы и последние баррикады на улицах Праги.

Осенью 1943 года войска 52-й армии вышли к реке. Командование 254-й стрелковой дивизии этой армии для форсирования Днепра и захвата плацдарма на западном берегу решило сформировать штурмовую группу. В нее подбирались наиболее опытные и стойкие бойцы. Командовать группой поручили капитану Кологойде.

В ночь с 30 сентября на 1 октября 1943 года 102 воина штурмовой группы переправились через Днепр и вступили в бой с одним из полков дивизии СС «Великая Германия» у деревни Крещатик.

В завязавшемся бою группа капитана Кологойды истребила, по показателям самих немцев, до 270 человек, сам капитан лично руководил операцией, показал образцы исключительного героизма и в рукопашной схватке уничтожил 17 гитлеровцев СС. Таким образом, группа капитана Кологойды обеспечила возможность форсирования реки Днепр. На советских бойцов были двинуты 18 танков и два батальона эсэсовцев. За день они 7 раз ходили в атаку, но ликвидировать плацдарм не смогли.

За успешное и мужественное действие при форсировании реки Днепр 1 октября 1943 года и проявленное личное геройство в борьбе против противника и удержание рубежа в течение суток до подхода частей дивизии капитану Кологойде Указом Президиума Верховного Совета от 22 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза. В наградном листе указано—посмертно. Из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР Государственным архивом Северо-Казахстанской области была получена фотография Николая Васильевича Кологойды с Золотой Звездой Героя на груди. Как же это произошло? Считалось, что все смельчаки погибли на подступах к селу Крещатик, в том числе и Кологойда. Начались поиски, было прочитано множество книг, в том числе и книга «Золотые Звезды свердловчан», где помещена фотография и очерк о герое, но ответа на вопрос, как Н. В. Кологойда остался жив, не было. И только в книге «Герои освобождения Черкащины», изданной в Днепропетровске, был найден ответ. Оказывается, Николай Васильевич с горсткой уцелевших пулеметчиков с боем пробился в глубь Мощенского леса. Там и объединились обессиленные бойцы с черкасскими партизанами. И уже вместе с ними через день принимали участие в освобождении села Свидинок, где и встретились со своим полком.

В феврале 1944 года Николаю Васильевичу вручили заслуженную награду.

После окончания войны Н. В. Кологойда был направлен на учебу в партийную школу. Затем два года работал заместителем председателя Артинского райисполкома Свердловской области. Потом — опять учеба в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Выпускник академии майор Кологойда летом 1956 года получил назначение на пост заместителя командира одной из воинских частей. Николай Васильевич щедро делился с молодыми воинами знаниями, помноженными на личный боевой опыт. 8 мая 1963 года полковник Н. В. Кологойда в составе военной делегации побывал в Берлине на открытии памятника советским воинам.

Через год тяжелый недуг приковал Николая Васильевича к постели. 18 сентября 1964 года его не стало. Но Герой Советского Союза полковник Н. В. Кологойда навечно остался в строю, в памяти всех, кто знал этого скромного человека, страстного советского патриота. Похоронен он в г. Полевском Свердловской области. Его именем названа в этом городе улица и средняя школа, в которой он учился. Здесь стало традицией ежегодно, 14 ноября, в просторном и светлом школьном зале проводить торжественную линейку, посвященную дню рождения героя.

КОРОЛЕВ
Виталий Иванович

Родился в 1916 году в с. Боголюбово Пришимского района (ныне Бишкульский) Северо-Казахстанской области. Учился в горном техникуме в г. Копейске Челябинской области. В Советской Армии с 1935 года. В 1939 году окончил Сталинградскую военно-авиационную школу. Участник войны с июня 1941 года.

Майор Королев Виталий Иванович, заместитель командира 482-го истребительно-авиационного полка 322-ой истребительно-авиационной дивизии 2-ой воздушной авиации, за годы войны совершил 435 боевых вылетов.

В книге «Тридцать три богатыря» Е. З. Воробьев описывает боевые действия нашего земляка и его друзей: «...Мы незримо присутствуем при бое с группой «мессеров», который ведут Буянов, Королев, Хлуд, Филатов. Внезапно в разноголосице боя раздался крик Буянова:

— Подтяни, а то сожгут! Еще подтяни малость!..

Все понимают, чьи-то дела плохи...

По отрывочным фразам, словам нельзя вообразить картину далекого воздушного боя, но дыхание его обжигает и на земле. И вдруг среди писка и треска, среди радионеразберихи, заполняющей наушники, отчетливо возникает веселый и озорной голос:

— Воздух очищен от противника!

Это шутливый рапорт Королева, празднующего победу в каком-то квадрате неба.

За две недели боев Виталий Королев сбил шесть немецких самолетов и два — в группе.

Проходит четверть часа, и «ЯК-3» Королева появляется над аэродромом. Еще минута, другая, и Королев отгоняет свою машину в березовое пристанище на кромке леса, подступившего к летному полю.

На фюзеляже его машины нарисована «черная кошка»... Эта «черная кошка» в 97 воздушных боях перебежит дорогу 21 вражескому самолету, лично сбитому Королевым, и 10 в группе с товарищами.

Удостоен звания Героя Советского Союза за боевые действия, мужество, храбрость 27 июня 1945 года.

В 1948 году окончил Высшие офицерские летно-тактические курсы. С 1957 года полковник Королев — в запасе. Жил в городе Ржеве Калининградской области. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. Умер 4 ноября 1957 года.

КОШУКОВ

Вениамин Борисович

Родился в 1922 году в с. Ильинке Тюменской области. В 1928 году семья переехала в Северо-Казахстанскую область. После 8 классов окончил химико-технологический техникум, затем Чкаловскую военно-авиационную школу.

Молодой лейтенант В. Б. Кошуков в сентябре 1942 года получил направление в 190-й штурмовой авиаполк.

В воздушных схватках под Сталинградом Вениамин Кошуков принял боевое крещение, приобрел навыки и смекалку, выработал железную волю и бесстрашие. Его незаурядные качества летчика особенно проявились на Кубани, где развернулись ожесточенные бои по ликвидации немецкой «Голубой линии».

13 февраля 1943 года, выполняя задание по уничтожению бронепоезда противника на разъезде Хабель, он с бреющего полета подавил огневые точки и снарядами разбил бронеплощадку и паровоз. Через два дня атаковал вражескую зенитную батарею, а затем прямым попаданием бомб разрушил железнодорожный мост.

За четырнадцать успешных боевых вылетов, совершенных в сложных условиях гористой местности, 17 февраля 1943 года лейтенант Кошуков был награжден орденом Красного Знамени.

22 февраля летчик-штурмовик вылетел в район станции Славянская. При подходе к цели его самолет попал под зенитный

обстрел, причем прямым попаданием была перебита плоскость и поврежден руль поворота машины. Но Кошуков выполнил боевое задание, дотянул до аэродрома, мастерски посадил самолет.

В один из апрельских дней Вениамин во главе шестерки «ИЛов» встретил в районе станции Крымская 37 «юнкерсов». Врезавшись в плотный строй немецких бомбардировщиков, советские летчики навязали им воздушный бой. Они дрались отчаянно и умело. Потеряв один самолет, противник вынужден был сбросить смертоносный груз в расположение своих войск.

Спустя неделю группа «ИЛ-2» в том же составе вылетела на штурмовку укрепленной высоты под Новороссийском. Несмотря на сильный зенитный огонь, смельчаки заставили замолчать восемь орудий полевой артиллерии гитлеровцев. Воспользовавшись этим, наша пехота овладела господствующей высотой. На обратном пути «ИЛы» подверглись атаке истребителей «Ме-109». Ведущий штурмовик получил серьезное повреждение, но не вышел из боя.

С мая 1943 года лейтенант Кошуков служит командиром звена 622-го штурмового авиаполка в отдельной Приморской армии, участвует в освобождении Крыма.

17 ноября 1943 года молодой лейтенант был удостоен ордена Красной Звезды. Через два дня, штурмуя береговые укрепления противника на Керченском полуострове, он прорвался через шквал заградительного огня, снизился до бреющего полета, обнаружил цель и прямым попаданием снарядов уничтожил склад боеприпасов.

Таких примером мужества и отваги в военной биографии Вениамина Кошукова множество. В декабре 1943 года его назначили заместителем командира авиаэскадрильи.

«Лейтенант Кошуков совершил 120 успешных боевых вылетов на самолете «ИЛ-2», — говорится в наградном листе. — Им уничтожены 87 автомашин, десять танков, девять орудий полевой артиллерии, восемь зенитных точек, четыре склада с боеприпасами, минометная батарея, паровоз, баржа, дзот...».

За образцовое выполнение боевых заданий, мужество, отвагу и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1944 года Вениамину Борисовичу Кошукову присвоено звание Героя Советского Союза.

«После освобождения Севастополя, — вспоминает отец героя Б. Ф. Кошуков, — Вениамину предоставили отпуск для по-

лучения ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» в Москве, а также для поездки к родным. Но дома сын пробыл всего два дня и вернулся на фронт».

В мае 1944 года старший лейтенант Кошуков назначается командиром авиаэскадрильи 622-го Севастопольского полка 214-й Краснознаменной штурмовой авиадивизии 4-й Воздушной армии.

Шли жаркие сражения на подступах к Шауляю и Риге. Ранним утром 19 июля 1944 года ведущий группы «ИЛов» Кошуков вылетел в свой 140-й боевой рейс. Вот и цель. Немедленно передал по рации команду «В атаку!». Черный дым поднялся над горящей фашистской техникой. Вениамин, набрав высоту, снова перевел машину в пикирование. Вдруг глаза ослепила вспышка взрыва. Самолет вздрогнул и потерял управление. Земля полетела навстречу...

Вениамин Кошуков навсегда остался в памяти всех, кто его знал. Он был «красой и гордостью в полку, летчиком-богатырем», — так писали однополчане родителям героя.

— Получено много писем от школьников из Латвии, боевых друзей Вениамина из Уфы, — говорил Борис Фатеевич, — часто приходили петропавловские пионеры. Я благодарен за теплые слова о моем сыне, за то, что его не забывают.

...Вечный огонь, памятники и обелиски — символы любви к героям, отдавшим жизнь за счастье грядущих поколений. Их ратные подвиги вечно будут служить примером беспредельной преданности Родине.

МАТВЕЕВ
Александр Владимирович

Родился в 1915 году в Петропавловске. Здесь же он окончил школу и ФЗО при механическом заводе. Работал токарем, шофером на предприятиях города.

В январе 1940 года по комсомольскому призыву прибыл в Казанское пехотное училище, после окончания которого в мае 1941 года был направлен в 15-ю мотострелковую бригаду. От Сталинграда до Берлина прошел с боями отважный воин. От рядового до гвардии подполковника, от командира взвода до командира батальона вырос Александр Владимирович Матвеев.

Война началась для Матвеева 22 июня 1941 года на западной границе, где он командовал взводом броневиков в мотомеханизированном полку. В тот же день лейтенант принял боевое крещение и был ранен.

А в скольких боях участвовал он со своим батальоном — трудно сосчитать. После Сталинграда битва на Курской дуге, форсирование Днепра, взятие Киева, бои на Днепре и Пруте, в Румынии и, наконец, Польша. Два боевых ордена сияли на груди комбата Матвеева, орден Красной Звезды и Красного Знамени.

И вот новое задание особой важности предстоит ему выполнить. К четырем часам утра батальон был у цели. Подошли

тихо, оставив танки и автомашины позади, чтобы грохотом не привлечь внимание немцев.

Начало светать. В серой мгле вырисовывались шпили костелов, смутно проступали черепичные крыши.

Разведчики в комуфлированных плащ-палатках призраками скользнули в темноту. Не ждут фрицы, спят по домам. Надеются: фронт далеко. Но немцы укрепились здорово. Перед въездом в город — два дзота. Проволока. Зеленая ракета взвилась в воздух: атака! Батальон бесшумно кинулся к городу. В первых домах немцев застали сонными. Ошалелые от внезапного появления, они вскакивали с постелей и в одном белье выскакивали на улицу. Гитлеровцы стали приходить в себя, затрещали немецкие пулеметы, заухали ручные гранаты. Впереди проволочное заграждение и огонь из дзота. Разгоряченный боем комбат сам возглавил блокирующую группу. На обледенелую, ощетинившуюся стальными колючками проволоку полетела шинель с капитанскими защитного цвета погонами. Дзот блокировали и взяли. Гранатами и огнем сопровождавших пушек были подавлены другие огневые точки на перекрестках улиц. Сопротивление врага ослабло. Вражеские укрепления не смогли удержать могучего натиска гвардейцев.

— Управление связи в наших руках, — доложил командир взвода Матвееву.

— Молодцы, действуйте дальше! — И комбат бросился к летному полю. — Ни одному самолету не дадим подняться! — крикнул Матвеев, увлекая за собой бойцов.

В три часа ночи город был взят. А рано утром 16 января Матвеев подсчитал трофеи. В полутора километрах от города на полевом аэродроме стояло 18 исправных немецких самолетов. Захвачено шесть складов с горючим и боеприпасами. В бою уничтожено 250 солдат противника, захвачено в плен 30 фашистов, в том числе 14 офицеров, 2 генерала. Испуганные, угрюмые пленные офицеры стояли, сбившись в кучу, и смотрели на темноволосого молодого русского капитана, который вытирал разгоряченное лицо.

После боя подъехал член Военного Совета армии генерал Латышев, комбат вскочил, подтянулся, готовый доложить о выполнении боевой задачи по всей форме. Но член Военного Совета остановил его и по-отечески обнял.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года Александру Владимировичу Матвееву присвоено звание Героя Советского Союза.

Штурм Берлина батальон Матвеева начал с северной окраины. И все девять дней в полном смысле шел сквозь огонь. Бой за каждую улочку, за каждый дом, за каждый этаж. Впереди рейхстаг со Знаменем Победы, водруженным советскими солдатами. Вот где кончился для Матвеева долгий, тяжелый солдатский путь, начавшийся июньским утром сорок первого в небольшом украинском городке Ралзивимсове.

Десять лет провел в армии Матвеев после войны и, уволившись в запас в звании подполковника в 1955 году, вернулся в Петропавловск и работал в системе хлебопродуктов. Умер 12 декабря 1972 года. Память о нем увековечена в названии одной из улиц Петропавловска.

МАЛИЕВ

Михаил Алексеевич

Родился в 1923 году в г. Кунгуре Пермской области. Перед войной вместе с родителями переехал в г. Петропавловск. В 1941 году М. Малиев Петропавловским райвоенкоматом призывается в Красную Армию. Окончил военно-инженерное училище в 1942 году.

В действующей армии с 1943 года. При форсировании водных рубежей успех наступательных операций во многом зависит от умения и самоотверженности личного состава инженерных войск. Командир взвода 127-го отдельного понтонно-мостового батальона (1-я понтонно-мостовая бригада, Степной фронт) лейтенант Малиев отличился исключительным мужеством и героизмом. 16 октября 1943 года при форсировании Днепра в районе с. Переволочна (ныне село Светлогорское Кобелянского района Полтавской области) противник обрушил на переправы всю мощь своего огня, но саперы понтонно-мостовой бригады, проявляя невиданную выдержку и смекалку, обеспечивали бесперебойную работу переправ.

В этот день лейтенант Малиев вел паром с правого берега на левый. Прямым попаданием артиллерийского снаряда паром был поврежден и пошел на глубину 6 м. Наши части, сражавшиеся на правом берегу, нуждались в боеприпасах, продуктах, пополнении, и лейтенант Малиев решает во что бы то ни стало поднять паром.

Под огнем противника, сбросив верхнее обмундирование, без водолазного костюма, на глубину 6 метров он трижды погружался в воду, стараясь освободить от зажимных и стригерных болтов прогоны и верхний настил парома. Работа в основном была уже закончена. Вот-вот из воды покажется настил. Михаил уходит под воду еще раз. Помогавшие лейтенанту саперы так и не дождались своего командира. Задачу выполнил, но погиб геройской смертью на боевом посту. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 февраля 1944 года посмертно. Награжден орденом Ленина.

Михаил Алексеевич Малиев навечно зачислен в списки воинской части. Героический подвиг Малиева освещен в книгах Пермского и Киевского издательств «Золотые Звезды Прикамья», 3-е издание, Пермь, 1947 г., и «Шел парнишке в ту пору...», Киев, 1985 г.

МИХЕЕВ

Григорий Яковлевич

Родился в 1919 году в Петропавловске. Окончил 10 классов. В 1937 году по специальному набору обкома комсомола направляется в авиацию. В 1939 году окончил Краснодарское военно-авиационное училище. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 года.

Первый день войны он встретил на Западном фронте, где регулярно вылетал на бомбардировку переправ и движущихся колонн противника. Несмотря на господство авиации противника в воздухе, не было случая, чтобы Михеев не выполнил боевое задание.

В тяжелые ноябрьские дни 1941 года, когда фашистское командование начало второе «генеральное наступление» на Москву, Михеев сражался под Москвой. Здесь, как всегда, он показывает высокое боевое мастерство и выполняет все задания командования. Так, 27 ноября 1941 года, возвращаясь с задания, самолет Михеева в районе Истры встретил звено немецких самолетов «Хенкель-113». В воздушном бою один «хенкель» был сбит, а остальные пулеметным огнем рассеяны. Самолет Михеева был поврежден, один мотор выведен из строя. Михеев сумел привести самолет на свою территорию и спас экипаж и машину. В период разгрома немецких войск под Москвой им было уничтожено до двух взводов пехоты, 15 автомашин и 15 повозок противника с боеприпасами.

1 мая 1942 года Михеев как штурман высокого мастерства и сильной воли переводится в 10-й отдельный авиационный

дальнеразведывательный полк. Здесь в качестве штурмана-разведчика он регулярно наблюдает за тылами противника, его аэродромами, передвижением войск и представляет командованию 1-ой Воздушной армии Западного фронта ценные правдивые и своевременные данные. Михеевым были сфотографированы аэродромы противника в районе Брянска, Сещи, Шаталова, Боровской, Смоленска Южного и Северного. По данным его аэрофотосъемки был нанесен удар по аэродромам Брянска и Сещи, организованный командованием 1-ой Воздушной армии.

Особой виртуозности Михеев добился при фотографировании переднего края противника. Летом 1942 года он подверг аэрофотосъемке 4619 квадратных километров переднего края, что дало возможность наземному командованию довести до каждого командира роты данные о том, какие оборонительные сооружения противника находятся перед фронтом каждого подразделения вглубь, на 15—20 км.

Командир 10 отдельного авиационного дальнеразведывательного полка подполковник Родин характеризовал Михеева как «самоотверженного и точного в выполнении заданий, настойчивого, обладающего высокой военной хитростью штурмана-разведчика, работающего на переднем крае, густо насыщенном зенитно-артиллерийским огнем. Каждый полет на разведку выполняет точно в срок, ничто не может задержать выполнения боевого задания: ни огонь зенитной артиллерии, ни истребители противника».

26 августа 1942 года, когда Михеев выполнял задание по аэрофотосъемке переднего края в районе Уколицы, Дурнева, Ожигова, Озерской, немецкие истребители два раза атаковали его самолет. Обманным путем он каждый раз на бреющем полете уходил на свою территорию, изменял курс и снова возвращался для выполнения задания. На третий раз оборона противника была сфотографирована и представлена наземному руководству.

5 сентября 1942 года, несмотря на сильный зенитный огонь противника, им были сфотографированы для нашей авиации дальнего действия в районе Смоленска склады противника, железнодорожная станция «Сортировочная», полностью забитая эшелонами, и штаб воздушных сил центрального фронта гитлеровцев.

16 января 1943 года, получив срочное задание от командования 1-й Воздушной армии по аэрофотосъемке в районе Спас-

Деменска, Михеев вылетел на задание. Сильным заградительным огнем зенитной артиллерии и немецкими истребителями самолет Михеева был сбит с курса, причем самолет получил 14 пробоин.

Михеев не вернулся на свой аэродром, а, уйдя на свою территорию, изменив курс, ушел в тыл противника и вторым заходом выполнил задание.

При проведении операции Советской Армии в районах Волхова, Ржева, Зубцова, Погорелова-Городища были использованы материалы аэрофотосъемки, что во многом способствовало ее выполнению. С 22 июня 1941 года по 6 марта 1943 года Михеевым совершено 114 боевых вылетов, из них успешно выполненных — 104. Из них на бомбардировку — 27 боевых вылетов, успешно выполненных — 27, на дальнюю разведку — 87, успешно выполненных — 77. За этот период военных действий 23 июля 1942 года Михеев награжден орденом Красного Знамени, 5 ноября 1942 года — орденом Красной Звезды, Указом Верховного Совета СССР от 24 мая 1943 года удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». После присвоения звания Героя Советского Союза капитан Михеев еще с большей энергией продолжает вести боевую работу, фотографирование оборонительных рубежей и переднего края обороны в районах Дорогобужа, Ярцева, Ельни, Спас-Деменска, Жиздры и др. За образцовое выполнение этих заданий был награжден в августе 1943 года орденом Отечественной войны первой степени.

Чем дальше продвигается линия фронта, тем более становится незнакомой местность, тем чаще командованию требуются сведения, добываемые дальней авиаразведкой. И Михеев, мастерство которого растет от полета к полету, добывает их. Регулярно, надеясь только на свое умение, он уходит в далекий тыл и проводит аэрофотосъемку. И когда победа уже была близка, Григорий Михеев с задания не вернулся. Это было 5 февраля 1945 года.

Бессмертно его дело! Бессмертно его имя. Оно никогда не сотрется в памяти потомков.

ОВСЯННИКОВ

Владимир Васильевич

Родился в 1923 году в г. Петропавловске. Окончил 7 классов. Затем жил в г. Куйбышеве. В Красной Армии с 1942 года. В этом же году окончил артиллерийско - минометное училище в г. Пензе.

В Великой Отечественной войне с июля 1942 года. Трижды ранен. Помощник начальника штаба 1664-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка РГК 40-й армии Воронежского фронта, старший лейтенант. 19 сентября 1943 года в районе форсирования реки Днепр на участке полка противник под прикрытием сильного артиллерийского огня с высоты 175,1 северо-западнее хутора Калинивщина, перешел в контратаку на позиции 4-й батареи, пытаясь обойти ее и овладеть хуторами Бухалов, Виблица. Подпустив врага на дистанцию до 300 м, артиллеристы стали расстреливать гитлеровцев из орудий прямой наводкой. Овсянников лично руководил огнем 2 батарей у села Красная Лука (Годячский район Полтавской области), был дважды ранен, но не покинул поле боя, продолжал управлять огнем батареи.

Когда кончились снаряды, Овсянников вместе с подошедшими пехотинцами повел воинов в атаку. Отбив контратаку, обеспечил пехоте продвижение вперед, но в этом бою погиб.

Звание Героя Советского Союза Овсянникову присвоено 23 октября 1943 года посмертно. Награжден орденом Ленина. Похоронен на западной окраине д. Красная Лука Годячского района Полтавской области.

ПОЗОЛОТИН

Тимофей Семенович

Родился в 1908 году в с. Явленке Ленинского района Северо-Казахстанской области. В октябре 1930 года Т. Позолотина призвали в Красную Армию. Накануне Великой Отечественной войны Т. С. Позолотин служил в 47-м танковом полку 29-ой мотострелковой дивизии. Здесь вступил в члены КПСС.

На фронте Великой Отечественной войны с июня 1941 года.

Кадровый командир Красной Армии старший лейтенант Позолотин встретил начало Великой Отечественной войны на западной границе Родины, в Белоруссии. Идут тяжелые оборонительные бои с гитлеровскими захватчиками. Воины 47 танкового полка огнем прикрывают отход частей и подразделений 29-й мотострелковой дивизии с одного рубежа обороны на другой. Среди танкистов и Тимофей Семенович Позолотин. В одном из боев он был ранен, но продолжал выполнять боевой приказ и лишь после второго ранения согласился отправиться в госпиталь.

После выздоровления в боях под Москвой командовал батальоном танковой бригады. За умелое командование, мужество и отвагу, проявленные при разгроме немцев под Москвой, награжден орденом Красного Знамени.

В письме к землякам Позолотин писал: .

«Не посрамил я чести красного воина. Там, где появлялось мое подразделение, не было пощады фрицам. Идя в бой, я

не забывал о том, что наш район назван великим именем Ленина и свято выполнял наказ своих колхозников».

К тому времени, когда писалось это письмо, Позолотин в боях за Родину получил уже десять ран, но это не вывело его из строя славных защитников Родины. Немного окрепнув в прифронтовом госпитале, он снова шел в бой и, пылая жгучей ненавистью к врагу, с удвоенной силой уничтожал кровавых гитлеровских разбойников.

В том же письме Тимофей Семенович от своего имени и бойцов дал клятву землякам еще крепче драться с ненавистными бандами Гитлера, беспощадно истреблять немецко-фашистских оккупантов.

«В этом порукой, — писал он, — наше крепкое слово североказахстанцев».

В 1942 году способного офицера-танкиста направили учиться в Военную академию механизации и моторизации.

После окончания академии командир 17-го гвардейского танкового полка (1-й гвардейский механизированный корпус, 3-я гвардейская армия, Юго-Западный фронт) гвардии подполковник Позолотин в декабре 1942 года умело организовал маневр.

Его полк в излучине Дона вышел в тыл частям II-й румынской и 62-й немецкой пехотным дивизиям, нанес врагу сокрушительный удар, разгромил два вражеских соединения, уничтожив около 10 тысяч солдат и офицеров противника, а остальных взял в плен. Президиум Верховного Совета СССР за эту операцию 26 декабря 1942 года Позолотину Тимофею Семеновичу присвоил звание Героя Советского Союза. Имеет награды: ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени.

В жарких наступательных боях прославилось имя подполковника Позолотина. Закалившийся в огне боев, воодушевленный любовью к Родине, окрыленный волей к победе, он научился «распознавать» тактику противника, нащупывать его слабые места, уметь навязывать врагу свою волю, объединять своих бойцов в могучую силу, способную сломить любое сопротивление врага.

В передовой статье «Правды» от 27 декабря 1942 года «Уменье побеждать», посвященной искусным военачальникам Красной Армии, написано: «Большой боевой путь прошел Герой Советского Союза полковник Т. С. Позолотин. Он был

командиром танкового батальона, затем заместителем командира танковой бригады. Когда командир бригады выбыл из строя, тов. Позолотин занял его место и продолжал энергично руководить боевой операцией. Будучи сам ранен, он оставался в строю, управляя боем. Требовательный, знающий, волевой командир, он и сейчас блестяще провел операцию по разгрому крупных сил противника».

А сам Позолотин в январе 1943 года писал жене: «Почитай газету «Правда» за 27 декабря, и ты узнаешь, что я сдержал свое слово, данное тебе. Я жестоко отомстил за стариков, за братьев. 10 с лишним тысяч немцев положили на подступах к Сталинграду свои головы под гусеницами танков моего гвардейского полка. Даже дорогу, по которой прошла моя часть, называют теперь «позолотинским трактом». Даже пленные, захваченные позже, говорили, что от боя с танками «головореза» Позолотина уклоняются. Но, к их великому сожалению, этого не получается, потому что я ищу их и заставляю принять бой.

Правду скажу, никогда не думал быть героем. Дело, которое я делал, казалось обычной моей работой, а получилось, что уж больно много шума. Что ж, еще раз даю тебе слово, что честь эту я оправдаю и в предстоящих боях еще сильнее, еще хитрее буду бить врага».

И Позолотин сдержал свое слово. Он был грозой для фашистских захватчиков. С мая 1943 года Позолотин командовал 19-й гвардейской танковой бригадой, участвовавшей в Белгородско-Харьковской операции. Немецкое командование, опасаясь окружения своих войск в районе Харькова, предприняло контрнаступление силами танковых дивизий СС. 19-я гвардейская танковая бригада отбила все атаки и сорвала замыслы фашистов. В июле-августе участвовал в кровопролитных боях на Курской дуге. Раненный 21 августа 1943 года, он не покинул боя, продолжал руководить сражением. 19 сентября 1943 года во время боя от вражеского осколка у местечка Бабанское пал смертью храбрых на боевом посту.

Гроб с телом героя со всеми воинскими почестями был доставлен самолетом с Украины в Москву. Похоронен Т. С. Позолотин на Новодевичьем кладбище в Москве. В г. Петропавловске его именем названа одна из улиц.

ПОДОРОЖНЫЙ

Николай Алексеевич

Родился в декабре 1924 года в г. Петропавловске.

С первых дней фронтовой жизни Николая Подорожного привлекала профессия разведчика. Но попал он в разведку лишь после того, как стал бывалым воином. Орел, Брянск, Коростень... Нелегкими фронтовыми дорогами шел Подорожный.

«Лето 1943 года было особенно жарким, — вспоминает Николай. — Назревала битва на знаменитой Курской дуге. Дивизия, где я служил, держала оборону на Орловском направлении. Наблюдательный пункт нашей батареи находился на безымянной высоте. Мы, разведчики, расположились в блиндаже с накатом в два ряда бревен. Первая траншея противника проходила по скатам небольших высот. Перед ней тянулся высокий проволочный забор. Местность кругом изрезана многочисленными оврагами и перелесками, что давало противнику возможность скрытного передвижения. Мы догадывались, что немцы готовятся к наступлению, но не знали, когда начнут. Меня, комсорга батареи, вызвал комсорг дивизиона лейтенант Шарохин. Он рассказал о тревожной обстановке. На участке соседней дивизии был взят в плен немецкий сапер, показавший, что фашисты подготовились к наступлению и начнут его на рассвете 5 июля.

Они начали его на южном и северном фале Курского выступа. Восемь долгих июльских дней и ночей на Курской земле клокотало пламя ожесточенных оборонительных сражений. Но на нашем участке держалась тишина. Лишь 12 июля, едва над дубравами, холмами и оврагами забрезжил рассвет, грянула артиллерийская подготовка. Вздрогнула земля. Все смешалось в ревущем звуке реактивных установок и грохоте тысяч орудий. По сигналу атаки наша пехота двинулась вперед. Траншеи нашего переднего края сразу опустели. Через два часа оборона противника была прорвана...

Как-то командир полка поставил перед разведчиками задачу — доставить «языка». Ночью по водосточной канаве семь разведчиков прошли в тыл врага незамеченными, но им не повезло. На рассвете на опушке леса они заметили дом с усадьбой, у которой стоял часовой. «Надо снять», — решил командир. Но тут из-за сарая появились еще два фашиста. Раздался винтовочный выстрел из окна. В завязавшейся перестрелке ранило двух наших разведчиков. Едва дом очистили от гитлеровцев, как в усадьбе снова появились вражеские солдаты. Путь отхода разведчиков был отрезан. Уже до 150 гитлеровцев окружили усадьбу и подожгли сарай, где держали оборону наши воины. Казалось, гибель неминуема. Но смельчаки прорвались, забросав фашистов гранатами». За этот подвиг Подорожный был представлен к ордену Славы III степени, и его направили на армейские офицерские курсы.

Закончив армейские курсы, Подорожный стал младшим лейтенантом, командовал стрелковым взводом, был комсоргом батальона.

Успешно продвигались наши войска на запад, форсировали Вислу. Дивизия подошла к Одеру. Младший лейтенант Подорожный вспоминает: «Нашу пехоту посадили на танки. Танковому десанту поставили задачу стремительным маршем продвигаться в направлении города Вангровец.

Мы отправились в разведку. Отъехав километра два, заметили идущие нам навстречу вражеские машины, два грузовика с закрытыми кузовами. Они шли уверенно, не подозревая об опасности. Немцы не успели даже опомниться, как их грузовики были раздавлены. Танк тихо тронулся и пошел осторожно, иногда пробуксовывая на снегу. Было тихо, лишь с юго-запада доносились артиллерийские залпы. Там — на Берлинском направлении — шли ожесточенные бои. По дороге к перекрестку двигалась вражеская колонна. Впереди полз «тигр», за ним следовали грузовики, вероятно, с пехотой. Они приближались к нам.

— Тут не избежать боя, — проговорил танкист. — Надо сообщить командиру. Карасев, — крикнул он стрелку-радисту, — передавай «пятому»: вижу противника. Вступаю в бой!

До подхода наших надо было продержаться. Мы залегли в кювете и принялись устраивать в снегу ячейки для стрельбы, а танк стал разворачиваться в сторону противника. Немцы двигались без боевого охранения, спокойные и самоуверенные. Показался головной танк. На броне его красовался белый крест. Из башни виднелась голова командира. Длинный ствол нашей «тридцатьчетверки» немного опустился вниз, выбирая уязвимое место во вражеском танке. Выстрел грянул неожиданно и звонко. Из-под левой гусеницы «тигра» пополз дымок. Снова выстрел. У вражеского танка вылетел каток. Снова удар. Прямое попадание — и с танка сорвалась башня, из машины повалил дым».

Подорожный получил приказ обеспечить переправу на западный берег реки Одер группы бойцов 448-го стрелкового полка. Бесшумно поднесли лодки к траншеям, тщательно их замаскировали. Утомленные боями, воины могли отдохнуть, но им не спалось. Все знали — плыть придется под обстрелом врага. Раздался грохот артиллерийской канонады. И тут же команда: «В лодки!». Подорожный возглавлял операцию. Торопливо гребли воины, стояла зловещая тишина. Вот уже середина реки. Фашисты, словно опомнившись, стали бить по лодкам фаустпатронами.

— Поплывем, — обратился Подорожный к лейтенанту Килевому. И вот они уже в ледяной воде. Фашисты открыли огонь из пулемета. Офицеры ныряли и появлялись над водой, чтобы набрать воздух в легкие. Прибрежные кусты укрыли их от глаз врага. Подорожный заметил метрах в пятидесяти гитлеровские траншеи. Фашисты вели наблюдение за восточным берегом. Этим и воспользовался Подорожный, вдоль берега разыскивая своих. И вскоре отыскал девять солдат, тоже в числе первых форсировавших водную преграду. Комсорг взял командование этой группой на себя. Мокрые, утомленные, без пищи, держались они на вражеском берегу. На вторую ночь к плацдарму, занятому группой Подорожного, подошла лодка со станковым пулеметом и пулеметчиками. Враг обнаружил храбрецов. Их атаковала целая рота гитлеровцев. В кустах, где заняла оборону группа Подорожного, стали рваться фаустпатроны. Горстка храбрецов 22 апреля 1945 года в течение 24 часов отбивала яростные атаки проти-

вника. Подорожный личным примером, героизмом и отвагой воодушевлял бойцов. Когда были ранены пулеметчики, он занял место у пулемета. Группа, получив подкрепление, ринулась в атаку и захватила траншеи противника. Разгоряченный боем, чуть не погиб Подорожный в рукопашной схватке: на изгибе траншеи фашист пытался нанести ему удар ножом в спину, выручили солдаты.

За мужество и героизм, проявленные при форсировании реки Одера, Николаю Алексеевичу Подорожному Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза. За годы войны имеет 18 правительственных наград.

Войну Николай Алексеевич закончил на Эльбе. После войны разведчик находился по-прежнему на переднем крае. Охранял священные рубежи нашей Родины. Свой богатый опыт передавал молодым пограничникам. Затем демобилизовался, возвращение в Махачкалу, учеба в Дагестанском университете, преподавательская работа.

СВЕЧНИКОВ
Павел Семенович

Родился в январе 1926 года в с. Коноваловке Сергеевского района Северо-Казахстанской обл. В 1932 г. его семья переезжает в г. Фрунзе, где он вырос и был призван в Красную Армию.

Чтобы добиться отправки в действующую армию и отомстить за павшего смертью храбрых отца, Павел прибавил себе год и в 1943 году прямо со школьного порога шагнул в войну. И... встал навсегда на пьедестале бессмертия.

Наводчик орудия 317 гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка (47 армия, Воронежский фронт) гвардии сержант Свечников в составе расчетов в конце сентября 1943 года преодолел Днепр в районе Студенец (Каневский район Черкасской области), уничтожил несколько огневых точек противника, чем способствовал захвату плацдарма и обеспечению переправы других подразделений. 17 октября 1943 года в единоборстве с немецкими танками и самоходными пушками проявил отвагу, мужество и стойкость. Вражеский танк подошел на расстояние 30—40 метров, между ним и орудием сержанта Свечникова завязалась дуэль.

Танк был сражен метким выстрелом, и когда командир орудия вышел из строя, Свечников принимает на себя командование и продолжает вести бой с наседающими танками.

Благодаря его смелым и решительным действиям было подбито два танка и уничтожено до 15 солдат.

За этот боевой подвиг П. С. Свечникову 24 декабря 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

О последнем бое Свечникова рассказывал Герой Советского Союза Г. В. Голицихин: «Это было под городом Уманью Украинской ССР. Наш полк подошел к передовой, за ночь мы окопались. Фашистские танки, с которыми предстоял бой, расположились вдоль железнодорожного полотна на выгодной для себя позиции. В тяжелом бою противнику удалось вывести из строя орудие Свечникова. Погиб весь расчет, а сам Павел был тяжело ранен и направлен в медсанбат, но при транспортировке скончался от ран».

В селе Кызыл-Ту Сокулукского района Киргизской ССР его именем названа улица.

СКАЧКОВ

Виктор Михайлович

Родился в 1923 году в с. Давыдовке Половинского района Курганской области. После смерти отца Скачковы переехали в Кзыл-Аскерский совхоз Мамлютского района Северо-Казахстанской области. Работал учителем в школе, преподавал химию, черчение, рисование.

В Красной Армии В. Скачков с 1940 года. Война застала его в Белоруссии. Началось тяжелое лихолетье. Во время тяжелых оборонительных боев не раз приходилось ему, как и другим пехотинцам, отражать танковые атаки.

Взвод, прикрывавший их отступление, был обстрелян. Шальной осколок ударил Виктора по левой руке выше локтя, брызнула кровь, но Виктор отказался от услуг санинструктора, не ушел из части, продолжал бой. Вскоре его ранило второй раз в ногу и только после третьего ранения он направляется в госпиталь.

Рапорт за рапортом получал от Виктора начальник госпиталя: «Чувствую себя хорошо. Прошу выписать досрочно и направить на курсы механиков-водителей танков...». Он добился своего. Был направлен на курсы механиков-водителей в г. Челябинск, а затем в 1-е Гвардейское орденоносное танковое училище им. В. И. Ленина в г. Ульяновск. Училище окончил с отличием и был направлен в 8-й отдельный гвардейский танковый Краснознаменный полк.

Уже в первых боях за освобождение Прибалтики экипаж тяжелого танка «КВ», где механиком-водителем был гвардии

младший техник-лейтенант В. М. Скачков, уничтожил 4 немецких танка, в том числе один «тигр», несколько самоходных орудий и пулеметных гнезд.

24—25 декабря 1944 года, при прорыве сильно укрепленной обороны противника под латвийским городом Пиэнава, отважный воин смело вывел танк к переднему краю, уничтожил несколько огневых точек противника. Умелые действия Виктора Скачкова во многом способствовали прорыву вражеской обороны.

26 декабря 1944 года немцы предприняли яростную контратаку 20 танками и самоходными орудиями. Встречным ударом наши танкисты остановили наступавших. Во время боя танк Виктора Скачкова был подбит, а все члены экипажа ранены.

Дав команду боевым товарищам отходить к своим, Виктор Скачков пытался завести отказавший мотор и вернуть боевую машину в строй. Фашисты обрушили на неподвижный танк огонь всей своей уцелевшей техники. Разрывом артиллерийского снаряда отважный танкист был тяжело ранен. Загорелся мотор машины. Охваченный пламенем, верный сын Родины сгорел вместе с танком, но не оставил боевую машину.

За проявленное мужество и геройство на поле боя Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Виктору Скачкову присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно.

В 1968 году благодарные земляки-кзыласкерцы установили памятник герою Виктору Михайловичу Скачкову на центральной усадьбе совхоза. Его имя носит Кзыл-Аскерская средняя школа. На самом видном месте висит здесь портрет В. Скачкова.

УЩЕВ
Борис Петрович

Родился в 1915 году в г. Петропавловске. Школьные годы прошли в г. Омске. В 1935 году поступил в Ленинградский институт железнодорожного транспорта. Но когда учился на втором курсе, его пригласили в райком комсомола. Ему предложили перейти в военно-морское училище. Так по рекомендации комсомола студент Б. Ущев стал курсантом военно-морского училища им. Фрунзе. После окончания в 1939 году училища Б. Ущев в звании лейтенанта был направлен на Балтийский флот.

Начало войны застало молодого лейтенанта Ущева в Таллине, где тогда были сосредоточены корабли Балтийского флота. В первый месяц войны немецкая группа «Север», прорвав фронт обороны 8-й армии, вышла к Финскому заливу, отрезав советские войска, сражавшиеся в Эстонии, от основных сил, с боями отступавших к Ленинграду. В этих условиях Советское Верховное Главнокомандование приказало командованию Балтийского флота защищать Таллин до последней возможности, так как он остался единственным портом, через который шло снабжение отрезанных войск и их эвакуация.

Торпедные катера под командой Б. П. Ущева наводили ужас на немецких захватчиков. Гитлеровцы смертельно боялись торпедного катера, на котором плавал Ущев. «В море Ущев, в море Ущев...» — непрерывно открытым текстом передавали фашисты по радио, обнаружив катер командира звена.

28—29 августа 1941 года во время прорыва нашего флота из Таллина в Кронштадт звено Ущева надежно обеспечивало охрану крейсера «Максим Горький». Проводив свои корабли, катера Б. П. Ущева вернулись к Моонзундским островам, где действовали на коммуникациях противника, топя его боевые корабли и десантные баржи. Только в течение 1941 года командир бригады катерников Б. П. Ущев провел 24 операции. Нес ночной дозор с поиском противника. Провел несколько дерзких операций в тылу врага: высадил три десантных группы на латвийский берег и на остров Аэгна, минировал подходы к городу Хельсинки и другим базам гитлеровцев.

27 сентября 1941 года в бухте Лыу у острова Сарема торпедные катера Б. П. Ущева потопили крейсер «Кельн» водоизмещением 6000 тонн и три фашистских эсминца. В этом бою команда катера Ущева, состоящая из 6 человек, спасла экипаж с подбитого и тонущего нашего катера.

В конце октября 1941 года, когда немцы захватили остров Даго, советские катера под огнем береговых батарей и кораблей противника сняли с острова не успевших эвакуироваться бойцов и офицеров, доставив спасенных в расположение наших войск.

Документы тех лет по-военному кратко сообщают о боевых делах Ущева Б. П.: «В 1942—1944 годах Ущев провел 51 операцию по минированию подходов к базам и на коммуникациях противника. Выставлено более 1500 мин. На выставленных минных банках наблюдались взрывы кораблей неустановленного типа. При выполнении операций дважды взрывался на минах...».

Это было время, когда враг стоял у стен Ленинграда, когда балтийские моряки встали непреодолимой стеной на морском пути к осажденному Ленинграду. Ущев был на самом переднем крае — на острове Лавенсари. Именно этот островок длиной в три и шириной в два километра, затерявшийся в Финском заливе, преградил путь к Кронштадту. «Мощный» — вот новое имя этого острова. «Костью в горле» называли фашистские генералы островок и делали все, чтобы выбить с него героических защитников. Но они выстояли. Каким образом? Об этом мало кто знал и во время войны, и после нее. Здесь редко бывали военные корреспонденты, писатели. Газета «Комсомольская правда» в № 44 от 22 февраля 1966 года писала: «За активные боевые действия в труднейших условиях блокады, за стойкость и героизм, проявленные в боях, пе-

рвому дивизиону торпедных катеров было присвоено гвардейское звание, а командиру 2 отряда этого дивизиона Ущеву Б. П. были вручены два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, медаль «За оборону Ленинграда» и присвоено звание капитана 3 ранга».

В период разгрома немецких войск под Ленинградом в 1944 году и освобождения Прибалтики командир 2-го дивизиона торпедных катеров Ущев Б. П. принимал активное участие в высадке десантов на острова Финского залива и на побережье Прибалтики, участвовал в боях с немецкими кораблями.

20 июня 1944 года было получено сообщение, что у острова Нарва, только что захваченного нашим десантом, появились корабли противника. Это были миноносец и два тральщика.

Ущев направил два крейсера на атаку миноносца, а третий — на тральщики. Фашистский миноносец потоплен, а его команда взята в плен.

За мужество, отвагу и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года Ущеву Борису Петровичу присвоено звание Героя Советского Союза.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны дивизион торпедных катеров, которым командовал Ущев, прорвался в порт Данциг. Систематическими действиями из этого порта советские торпедные катера нарушили одну из последних коммуникаций противника, по которой шло снабжение и эвакуация фашистских войск, окруженных в Восточной Пруссии. Здесь советскими моряками под командой отважного капитана Ущева были потоплены два крупных вражеских транспорта и две десантные баржи.

До самого последнего дня войны он участвовал в боевых операциях. После окончания Великой Отечественной войны, закончив курсы при Военно-морской академии, 16 лет отдал Краснознаменному Балтийскому флоту, командуя кораблями и передавая свой боевой опыт морякам. Энергичная общественная работа не прекращалась и после ухода в запас. «У современной молодежи, — говорил Борис Петрович, — должны воспитываться прежде всего качества, которые нужны и необходимы как в мирное, так и в военное время. Эти качества человека, воплощающего в себе честность, добросовестность, беспредельную преданность Родине и своему народу».

С 1972 года капитан 1 ранга Ущев — в запасе. Живет в Ленинграде.

В 1985 году Борис Петрович побывал на родине — в Петропавловске, посетил школы города, Государственный архив, с которым ведет переписку 15 лет.

В Петропавловске его именем названа одна из улиц, корабль, на котором в первые годы войны служил Ущев Б. П., поставлен на пьедестал, стал памятником в честь боевых дел балтийских катерников.

ХИМЕНКО

Андрей Максимович

Родился в 1915 году в с. Елизаветовке Совет-ского района Северо-Казахстанской области. В 1927 году вместе с родителями переехал в г. Фрунзе. Работал почтальоном, бухгалтером конторы «Союзпечать». В 1939 году вступил в чле-ны КПСС.

В октябре 1941 года А. Хименко был призван в Красную Армию. На фронте с февраля 1942 года, стрелок 117-го гвардейского полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. Затем его перевели в другую воинскую часть.

Подразделения полка подошли к реке Висле. Командир 2 батальона гвардии старший лейтенант Карнушенко вызвал на КП командира 5-й роты Данилянца.

— Товарищ лейтенант, только что поступил приказ командира полка. Нашему батальону поставлена боевая задача форсировать Вислу, захватить плацдарм и во что бы то ни стало удержать его. Ваша рота пойдет в первом эшелоне.

Долго ждать не пришлось. После двадцатиминутной артподготовки 5-я рота под оружейно-пулеметным огнем стала подбираться к реке. Парторг роты гвардии рядовой Андрей Максимович Хименко с четырьмя бойцами первыми вошли в воду. Несмотря на яростный огонь противника, они успешно форсировали реку, за ними на западный берег Вислы переправились остальные бойцы роты.

В нескольких метрах от берега гитлеровцами была проложена большая дамба, с насыпи ее беспрерывно бил крупно-

калиберный пулемет. Его огонь заставлял наших бойцов прижиматься к земле. Парторг Хименко на глаз прикинул расстояние до вражеского пулемета. Подозвав к себе пулеметчика Ардашева, дал ему указание уничтожить огневую точку врага. Очереди пуль прошили воздух. На мгновение вражеский крупнокалиберный пулемет затих, но как только гвардейцы поднялись с земли, он снова открыл огонь. Хименко подполз к Ардашеву.

— Павел Иванович, выдвинься немного вперед, во фланг, откуда тебе лучше будет видно место укрытия врага. — Несколько коротких очередей — и вражеский пулеметчик уткнулся носом в бруствер окопа. Путь был открыт.

— Вперед, товарищи! — прозвучал голос парторга. Бойцы поднялись, преодолели дамбу, вскочили в траншеи врага.

Бой в траншеях был недолгим. Гитлеровцы отступили во вторую линию траншей и открыли огонь. Захлопали мины, с острым воем проносились снаряды вражеских пушек. Едкий дым резал глаза бойцов. Но они шли вперед, увлекаемые командиром роты Данилянцем и парторгом Хименко. Разгоряченные боем, гвардейцы хлынули на вражеские позиции. В рукопашной схватке был ранен лейтенант Данилянц. Бойцы дрогнули. Смело принял на себя командование ротой гвардии рядовой Хименко и повел ее на штурм деревни Осембору. Противник бросил против роты семь самоходных пушек и до 150 солдат и офицеров. Наша артиллерия ударила по вражеским позициям.

— Приготовить гранаты! — скомандовал Хименко. — Огонь!—И гвардейцы бросились в атаку, оставив на поле боя 102 вражеских трупа. Сам Хименко истребил в этом бою более 10 гитлеровцев, одного офицера взял в плен.

Благодаря умелому командованию и личной отваге, задача, стоящая перед ротой, была выполнена с малыми потерями.

«Имя парторга Андрея Хименко, — писала в те дни дивизионная газета, — среди бойцов всей части стало символом отваги и мужества».

Сотни километров прошел с боями парторг Хименко. 30 июля 1944 года за проявленное мужество в бою с немецкими захватчиками он был награжден медалью «За отвагу», а 24 марта 1945 года за героические действия при форсировании Вислы ему присвоено звание Героя Советского Союза.

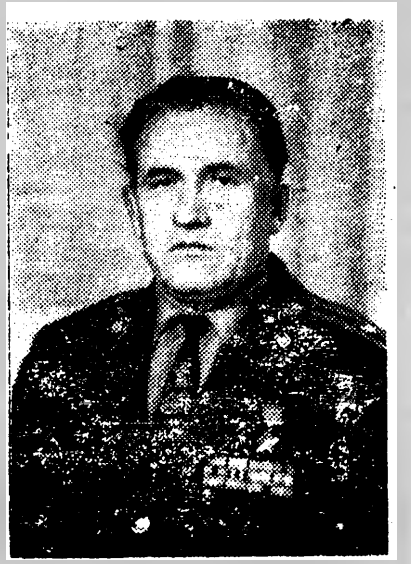
Андрей Максимович не дожил до того дня, когда был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания героя.

6 октября 1944 года в бою у села Подосье, отражая яростные контратаки противника, парторг 5 роты Химeнко погиб героической смертью. На следующий день во всех ротах полка состоялись беседы о боевом пути парторга Химeнко. Ефрейтор Прудских написал в заявлении: «Прошу принять меня кандидатом в члены партии. Я хочу заменить погибшего от рук немецких фашистов коммуниста Андрея Химeнко».

Химeнко похоронен в селе Эдуардов (ПНР). Навечно зачислен в списки воинской части.

ЧИЖИКОВ

Филипп Васильевич



Родился в 1923 году в деревне Березовке Соколовского района Северо-Казахстанской области. Андрей рано лишился родителей, родным домом для него стал Архангельский детский дом.

В 1934 году колхоз «Новая жизнь» Петропавловского района взял на воспитание из детского дома шестерых детей-сирот, среди которых был и Филипп Чижиков. Шли годы, Филипп стал комсомольцем. 20 мая 1942 года Петропавловский райвоенкомат призвал Чижикова в Красную Армию и сразу же направил в учебный батальон 44 стрелкового полка, располагавшегося в Борках рядом с городом Петропавловском. По окончании курсов младших командиров с июля 1942 года — на фронте, в составе 25-ой гвардейской стрелковой дивизии 6-й армии Юго-Западного фронта. Филипп Васильевич вспоминает: «С прибытием на передний край в должности командира отделения вступил в бой в тот же день. Отбивая атаки наступающих фашистов, солдаты отделения ни разу не дрогнули, а пулемет «максим» не подводил, бил точно, безотказно и беспощадно. В марте 1943 года наш пулеметный взвод скрытно от противника проник в город Валки Харьковской области и открыл по противнику огонь. Враг был в панике, имел большие потери. Город был взят, захвачено много трофеев и пленных».

25-я стрелковая дивизия вышла к Днепру. Могучая река широко расплеснула свои воды. На отлогом берегу в густых зарослях — разведчики. Впереди обрывистый правый берег.

Приказ командования — переправиться через Днепр, закрепиться на правом берегу и, вклинившись в оборону гитлеровцев, захватить и удержать плацдарм.

«Форсирование Днепра, расширение плацдарма — от одного воспоминания по коже мурашки ходят, до сих пор во сне мелькают ужасы войны, — вспоминает Чижиков. — Без передышки с боями мы подошли к Днепру и в ту же темную ночь последовал приказ: форсировать на скоро сбитых плотах, рыбацких лодках. Враг заметил, открыл ураганный огонь, несмотря ни на что, я со своим отделением и взводом первыми высадились на правый берег и с криком «Ура!» бросились на штурм фашистских окопов, уничтожили пушечные огневые точки, выбили из окопов и устремились вперед. Настал рассвет, немцы перешли в контрнаступление. Несмотря на преобладание силы немцев, наш взвод отразил 20 атак. Трое суток шел бой. Немцы бросили на горстку воинов танки. Солдаты мужественно и насмерть стояли до прибытия наших войск. Это был поединок силы, мужества и характера советского солдата».

23 октября 1943 года переправившаяся на правый берег Днепра (с. Войсковое, Солонянский район) 25-я стрелковая дивизия начала битву за расширение плацдарма. Продвигаясь первым в боевых порядках части, гвардии сержант Филипп Чижиков огнем своего пулемета уничтожил более 30 гитлеровцев.

В своих воспоминаниях о сентябрьских боях Ф. Чижиков пишет: «Солдатами моего отделения было уничтожено более четырехсот фашистов, два танка и два дзота. Командование за подвиги 22 февраля 1944 года удостоило меня звания Героя Советского Союза». При форсировании Днепра Чижиков был тяжело ранен. В госпитале города Днепропетровска член Военного Совета Юго-Западного фронта вручил гвардии сержанту Чижикову орден Ленина и Золотую Звезду Героя.

По выздоровлении был направлен в 69 стрелковую дивизию 3-го Украинского фронта командиром взвода дивизионной разведки. Далее школа офицеров, освобождал Австрию, Венгрию. В ноябре 1945 года демобилизовался. Жил в г. Ишиме Тюменской области, работал в управлении охраны общественного порядка. Майор внутренней службы в отставке Чижиков живет в Воронеже.

ПОЛНЫЕ КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СЛАВЫ

БАТЫРЕВ
Яков Иванович

Родился в 1910 году в с. Ново-Михайловке Пресновского района Северо-Казахстанской области. В июле 1941 года Пресновским райвоенкоматом призван в ряды Красной Армии и зачислен в 314 стрелковую дивизию, сформированную в г. Петропавловске. В составе этой дивизии участвовал в боях под Ленинградом.

В дни прорыва блокады Ленинграда в феврале 1943 года был ранен. По выздоровлении был направлен в 218 стрелковую дивизию. Был ранен второй раз в июне 1943 года. Третье ранение получил в январе 1944 года в боях в составе 78 стрелковой дивизии. После излечения в госпитале в мае 1944 года старшина Батырев назначается помощником командира взвода 40 отдельного саперного батальона 46 стрелковой дивизии. В составе этого батальона Я. Батырев воевал до конца войны с гитлеровской Германией, проявил отвагу в тяжелых наступательных боях.

В течение ночей 12 и 13 января 1945 года Батырев с группой бойцов выполнял боевую задачу по разминированию минных полей, лично снял 318 противотанковых и противопехот-

ных мин противника. В ночь на 14 января 1945 года, будучи старшим группы, сапер умело организовал проделывание проходов в проволочном заграждении противника, лично проделал один проход, что способствовало успешному прорыву сильно укрепленной обороны противника.

Ратный подвиг бесстрашного сапера Батырева Якова Ивановича был высоко оценен командованием и правительством Он награжден орденом Славы III, II и I степени.

В октябре 1945 года полный кавалер ордена Славы вернулся в родную Пресновку. Работал трактористом, комбайнером, помощником бригадира, бригадиром. В последние перед уходом на пенсию годы в связи с ухудшением здоровья работал охранником.

ДАРМЕНОВ
Амреш

Родился в 1922 году в ауле Жалтырша Пресногорьковского района Кустанайской области (ныне Жамбылский район Северо-Казахстанской области).

На фронтах Великой Отечественной войны с декабря 1941 года. Рядовой красноармеец 4 роты 609 стрелкового полка 139 стрелковой дивизии. Участник обороны Ленинграда. В составе штурмовой группы Дарменов показал себя мужественным и храбрым воином. Одним из первых ворвался в траншеи противника и уничтожил семь вражеских солдат. За этот подвиг Дарменов А. был награжден 22 апреля 1944 года орденом Славы III степени.

Войска 2-го Белорусского фронта успешно продвигались на запад, освобождая родные города и села. Отважный красноармеец Дарменов не раз в бою отличался исключительной храбростью и солдатской находчивостью. Он стал разведчиком взвода внешней разведки родного 609 стрелкового полка.

В боях за деревню Горбачи Могилевской области 26 июня 1944 года, рискуя жизнью, первым ворвался в деревню и из

личного оружия — автомата, ранил офицера и взял его в плен, который при допросе дал ценные сведения. Через два дня в боях за город Могилев, находясь в дозоре, Дарменов первым встретился с противником и из личного оружия убил 8 солдат противника и 5 солдат взял в плен. Смелые действия Амреша в этих боях были отмечены в августе 1944 года орденом Славы II степени.

Советские войска с боями вступили на территорию Германии. Настроение у всех было приподнятое, враг, вероломно напавший на нашу страну, причинивший столько горя и страданий нашему народу, находился на грани краха. Дарменов был рад успехам родного полка, старался умножить его боевую славу. 24 марта 1945 года Амреш незаметно пробрался к огневым позициям противника и противотанковыми гранатами уничтожил три пулемета вместе с их расчетами.

609 стрелковый полк вел бои на подступах к городу Данцигу. Здесь 25 марта 1945 года, преследуя отступающего противника, Дарменов с группой разведчиков с фланга напал на противника и захватил в плен 25 гитлеровцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года Дарменов Амреш награжден орденом Славы I степени.

В сражениях против гитлеровских войск Дарменов А. дважды был ранен. Сейчас полный кавалер ордена Славы трех степеней на заслуженном отдыхе и живет в родном ауле Жалтырша, что в Джамбулском районе.

КРАВЧЕНКО Иван Степанович

Родился в 1915 году. В 1941 году Петропавловским горвоенкоматом был призван в Красную Армию.

Разведчик 28 гвардейского кавалерийского полка 6 гвардейской кавалерийской дивизии старший сержант Кравченко Иван Степанович с группой из 7 человек, ведя разведку в районе деревни Посад, атаковал противника в конном строю, уничтожил 12 солдат противника и захватил 4 пушки и 2 автомашины. За личную храбрость награжден 22 июля 1944 года орденом Славы III степени.

21 января 1945 года командир отделения взвода разведки 28 гвардейского кавалерийского полка гвардии сержант Кравченко, находясь в разъезде, точно установил силы и боевые средства противника, оборонявшего переправу на реке Силеф, что дало возможность командованию полка быстро уничтожить данную группировку противника. В этот же день разъездом Кравченко взято в плен 12 вражеских солдат. На другой день в бою за город Алленштайн сержант Кравченко в уличных боях лично убил 9 солдат и 2 взял в плен. За эти подвиги Кравченко И. С. был награжден орденом Славы II степени.

В наступательных боях 1945 года И. С. Кравченко неоднократно отличался смелостью и смекалкой. Командуя разъездом, И. Кравченко 27 апреля 1945 года захватил трех вражеских солдат, которые дали ценные сведения. 28 апреля при разведке маршрута наткнувшись на группу противника, разъезд Кравченко уничтожил 5 солдат и двоих взял в плен. Через два дня разъезд Кравченко при разведке маршрута в районе Трасецов захватил автомашину, три мотоцикла, 12 солдат противника. 2 мая 1945 года в лесу, в районе Лонц, заметив уходящую автомашину противника, Кравченко со своим разъездом кинулся наперерез и, зайдя с фланга, захватил бронетранспортер. Эти подвиги Ивана Степановича отмечены орденом Славы первой степени.

ПУНЕНКО
Андрей Алексеевич

Родился в 1918 году в с. Виденьки Называевского района Омской области. В 1936 году переехал в Северо-Казахстанскую область и работал в колхозе «Политотдел» Булаевского района. С октября 1938 года по январь 1941 года служил в кавалерийском полку.

В июле 1941 года Пуненко Булаевским райвоенкоматом призван в Красную Армию. В 314 стрелковой дивизии он командует отделением. В начале 1942 года был ранен. После выздоровления снайпер-наблюдатель 93 морской бригады Пуненко сражается на берегах Волги. Здесь за подвиги при освобождении станции Вороконово награждается орденом Красной Звезды.

С октября 1942 года Пуненко до конца войны служит в 238 гвардейском полку. В начале 1944 года разведгруппа, которой командовал А. А. Пуненко, сумела овладеть сильно укрепленным селом Комнашевка Кривоградской области и удержать его до подхода основных сил. За этот подвиг Пуненко награжден орденом Славы III степени.

Орденом Славы II степени А. А. Пуненко награжден за вынос раненых в Карпатах.

С 19 сентября по 5 декабря 1944 года санинструктор санитарной роты 238 гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант А. А. Пуненко в самых сложнейших условиях боевых сражений, рискуя жизнью, вынес с поля боя 64 раненых бойцов и офицеров, оказав им первую медицинскую помощь. За этот подвиг Андрей Алексеевич Пуненко был удостоен ордена Славы первой степени.

После демобилизации из рядов Советской Армии А. А. Пуненко жил в Петропавловске и работал в Петропавловском отделении Южно-Уральской железной дороги до ухода на заслуженный отдых.

ТКАЧЕВ
Иван Леонтьевич

Родился в 1920 году в Петропавловске. В ноябре 1939 года Петропавловским горвоенкоматом призван в ряды Красной Армии. Участник героической обороны Севастополя. Около двух лет был разведчиком в партизанском отряде Сорокина, действовавшем в крымских горах.

Ткачев И. Л. особо отличился в боях за освобождение Советской Прибалтики. В июле 1944 года его рота уничтожила 76 вражеских солдат и шесть огневых точек противника.

16 октября 1944 года в бою в районе хутора Мулли Литовской ССР противник перешел в контратаку. Ткачев И., находясь в боевых порядках пехоты, поднял роту в атаку, открыл огонь из всех видов оружия и обратил противника в бегство. В этом бою рота Ткачева уничтожила 4 огневых точки противника, 39 гитлеровцев. Ткачев первым ворвался в траншеи противника и лично уничтожил 9 гитлеровцев.

Подвиги Ивана Леонтьевича Ткачева отмечены орденами Славы трех степеней.

МОСЯКИН
Кирилл Евгеньевич

Мосякин Кирилл Евгеньевич родился в 1919 году в с. Святодуховке Жамбылского района Северо-Казахстанской области. В 1930 году вместе с матерью Евдокией Федосеевной переехал в с. Андрюшино Тюменской области. В сентябре 1939 года призван в Красную Армию. На фронтах Великой Отечественной войны с 1941 года.

К. Е. Мосякин прошел большой боевой путь. Особо он отличился в освобождении от оккупантов Белоруссии, Польши, в боях на территории фашистской Германии.

Июнь 1944 года. Войска 1-го Белорусского фронта проводят Люблинско-Брестскую операцию. 20 танковая бригада танкового Краснознаменного корпуса обошла Брестскую крепость с юга и стремительно продвигалась на северо-восток. В ночь на 25 июля 1944 года завязались бои за город Седльце. Противник предпринимал ожесточенные атаки, чтобы отбросить наши войска. В боях на подступах к городу красноармеец Мосякин огнем своего пулемета отразил три контратаки врага, уничтожив 28 гитлеровских солдат и офицеров. За мужество и героизм, проявленные в этих боях, К. Е. Мосякин был награжден орденом Славы III степени.

В январе 1945 года войска Красной Армии проводили одну из крупнейших операций Великой Отечественной войны — Висло-Одерскую, в которой приняла активное участие 20-я тан-

ковая бригада 11 Краснознаменного танкового корпуса. Соединения танкового корпуса нанесли сильный удар по противнику, с ходу форсировали реку Эволенька и на третий день наступления овладели крупным узлом сопротивления—городом Радом. Командир отделения К. Мосякин в боях за город первым ворвался в траншеи противника, лично уничтожил 15 солдат, 2 офицеров и взял в плен 5 солдат противника. Подвиг К. Мосякина был отмечен орденом Славы II степени.

Война все дальше катилась на запад, на территорию гитлеровской Германии. Близок был заветный день — День Победы. 11 Краснознаменный ордена Суворова танковый корпус действовал на подступах к Берлину. К. Е. Мосякин с 16 до 23 апреля 1945 года в составе штурмовой группы вел бои в пригороде Берлина Лихренберге. 23 апреля он вывел свое отделение в тыл врага и уничтожил 2 орудия, огневую точку, 29 солдат противника, тем самым способствовал продвижению наступающих подразделений наших войск. Будучи ранен, он продолжал командовать отделением до прихода основных сил части.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года К. Е. Мосякин награжден орденом Славы I степени.

Демобилизовался из рядов Советской Армии полный кавалер ордена Славы в 1947 году и вернулся в с. Андрюшино Тюменской области, работал в химлесхозе. Умер в 1955 году.

ГЛАВА III

Много тайн хранят пожелтевшие от времени страницы архивных материалов.

Мы взяли некоторые из них как свидетельство ратных и трудовых подвигов поколения людей — наших земляков, ковавших победу в смертельной схватке с фашизмом. Это — письма с фронта, копии наградных листов на фронтовиков-североказахстанцев, сообщения о подвигах в тылу, фотографии военных лет.

О митингах трудящихся в связи с вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года.

Многолюдные митинги состоялись во всех районах, в колхозах, на всех предприятиях и в учреждениях нашей области. Из Полудино сообщают:

— На митинге присутствовало все население районного центра. Трудящиеся выражают ненависть к зарвавшейся фашистской своре, выступившей против народа великого Советского Союза.

Выступивший председатель колхоза им. Калинина тов. Иванов заявил, что члены сельскохозяйственной артели, достигшие немалых достижений в области развития сельского хозяйства, будут честно и самоотверженно трудиться на своем посту.

Высокой производительностью труда, укреплением трудовой дисциплины, своевременным проведением всех сельскохозяйственных кампаний — вспашки паров, сенокоса, хлебоуборки — ответим на наглое выступление германских фашистов. Дадим стране больше хлеба, мяса и других сельскохозяйственных продуктов.

* * *

Более 800 человек присутствовало на митинге, состоявшемся 22 июня в селе Явленке — центре Ленинского района. Трудящиеся выразили свою готовность по первому зову партии и советского правительства выступить против обнаглевшего врага.

«Враг будет уничтожен там, откуда он появился», — записано в единодушно принятой резолюции.

(Из фонда облгосархива).

ПИСЬМА В ВОЕНКОМАТ

6 июля 1941 года

Просим отправить на фронт

Сотни заявлений о зачислении добровольцами в Красную Армию поступают в Мамлютский военкомат. Горячим патриотизмом и ненавистью к фашистским бандитам дышит каждое письмо.

Военрук товарищ Шишкин просит побыстрее зачислить его добровольцем и отправить на фронт. Военнообязанный тракторист Михайловского сельсовета тов. Семенов, чувствуя ненависть к врагу, просил отправить его на фронт. Просьба его удовлетворена.

Девушки Мамлютской средней школы, закончив 10 классов с хорошими успехами и сдав нормы на значок ГТО II ступени, просят тоже отправить их на фронт, где они с успехом будут оказывать помощь смелым, мужественным и отважным бойцам.

Призывники Лазаренко и Рахуба просят их отправить на фронт, где они будут бороться с оружием в руках против обнаглевшего хищника. Они заявили: «Приложим все усилия до полной победы над врагом».

Юноша 17 лет, Русакович Володя, просит отправить его на фронт для борьбы с наглым врагом — фашизмом.

Старый казак, участник первой империалистической войны с немцами, отличный рубака в учебе и в бою, Багаев Ф. Н. убедительно просит отправить его на фронт в казачьи или кавалерийские части. Он сказал: «У меня еще хватит сил и энергии. Я буду верным сыном советского народа и до последней капли крови буду бороться с зарвавшимся врагом».

Райвоенком, интендант 3 ранга РЫМАНОВ.

Из обращения женской тракторной бригады Полудинской МТС к колхозницам и работникам совхозов Северо-Казахстанской области и Казахской ССР с призывом заменить ушедших на фронт мужчин за рулем тракторов и автомашин, за штурвалом комбайнов.

28 июня 1941 года.

Вероломное нападение германских кровожадных фашистов на нашу мирную страну социализма вызвало глубокое негодование и возмущение всего советского народа.

Пробил грозный и решительный час. Началась Великая Отечественная война с германским фашизмом. На поле боя против агрессора мужественно, героически, не щадя своей жизни, сражается наша доблестная рабоче-крестьянская Красная Армия.

К вам, матери, дочери, верные подруги наших отцов, мужей, товарищей — славных бойцов РККА, беспощадно уничтожающих обнаглевшие банды кровожадных фашистов, — к вам наше слово. Мы, женщины, на всякой работе, на всяком посту должны работать дружно, организованно, самоотверженно — так, как нужно сейчас нашей Родине.

В Полудинской МТС трактористками работают уже 18 колхозниц. Все они хорошо управляют трактором и дают высокую выработку. Из нашей МТС многие трактористы, комбайнеры и штурвальные, не дождавшись призыва, добровольно уходят на фронт. На их машины садятся матери, жены, сестры, подруги. Девять женщин, ранее работавших трактористами, пришли на тракторы, три девушки готовятся к работе на комбайнах. На тракторы пришли работать Мария Пудовкина из колхоза им. Кирова, Александра Листопад из колхоза «Красный Октябрь», Ксения Морозова и комбайнерка Татьяна Городушкина.

Наша женская тракторная бригада призывает всех девушек и женщин колхозов и совхозов Казахстана, имеющих специальность трактористов, комбайнеров, шоферов, но не работающих еще в МТС и совхозах, сесть за руль трактора и автомашины, стать водителями комбайнов.

Девушки и женщины, на трактор, комбайн, на автомашину! Используем все машины на полную мощность!

Шире развернем республиканское соревнование трактористов, комбайнеров, шоферов за своевременную и высококачественную уборку богатого сталинского урожая!

Мужья, братья, сыновья, мужественно бейте и уничтожайте врага до полной победы! Если потребуется, то и мы, женщины, с трактора, комбайна и автомашины в любую минуту пересядем на танки и бронемашины и вместе с вами, плечом к плечу, будем разить гнусных врагов социалистического Отечества.

Мы также обращаемся ко всем женщинам республики, работающим в социалистическом животноводстве, с призывом — удесятерить свои силы и энергию, чтобы образцово провести сенокосную кампанию, заготовку силоса, лучше провести строительство скотобаз. Этим создадим предпосылки для еще более мощного подъема всего колхозного и совхозного животноводства.

Слава родной нашей героической Красной Армии!

Слава нашей Коммунистической партии большевиков!

Слава вождю и организатору всех наших побед—великому Сталину!

Трактористки тракторной бригады Полудинской МТС Василиса Бондарева, Валентина Шубина, Вера Евтушенко, Мария Горенкова, Феодосия Никифорова, Мария Толмачева, Эмилия Шмидт, Мария Авдеева.

(Из фонда облгосархива).

Из информации КазТАГ о бригаде Бондаревой из Полудинской МТС, завоевавшей Красное знамя ЦК ЛКСМК.

25 июля 1942 года.

В Казахстане соревнуются 194 женские тракторные бригады и 11485 трактористок. Победителем на весеннем севе вышла бригада орденоносца Василисы Бондаревой из Полудинской МТС Северо-Казахстанской области. Она значительно перевыполнила план тракторных работ, провела сев в сжатые сроки, на высоком агротехническом уровне, добилась экономии горючего, обеспечила тщательный технический уход за тракторами и сельскохозяйственным инвентарем. Бригаде тов. Бондаревой присуждено переходящее Красное знамя ЛКСМ Казахстана.

(Из фонда облгосархива).

* * *

«Они дерутся, как львы». Из писем фронтовиков-североказахстанцев.

3 декабря 1941 года.

Наши земляки, находясь на передовой линии огня, ни на минуту не забывают родного Казахстана. В своих письмах они делятся своими радостями, рассказывают о боевых успехах, призывают работать не покладая рук и всемерно помогать фронту в борьбе с наглыми захватчиками.

Бывший работник облторга Гани Хабибулин пишет землякам: «Мне хочется поделиться с вами моими успехами. Попав в подразделение минометчиков, я поставил своей целью быть передовиком. Эту задачу я выполнил, в совершенстве изучил миномет, ручной пулемет, карабин, гранаты и другой род оружия. Теперь мне присвоено звание сержанта. Я стал метким наводчиком. Стойко буду защищать свою Родину, не посрамлю славного звания воина Красной Армии. Как живете и работаете вы? Чем помогаете фронту?».

Сержант Степан Иосифович Лукьянов в своем письме призывает земляков: «Изучайте военное дело, учитесь метко стрелять, чтобы, попав на фронт, разить врага без промаха. Работайте в тылу так же самоотверженно, как мы на фронте бьемся с немецкими гадами. Давайте нам больше продо-

вольствия, хлеба, снарядов. Только общими, дружными усилиями мы одолеем врага».

Североказахстанцы — командиры В. Солдатенко, П. Гололобов, М. Зинченко, З. Янгуразов и десятки других пишут о боевых делах наших земляков: «Они дерутся, как львы, наши славные земляки! Мы понимаем, что победа не придет сама, что ее надо завоевать с оружием в руках, у станка, за рулем трактора, на колхозном поле, в цехе, и поэтому мы не жалеем ни сил, ни жизни, выполняя приказ любимого Сталина. Вас мы призываем быстрее завершить сдачу хлеба государству. Это будет крепкий удар по врагу».

К самоотверженному труду на колхозных полях и заводах призывают земляков политрук Бектембаев, старшина Банин и младший политрук И. Жданов. Последний в своем письме говорит о жгучей ненависти к подлым захватчикам:

«Когда попадешь в районы, побывавшие в руках фашистов, когда увидишь измученных, голодных, поседевших от горя и ужаса людей, тогда руки сильнее сжимают оружие, глаза делаются зорче, удары по врагу сокрушительней.

Под Сталинградом мы гоним врага все дальше и дальше, но надо, чтобы и вы помогали нам в этой напряженной борьбе. Еще раз спросите себя: «А все ли я сделал для фронта, нельзя ли еще чем помочь Родине?»

Бывшим товарищам по работе, петропавловским связистам; пишет сержант Т. Я. Сиников:

«Напрягайте все усилия в борьбе с врагом. Не считайтесь ни со временем, ни с усталостью. Если надо — не спите ночей, как не спим мы, отбивая яростные атаки врага. Сейчас на вас лежит ответственная задача — обеспечить отличную работу связи. Не забывайте, что получить письмо на фронте — большое дело, и старайтесь, чтобы эти письма приходили к нам скорее. Вызываем вас на социалистическое соревнование, товарищи связисты, будем добиваться отличной работы: мы — на фронте, а вы — в тылу, чтобы быстрее разгромить банды Гитлера. Фронтовики зовут вас к самоотверженной, стахановской работе в тылу, они требуют от вас усилить помощь фронту, не покладая рук трудиться во славу Родины и общими усилиями быстрее раздавить подлую фашистскую гадину.

Образцово выполнить наказ фронта — вот что требуется сейчас от тыла».

(Из фонда облгосархива).

Из наградного листа пулеметчика 1076 стрелкового полка АЯГАНОВА Кабдуша из аула Тулебай Ленинского района, награжденного орденом Красного Знамени.

10 мая 1943 года.

10 мая 1943 года тов. Аяганов первым в полку обнаружил накопление живой силы противника на переднем крае. В этом бою он лично из своего станкового пулемета уничтожил до 40 гитлеровцев. Будучи дважды ранен, не оставлял поле боя до конца сражения.

За проявленное мужество и отвагу тов. Аяганов приказом по войскам 2 Ударной армии № 0106 от 12 мая 1943 года занесен в книгу Героев Отечественной войны 2 Ударной армии.

Архив МО СССР, фонд 33, опис 690155, дело 594, лист 86.

* * *

Из наградного листа ефрейтора 78 гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 72 гвардейской стрелковой дивизии РАЗДОРСКОГО Андрея Семеновича из села Красная Горка Бишкульского района.

3 августа 1943 года.

Тов. Раздорский за время пребывания в дивизионе прошел славный боевой путь боев сталинградских, донских, донецких и днепропетровских до самых предгорий Карпат. 5-го августа 1943 года у с. Соломино на правом берегу Северного Донца, когда от разрыва снаряда погибло 3 человека из его расчета, он с командиром орудия принимал участие в отражении 12 контратак противника, пытавшегося опрокинуть наши части в Северный Донец. Он четыре раза смело бросался в контратаку в рядах пехоты. Смелость и подвиг тов. Раздорского достойны правительственной награды—ордена Славы III степени.

Архив МО СССР, фонд 72, гв. СД, опись 191136, д. 3, л. 445.

Из наградного листа красноармейца 1076 стрелкового полка ЛАСТОВЦА Николая Сидоровича из г. Петропавловска.

26—29 января 1944 года.

В ходе боев 26, 27, 28, 29-го января 1944 года, действуя десантом в составе 30-й отдельной гвардейской танковой бригады, тов. Ластовец, действуя с головного танка, первым ворвался в сильно укрепленный вражеский пункт Большие Губаницы, забросал гранатами 6 вражеских автомашин и со своей группой бойцов уничтожил 4 расчета пулеметных точек.

В рукопашной схватке заколол 8 вражеских солдат. Танк, на котором находился Ластовец, был подбит, тов. Ластовец со своей группой организовал оборону и отбил 2 контратаки немцев, пытавшихся захватить танк, при этом уничтожил до 23-х немецких солдат и офицеров. Достоин правительственной награды—ордена Отечественной войны II степени.

Архив МО СССР, фонд 33, опись 690155, дело 783, лист 22.

* * *

Из наградного листа старшины 1076 стрелкового полка МУСТАКАНОВА Газиза Исламовича из села Новопавловки.

27 января 1944 года.

В бою по овладению станцией Волосово в составе десантной группы, на танках ворвавшись в населенный пункт со своим отделением, автоматным огнем уничтожил до 20 немцев, забросал гранатами и захватил 14 подвод с продовольствием и вооружением, в течение 16 часов удерживал захваченный рубеж до подхода главных сил пехоты.

Достоин представления к правительственной награде — ордену Отечественной войны II степени.

Архив МО СССР, фонд 33, опись 690155, дело 783, лист 24.

Из наградного листа командира орудия 72 гвардейской Красноградской стрелковой дивизии ВДОВИНА Григория Сергеевича.

11 марта 1944 года.

В боях с немецкими захватчиками в районе села Раздоля Кировоградской области 11 марта 1944 года, следуя с орудием на открытую огневую позицию, попал под сильный артиллерийский обстрел противника, где был ранен в голову, но не покинул орудия, а привел его к месту назначения, установил его и заменил выбывшего наводчика орудия, открыв ураганный огонь по отходящей пехоте и обозу противника.

В результате рассеял и уничтожил более роты солдат и офицеров, колонну автомашин. Истекая кровью, тов. Вдовин оставался на боевом посту до тех пор, пока ему было приказано оставить орудие и уйти в медсанбат.

Архив МО СССР, фонд 72, гв. СД, опись 191136, дело 3, лист 248.

* * *

Из наградного листа красноармейца 1076 стрелкового полка АГАПОВА Семена Алексеевича из села Николаевки Налобинского сельсовета, награжденного орденом Красной Звезды.

20 июня 1944 года.

Будучи в боях в танковом десанте, тов. Агапов показал себя как умелый и храбрый воин. Когда танкам к городу Выборгу путь преградила река, Агапов первым соскочил с танка и вплавь бросился через реку. Своим примером он увлек за собой многих бойцов к форсированию водной преграды.

В бою за город Выборг Агапов лично уничтожил 8 финских солдат и пулеметную точку противника, захватив ручной пулемет.

Умело и храбро сражался Агапов весь период боев за Карельский перешеек, за что имеет несколько благодарностей от командования роты и батальона.

Архив МО СССР, фонд 314 СД, опись 113855, дело 1, лист 337.

О ПОМОЩИ КОЛХОЗНИКОВ ЛЕНИНГРАДЦАМ

25 мая 1942 года

В Советском районе на высоком патриотическом уровне проходит сбор подарков для славных защитников города Ленина.

Отвечая на призыв Президиума Верховного Совета Казахской ССР по посылке подарков мужественным ленинградцам, члены сельскохозяйственной артели «Кенес» сразу же после собрания выделили для этого из своих запасов пятьдесят килограммов мяса, много масла, крупы и других продуктов.

Члены сельскохозяйственной артели «Баянды» в помощь героям-ленинградцам решили послать один центнер мяса, пятнадцать килограммов сливочного масла, такое же количество крупы и кур.

Сбор подарков для мужественных ленинградцев, с беззаветной храбростью отстаивающих славный город Ленина от фашистских орд, успешно проходит и в других колхозах района. Трудящиеся горят желанием помочь ленинградцам еще сокрушительнее громить фашистских варваров.

(Из фонда облгосархива).

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТАНКОВОЙ КОЛОННЫ «КОЛХОЗНИК КАЗАХСТАНА»

23 декабря 1942 года

Дружно откликнулись на почин тамбовских колхозников члены сельхозартели имени Кагановича. Здесь каждый колхозник сделал свой вклад, и вскоре среди них было собрано средств на постройку мощной танковой колонны «Колхозник Казахстана» 15400 рублей. Колхозник Сюникаев Зариф внес из своих сбережений 2500 рублей. Пусторжевцева Агафья, у которой три сына в армии, внося 500 рублей, сказала: «Пусть мои скромные средства помогут им в разгроме врага». Бригадир полеводческой бригады № 2 Сюникаев Габдулла внес 800 рублей. Депутат Становского сельсовета Якушева Мафтуха внесла на строительство танковой колонны 600 рублей.

Сбор средств в этой сельхозартели на строительство танковой колонны «Колхозник Казахстана» продолжается.

(Из фонда облгосархива).

10 МИЛЛИОНОВ НА ПОСТРОЙКУ ТАНКОВ

25 декабря 1942 года

Вклад трудящихся нашей области на постройку мощной танковой колонны «Колхозник Казахстана» достиг на 24 декабря около десяти миллионов рублей. Из них внесено наличными 6 миллионов 623 тысячи рублей, сбор продолжается.

Впереди по сбору средств на строительство танков идут районы: Келлеровский, где внесено наличными 763 тысячи рублей, Красноармейский — 446 тысяч рублей, Кокшетауский — 445 тысяч рублей.

Много средств внесли и другие районы. Так, например, Петропавловский район дал наличными 377 тысяч рублей, Мамлютский — 324 тысячи рублей, Пресновский — 309 тысяч рублей. Трудящиеся города внесли наличными 946 тысяч рублей.

В отдельных районах не развернули еще достаточной массовой работы по разъяснению патриотического почина тамбовцев и саратовцев. В Пришимском районе внесено наличными всего лишь 65 тысяч рублей, Соколовском — 50 тысяч рублей, Октябрьском — 26 тысяч рублей. Плохо еще в Ленинском и Кзылтуском районах.

(Из фонда облгосархива).

* * *

Телеграмма И. В. Сталина тов. Грищенко И. Г. с благодарностью за заботу о Красной Армии.
2 мая 1943 года.

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Иван Гаврилович, за Вашу заботу о Красной Армии.

И. СТАЛИН.

(Из фонда облгосархива).

* * *

Телеграмма И. В. Сталина председателю колхоза «Жаналык» Ленинского района.
28 февраля 1943 г.

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищ Темирбаев, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН.

(Из фонда облгосархива).

ДЕТИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

16 декабря 1941 года

Учащиеся Тарангульской неполной средней школы живут интересами фронта. Они следят за героическими подвигами бойцов, командиров и политработников Красной Армии и полны желания помочь Родине в быстрейшем разгроме врага.

Каждый учащийся старается укрепить фонд обороны. Во всех классах идет сбор сушеных овощей для Красной Армии. Толя, Леня, Катя Зубенко сдали по килограмму овощей, по всей школе уже насушено и сдано 14 килограммов картофеля и свеклы. Сушка овощей продолжается.

Юные патриоты внесли в фонд обороны наличными деньгами 360 рублей, провели 4 воскресника в совхозе и заработанные деньги также отдали Родине. Всего по школе внесено в фонд обороны 660 рублей. Но все это детей не успокаивает. Сейчас они собирают для бойцов теплую одежду.

«ЮНАРМЕЙЦЫ»

30 июля 1941 года

На крыше небольшого сарая по Коммунистической улице города Петропавловска развевается красный флажок. На дверях надпись «Штаб». Здесь собралось более 10 ребят. У всех на груди красные звездочки с буквой «Ю». У одного из них звездочка с буквами «К. Ю.» — это командир юнармейцев Гена Соколов. У него в руках лист бумаги, на котором детским почерком написано: «Командиру юнармейцев. От Уйрата Мендыбаева. Прошу принять меня в команду юнармейцев. Обещаю точно и аккуратно выполнять все порученные задания».

Уйрата зачисляют в команду. Он тут же с радостью заявляет: «Мой отец на фронте громит фашистов, а я здесь, в тылу, буду помогать ему быстрее уничтожить врага». Затем юный командир Гена Соколов читает из газеты «Пионерская правда» эпизоды о героических подвигах юнармейцев других городов и сел нашей страны, о том, как они помогают своим отцам и братьям в Отечественной войне против германского фашизма.

Сбор закончен. Юнармейцы получают задание на следующий день и расходятся по домам.

Утро. Трудящиеся спешат на работу. В это время по сигналу горниста собираются в штаб юнармейцы. Они беседуют, потом идут выполнять свое почетное дело. Юрику Завертяеву поручено вести детей, матери которых на работе, в детский садик. Уйрат Мендыбаев взял письмо у женщины, сын которой в Красной Армии, и отнес его на почту. Юнармейцы Георгий и Аполлон Абатуровы, Кунир Искаков, Славик Валегурин в этот день налили бочку воды для матери красноармейца Ф. В. Усмановой. Женщина вышла на улицу и горячо поблагодарила ребят с красными звездочками на груди. Багодал Каримов сходил в магазин и принес хлеб для престарелой женщины.

«ПИОНЕРСКИЙ КОСТЕР»

В просторном зале татарской средней школы (г. Петропавловск) собралось более 300 ребят. Мастерски оформленный пионерский костер дает полную иллюзию яркого пламени.

Председатель ученического комитета Ибрагим Паштров вручил ребятам значки «Юный ворошиловский стрелок». Один за другим выступают пионеры и рассказывают, чем они помогали Родине.

— Чтобы нашим славным бойцам тепло было в окопах, мы собрали и отправили на фронт 67 теплых вещей, — начинает рапорт Лида Коваленко.

— Помогая жителям освобожденных от немцев районов, наши ребята сдали 53 учебника и собрали 57 килограммов верхушек картофеля, — продолжает пионер Мударрисов.

Этот рапорт подхватывают октябрята Толя Скатов, Юра Жуков и Люба Замкова.

— Мы сдали в фонд обороны страны облигаций на 9 тысяч рублей, послали подарков фронтовикам на 620 рублей, собрали 6 тонн металла на пушки, танки и самолеты.

Выслушав рапорт, ребята дают крепкое пионерское слово усилить помощь фронту и добиться отличных успехов в учебе. А потом началось веселье. Заиграли баяны, замелькали пары танцующих, зазвучала любимая песня школьников «В бой за Родину!».

Хорошо провели свой костер тимуровцы татарской школы.

(Из фонда облгосархива).

Из отчета обкома партии на VII облпартконференции о размещении эвакуированных заводов в Петропавловске и росте его промышленного потенциала в годы войны.

5 марта 1945 года.

...Северо-Казахстанская область до войны с немецкими захватчиками не имела оборонной промышленности.

В конце 1941 — начале 1942 годов в город Петропавловск были эвакуированы промышленные предприятия, которые впоследствии стали регулярно и все в большем количестве обеспечивать нашу Красную Армию и Военно-Морской Флот оборонной продукцией.

Восстанавливать заводы приходилось в условиях жестокой сибирской зимы, в неприспособленных помещениях, при недостатке топлива, без энергетической базы. Однако упорным трудом коллективы рабочих при активной, энергичной помощи всей парторганизации в ограниченные сроки от 1 месяца до 5 восстановили оборонные заводы и в 1942 году приступили к регулярным поставкам важной оборонной продукции разных видов для Красной Армии и Военно-Морского Флота. Уже в 1942 году в общей сложности выпустили 25 видов изделий на сумму 75,6 миллиона рублей (в ценах 1926—27 гг.). Из выпускаемых 25 видов изделий 5 было вновь освоено в городе Петропавловске.

Заводы не останавливались на достигнутом, совершенствовали продукцию, осваивали новые виды боевых изделий, увеличивали количество выпускаемых изделий, их эффективность.

За 1943 год заводами изготовлялось 29 видов основных боевых изделий, из них освоенных в 1943 году — 5. В 1943 году всего было выпущено продукции на 98,5 миллиона рублей.

В 1944 году заводы Петропавловска выпускали 22 основных вида изделий оборонной продукции, из них 3 было вновь освоено. Выпущено продукции на 117,3 миллиона рублей.

Количество рабочих на предприятиях оборонной промышленности с 1942 по 1944 год выросло на 26 процентов.

Одной из основных задач оборонных заводов была подготовка квалифицированных производственных кадров из местного населения. С этой задачей партийные организации справились успешно.

В 1942 году на предприятиях оборонной промышленности насчитывалось 2723 стахановца и ударника, из которых 385 человек двухсотников и трехсотников.

За годы войны на предприятиях оборонной промышленности были награждены правительственными наградами 126 человек.

Новое строительство было начато сразу по прибытии заводов в г. Петропавловск. Однако большой объем строительные работы приняли в 1943 году.

Оборонные заводы оказывали селу значительную помощь, главным образом изготовлением запасных частей, а также посылкой рабочей силы, материалами, инструментами.

...За отчетный период, и особенно в годы войны, энергетика области получила мощное развитие: с 1941 года по настоящее время в г. Петропавловске построено и введено в работу 3 новых электростанции общей установленной мощностью 11650 киловатт.

С 1940 по 1944 год мощность электростанций по области возросла на 595 процентов, выработка электроэнергии увеличилась на 285 процентов.

Важнейшим событием в жизни области на отчетный период является сооружение в городе Петропавловске теплоэлектроцентрали мощностью 9500 киловатт.

Сооружение ТЭЦ было начато весной 1942 года, парторганизации области этой стройке уделяли исключительное внимание, оказывая строительству всемерную помощь, мобилизуя внимание масс на строительство этого важного объекта. На строительство ТЭЦ выходили сотни трудящихся города Петропавловска.

В 1942 году в разгар строительства трудящиеся города Петропавловска в свободное от работы время отработали в общей сложности 14300 человеко-дней. При этом силами трудящихся было вынуто 8600 куб. м грунта...

(Из фонда облгосархива).

ПИСЬМА ГЕРОЯ

В областном государственном архиве хранятся копии нескольких писем нашего земляка, уроженца с. Явленки Ленинского района, командира танковой бригады, Героя Советского Союза, полковника Тимофея Семеновича Позолотина. Погиб он 19 сентября 1943 года.

В письмах к родственникам он с любовью писал о своих танкистах, как они сражаются с врагом. Письма его полны веры в победу, любви к Родине, матери, родственникам.

Впрочем, такого же содержания были и письма других наших земляков-фронтовиков.

«Лихая.
25. 08. 41 г.

Здравствуйте, мама, Маруся и Вера! Привет всем. Военное время не давало возможности писать. Сейчас еду в Сталинград и опять поеду бить фашистские морды.

О Галочке сведений пока не имею, ее куда-то эвакуировали.

Чувствую себя хорошо, сил много, хватит еще надолго. Мама, слово, данное мной еще при призыве, я сдержу, драться буду, как и раньше дрался: храбро и расчетливо, чтоб скорей уничтожить фашистскую гадину. Тебе не приходилось и не придется краснеть за меня.

Где Федор и Михаил?

Адрес сообщу, когда буду знать его сам.

Целую.

Ваш Тимофей.».

* * *

«Сталинград.
20/IX—41 г.

Здравствуйте, мама, Маруся и Верочка! Вчера проводила опять на фронт Тиму. Он был ранен легко в руку и ногу. Лежал в госпитале в Сталинграде. После выздоровления нашел меня в Пугачеве и привез в Сталинград. Тут мы имеем маленькую комнатку. Нам дали кровать, матрац, стол. Все вещи наши погибли. Но ничего не жаль, был бы жив Тима. Он хорошо поправился после ранения. Таким полным, как он стал теперь, я никогда его еще не видела. Он теперь уже капитан. Поздравьте его с этим новым званием. Командует батальоном.

Уезжая, Тима просил всех вас поцеловать, не беспокоиться о нем, сказать вам, что он обязательно еще вернется и увидит вас. Вы же знаете Тиму, он никогда особенно не унывает и все шутит.

Мама, если мне еще нужно будет уезжать, то я приеду только к Вам. Жаль, что у меня нет теплой одежды и валенок, я бы и теперь поехала на зиму к Вам. Скучно тут жить без родных и друзей. Хотели ли Вы или нет, а приехала бы и все (шучу). Пишите, как живете Вы. Работает ли Маруся? Я не работаю. Тима оставил мне аттестат на получение части денег из его зарплаты.

От Вовочки пока ничего нет, как только получу, так напишу

Целую всех крепко за себя и Тиму.

Галя.

Адрес: Сталинград, СТЗ, Верхний поселок, дом 606, кв. 97».

* * *

«21. 12. 41 г.

С Новым годом, мои родные!

Здравствуйте, мама, Маруся, Вера.

Привет семействам Василия, Михаила, Федора.

Пишу Вам уже третье письмо, но от Вас не имею ничего. Очень Вас прошу, напишите, как чувствует себя мама, где и что делают Федор и Михаил? Я чувствую себя хорошо, уничтожаю немцев и гоню их вон из советского огорода. Сейчас эти паршивые свиньи бегут, бросив все на пути. В прошлом месяце я и много моих подчиненных были награждены.

Я награжден орденом Красного Знамени и сейчас уже майор. Вот видишь, мама, я выполняю слово, данное тебе еще когда я призывался в армию. Тебе не приходится краснеть за меня, а врагу бывает очень невесело, когда я со своими бойцами встречаюсь с ним.

От Галочки ничего не получаю, как уехал из Сталинграда. В чем дело, не знаю.

Пишите мне обо всем и чаще.

Целую всех.

Ваш Тимофей.

Адрес: полевая почта, 387, танковый полк, 1-й б-н».

«5. 09. 43 г.

Здравствуйте, мама, Маруся, Верочка!

Простите, что редко пишем — некогда. Тима бьет немцев, а я работаю в госпитале. Здоровье мое хорошее, у Тимы — похуже, ему серьезно надо лечиться, но сейчас нет времени. Вижу я его очень часто. Тяжелая для меня эта обстановка, необычная, но я довольна тем, что я помогаю ему гнать фрицев. Моя забота о нем, мой уход являются источником сил моего полковника. Вообще, конечно, ему очень приятно знать, что я где-то поблизости от него и поэтому я способна перенести все.

После войны, если будем живы, многое расскажем Вам при встрече.

Пишите, как Вы живете, как здоровье Ваше. Пересылайте нам письма от Вовика и сами пишите ему.

До свидания.

Целуем всех.

Привет всем, кто помнит меня.

Галя и Тима».

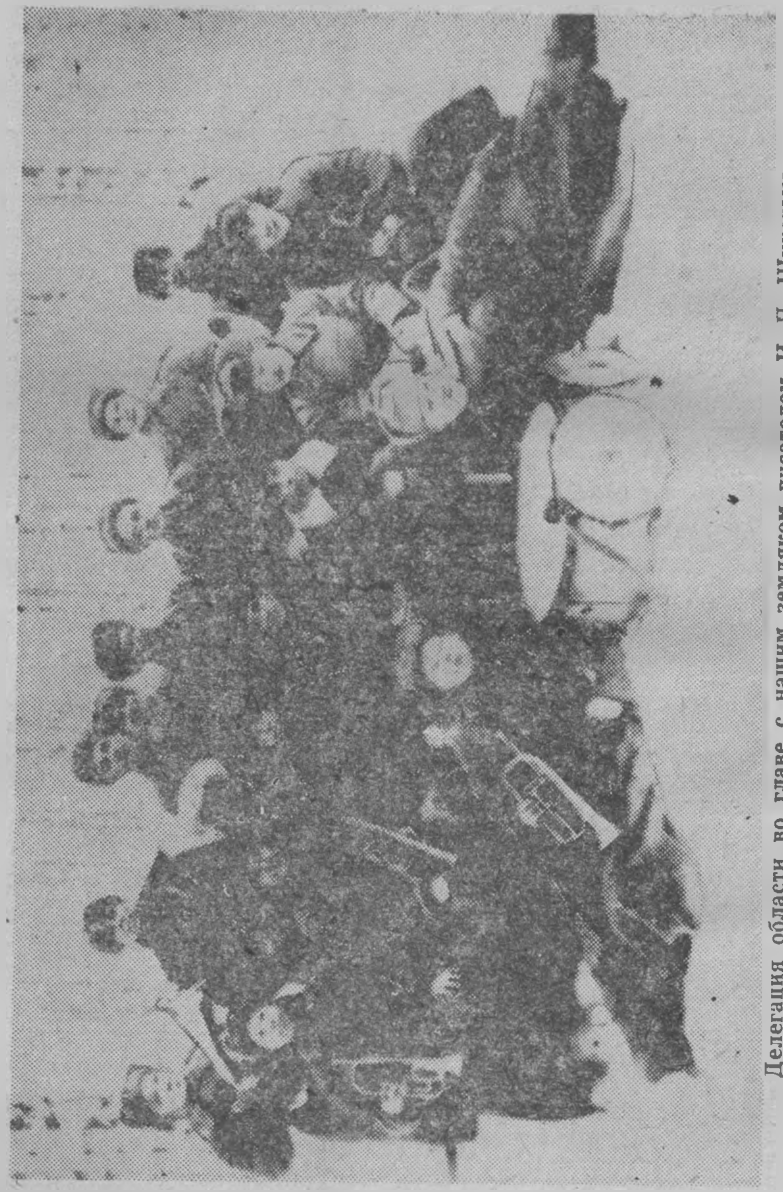
Так везли колхозницы хлеб на элеваторы для фронта.

Студентки Петропавловского медучилища направляются в военкомат.

Пробитый комсомольский билет нашего земляка Наговнова Владимира Гавриловича.

Подразделение 314 стрелковой дивизии в наступлении.

Мемориальная доска, установленная в память воинов 314-й стрелковой дивизии.



Делегация области во главе с нашим земляком писателем И. П. Шуховым на фронте, у воинов 314 стрелковой дивизии.

МУХАМЕТЖАНОВ
Тушкен

29 июля 1942 года для награждения командиров Красной Армии за выдающиеся заслуги в организации и руководстве операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину учреждены военные ордена, в том числе орден Александра Невского. За годы войны им были награждены 42 тысячи офицеров. Из наших земляков этого ордена были удостоены немногие. Одним из них является лейтенант Тушкен Мухаметжанов, уроженец аула Бостандык Бишкульского района.

Рядовой колхозник с начальным образованием с июля 1941 года в составе 470 стрелкового полка 294 стрелковой дивизии сражался на Западном фронте. За мужество и смекалку командование посылает Т. Мухаметжанова на курсы младших лейтенантов. После окончания курсов командовал пулеметным взводом на Карело-Финском, 2 Белорусском фронтах, дважды был ранен. За личное мужество и умелое руководство боевыми действиями взвода Тушкен Мухаметжанов 29 апреля 1945 года награжден орденом Александра Невского.

После войны Т. Мухаметжанов вернулся в свой родной аул Бостандык и долгое время работал управляющим отделения.

Умер в ноябре 1983 года.

Могила солдат и офицеров на городском кладбище, умерших от ран в госпиталях Петропавловска.

Вверху — могила летчиков, внизу — памятник на братской могиле.

У Вечного огня, г. Петропавловск.

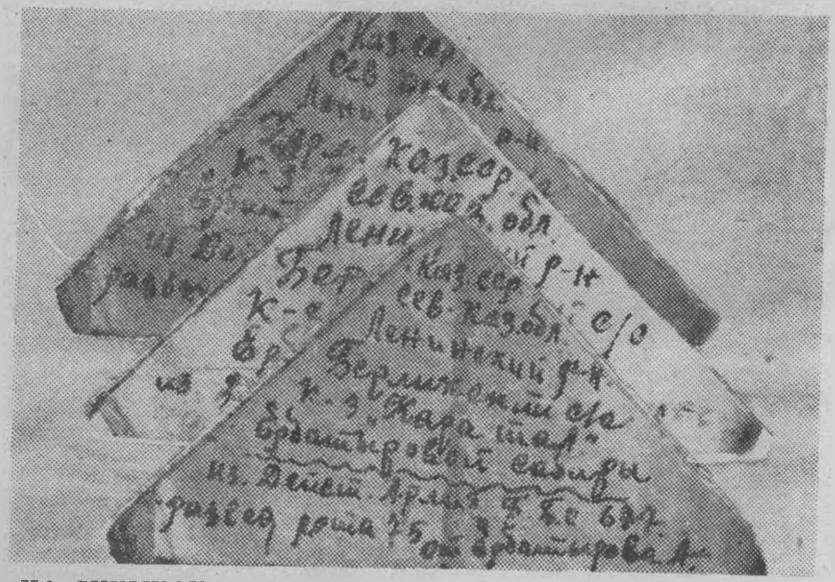
Тысячи наших земляков не вернулись с полей сражений Великой Отечественной. На одних родственники получили похоронки, на других — извещения, что пропали без вести. Родственников последних не покидала надежда: «А может быть, он попал в плен, занесла его судьба на чужбину, и вернется он домой».

С такой надеждой жила до своей смерти старая мать Дамеш Бейсекина (аул Каратал Ленинского района), получившая на единственного сына Амандыка извещение о том, что ее сын пропал без вести.

Самыми драгоценными реликвиями, самой дорогой памятью для матери были письма-треугольники от сына. Теперь эти письма-треугольники хранит ее дочь Сабира — сестра Амандыка.

На треугольнике обратный адрес Амандыка Ербатырова: полевая почта 677, разведрота № 75.

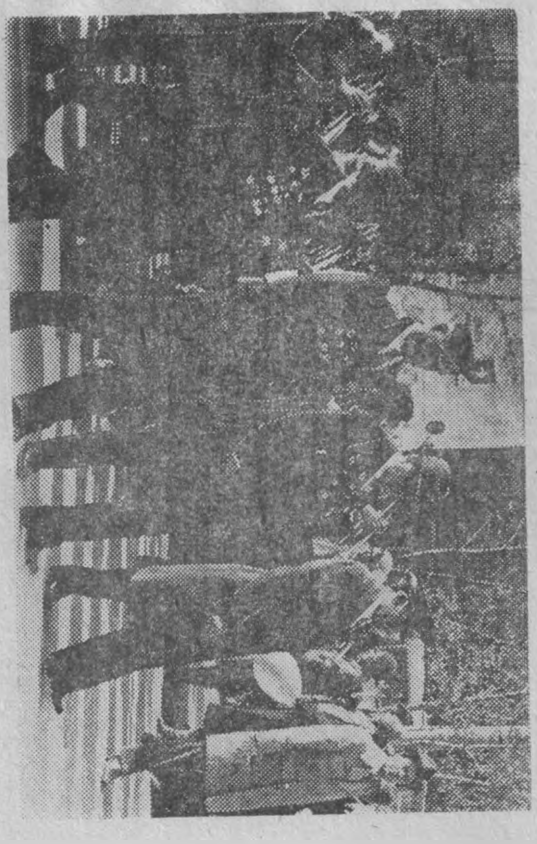
В последнем письме он писал: «Дорогие мама, отец, сестра, не беспокойтесь обо мне. Не огорчайтесь, если от меня долго не будет писем. Такая у меня служба фронтовая. Берегите себя».



НА СНИМКАХ: А. Ербатыров и его письма-треугольники.

Памятник погибшим воинам-землякам, г. Булаево.

Глава областной администрации В. К. Гартман с группой ветеранов войны и труда.
Фото Е. Нуржанова.



Ветераны в День Победы.

Встреча нашего известного земляка капитана I ранга Героя Советского Союза Ущева в Петропавловском аэропорту.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и заканчивается эта книга. Перед читателями предстали исповеди участников Великой Отечественной войны и ветеранов тыла, рассказы о них, документы того времени. Долгие 1418 дней шли наши земляки вместе со всем советским народом к долгожданной победе. И она пришла 9 мая 1945 года. Трудно передать настроение людей. Действительно, это была радость со слезами на глазах. Триумф и горе пережитого, скорбь о павших слились воедино. Но над всем этим возвысилась всенародная гордость — мы выстояли, мы победили, возмездие свершилось.

9 мая стало рубежом, отделившим войну от послевоенного времени. Началась мирная жизнь. Разрушенная, обнищавшая, полуголодная страна все свои физические и духовные силы сконцентрировала на возрождении. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» сменился лозунгом «Победили в бою, победим в труде!».

Много дел и забот ждало наших земляков, вернувшихся в родные места. Истосковавшиеся по мирному труду, они включились в работу. Фронтовики подавали пример дисциплины, организованности, нетерпимости к недостаткам, несправедливости, задавали тон хорошим отношением к делу, подкрепляли все это взаимопомощью, дружбой. Многие из них ушли на фронт со школьной скамьи, не имели профессии.

И вчерашние воины сели за парты, большинство училось в вечерних школах, на заочных отделениях. К ним присоединились и те, кто подростком встал к станку или работал в поле.

Учителя той поры вспоминают, как нелегко давалась им учеба и как настойчиво они овладевали знаниями.

Бывшие фронтовики задавали тон и в общественной жизни. Многие из них уже в первые послевоенные годы начали активно работать в школах, других учебных заведениях, помогали создавать музеи, уголки боевой и трудовой славы, заниматься краеведением. Делали все это с одной целью — оставить память о войне будущим поколениям, воспитать настоящих патриотов своей Родины.

В те годы создали свой совет однополчане 314-й Киргизской ордена Кутузова стрелковой дивизии. Члены совета Король И. Ф. и Егошин П. А. написали книгу «От Свири до Эльбы» о боевом пути дивизии. Ветеран дивизии Овчинников А. М. выпустил сборник об однополчанах «Они сражались за Родину».

Ветераны войны и тыла стали инициаторами создания ветеранских общественных организаций в трудовых коллективах области. В августе 1968 года они объединились и избрали областной совет ветеранов. Много сил отдали развитию ветеранского движения Корчажкин В. Е., Савин М. А., Фейге Е. В., Ткаченко А. Г., Понуровский А. Ф., Пресняков С. М., Сутюшев М. У., Васютин А. И., другие ветераны города и сельских районов. Заботы народа, судьбы страны определили главные направления деятельности ветеранской общественности. Во всех ее делах тон задавали и задают бывшие фронтовики. Но раны, возраст, болезни берут свое. Все меньше среди нас тех, кто воевал, кто помогал фронту в тылу. И сегодня главная их забота, главный вопрос, который их волнует, — каким пониманием жизни, какими нравственными ориентирами будут руководствоваться поколения, пришедшие им на смену. Ветераны войны в меру своих возможностей участвуют в воспитании у нынешнего молодого поколения патриотизма и укреплении дружбы всех народов, для которых Казахстан является Родиной.

Эта книга — своего рода наказ ветеранов молодым. Трудно живется сегодня тем, кто ковал победу на фронте и в тылу. Недостает самого необходимого. Но их главная тревога — судьба детей и внуков. Сумеют ли они дорожить дружбой, братством так, как это было в войну на фронте и в тылу, дадут ли отпор тем, кто разжигает рознь между людьми, будут ли ценить добросовестный труд, держать данное ими слово, дорожить своей Родиной?

Полвека прошло с памятного дня, принесшего весть о долгожданной Победе. Военное прошлое, как пора испытаний и утрат, народного подвига, братства народов, живет в нашей памяти. Выросли дети, состарились матери и вдовы, не дождавшиеся с войны отцов, сыновей, мужей. Низко склоним головы перед теми, кто отдал жизнь за Победу. Наше уважение и признательность тем, кому выпало вернуться живыми, кто сегодня рядом с нами.

Пусть книга «Тернистый путь к победе» будет памятным подарком североказахстанцам к 50-летию Победы.

В. ХМАРА,
председатель областного совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 5
К. Магазов. Огненные годы 7
Песня «Священная война» 13

Глава I. Воспоминания и статьи

И. Матюшко. На границе, 22 июня 17
А. Есенбаев. Первый, самый трудный бой 20
Под Москвой, в декабре 41-го 23
М. Габбасов. На Сталинградском направлении . . . 27
И. Езубченко. По ту сторону Волхова 35
Песня «В землянке» 41
Ж. Избасов. Полевая почта 43
Я. Носков. Вспоминая пережитое 46
И. Конев. Под Прохоровкой 52
В. Холоднов. На Днепре 55
А. Корпенко. Нас было пятеро 59
А. Васютин. За Одером — Берлин 62
К. Магазов. От Керчи до Севастополя 65
Песня «Огонек» 71
І. Перьев. Только одна минута 72
А. Шеменков. Так формировалась дивизия 75
Песня «Темная ночь» 79
В. Дробышев. Пятая надежда 80
К. Калиев. Первая атака 86
Песня «Вечер на рейде» 93
И. Ошмарин. Это было на полуострове Сырве 94
Г. Старовойтова. Казалось, не хватит сил 100
Х. Салимжанов. Однажды вечером 102
А. Орынбасарова. У войны не женское лицо 104
К. Сыздыков. Парторг батальона 107
С. Дюсенов. Под гвардейским знаменем 110
Песня «Дороги» 111
Ф. Маршинин. ...И в памяти былое оживает, и эхом откликается война... 113
К. Сыздыков. Бой за высоту «Верблюд» 121
Б. Петров. Воин, писатель. Золотая Звезда комбата . . 125
Ж. Сулейменов. Верность 132
С. Воропаев. «И что еще впереди» 142
П. Пенчук. Звездный час 145
П. Андреева. Горе началось в 41-м 148
В. Кудряшова. Время, не подвластное забвению . . . 154
З. Шабанова-Шиханева. Ленинградцы, дети мои . . . 156
П. Осипов. Предприятия города — фронту 158
П. Науменко. Скорбный список 170

Глава II. Звезды Северного Казахстана

Ахременко Н. А. 175
Булавский В. К. 177
Быковский В. И. 180
Гончар П. И. 182
Гуденко С. Г. 184
Даутов И. С. 187
Довженко В. М. 189
Дусухамбетов А. 190
Ершов А. М. 193
Закиров Г. З. 196
Ибраев И. 198
Карушин А. Ф. 200
Кизатов Ж. К. 203
Кирдищев Г. Ф. 206
Киреев С. Я. 209
Коваленко П. В. 211

Ковалевский А. Н. 216
Кологойда Н. В. 218
Королев В. И. 221
Кошуков В. Б. 223
Матвеев А. В. 226
Малиев М. А. 229
Михеев Г. Я. 231
Овсянников В. В. 234
Позолотин Г. С. 235
Подорожный Н. А. 238
Свечников П. С. 242
Скачков В. М. 244
Ущев Б. П. 246
Хименко А. М. 250
Чижиков Ф. В. 253
Батырев Я. И. 255
Дарменов А. 257
Кравченко П. С. 259
Пуненко А. А. 260
Ткачев И. Л. 262
Мосякин К. Е. 263

Глава III. Документы, события военных лет 265
Послесловие 296

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, работников тыла Северо-Казахстанской области. Статьи и очерки.

Издание Северо-Казахстанской областной администрации и областного совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил.

Художник **Г. М. Осиик.**

Фото из фонда облгосархива.

Фоторепродукции **А. Короткова.**

Корректоры **А. Абильмажинова, Г. Шакурова.**

Отпечатано в областной типографии № 6 ПО «Полиграфия». Апрель 1995 г. 642026, Северо-Казахстанская область, г. Петропавловск, ул. Ленина, 11. Тираж 4100. Цена договорная.

Сдано в набор — II. 1995 г., подписано в печать — IV. 1995 г. Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Заказ № 716. Гарнитура литературная, печать высокая, усл. красочн. листов 1,3; усл. печ. листов 16,7. Издатель — областная администрация, областной совет ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, г. Петропавловск, ул. Ленина, 32.